

Р. К. РИМАНТЕНЕ

**ПАЛЕОЛИТ
И
МЕЗОЛИТ
ЛИТВЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Р. К. РИМАНТЕНЕ
ПАЛЕОЛИТ
И
МЕЗОЛИТ
Л И Т В Ы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИНТИС» * ВИЛЬНЮС * 1971

О Т А В Т О Р А

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. Н. ГУРИНА

Период первоначального заселения территории современной Литвы является одним из «белых пятен» в литовской историографии. До сих пор палеолит и мезолит Литвы фигурировали в трудах историков лишь в качестве введения к описанию более поздних периодов. На это была объективная причина — нехватка соответствующих материалов.

Иное дело теперь, когда в результате широких, планомерных исследований накоплено большое число данных, позволяющих осветить истоки древних культур относительно глубоко и полно. Именно этому и посвящена предлагаемая читателю работа. Автор ее делает попытку свести в систему имеющиеся в его распоряжении материалы о палеолите и мезолите Литвы.

Однако, прежде чем перейти к изложению исследуемой проблемы, автор должен оговориться, что не все поднятые им вопросы освещаются с тождественной аргументацией, поскольку исходные данные далеко не во всех случаях равнозначны. Далее, отсутствие раскопанных торфяниковых стоянок, относящихся к палеолиту и мезолиту, вынуждает автора описывать костяные — роговые изделия только как случайные находки. И еще один недостаток, о котором следует упомянуть, — это неоднородное распространение памятников на исследуемой территории. Безусловно,

со временем археологи и краеведы пополнят пробелы в изучении древнейшего периода истории Литвы, а пока будем довольствоваться тем, что есть.

Рукопись книги обсуждалась в Секторе палеолита Ленинградского отделения ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР, сотрудники которого сделали по тексту ценные замечания, за что автор выражает им искреннюю признательность. Автор весьма благодарен также доценту Кафедры истории Литовской ССР Вильнюсского ордена Трудового Красного Знамени гос. университета им. В. Капсукаса П. З. Куликаускасу, рецензировавшему данную работу.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто помогал в создании этой книги: доктору исторических наук Н. Н. Гуриной и кандидату географических наук М. Карайлене, доктору биологических наук Е. Шимкунайте, кандидату исторических наук А. Даниляускасу, художнице Л. Скерстонайте, изготовленной чертежи к данной книге (рисунки выполнены автором).

Трудам моего отца академика К. Яблонского я обязана и своим путем в науку и подготовкой данной работы, поскольку его обширными дневниками и полевыми сборами я пользовалась, как своими.

СОКРАЩЕНИЯ

- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
 КСНИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 СА — Советская археология.
 ТПЭ — Труды прибалтийской объединенной комплексной экспедиции.
 Aarbøger — Aarbøger for nordisk Oldkyndighed och Historie.
 Bericht Hamburg — Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte Hamburg von 24. bis 30. August 1958.
 Ebert Reallexikon — Reallexikon der Vorgeschichte herausgegeben von Max Ebert.
 LAB — Lietuvos archeologijos bruožai (Очерки археологии Литвы).
 SMYA — Suomen Muinaismuistoystyksen Aikakauskirja.
 Transactions — Transactions of the II international conference of the association on the study of the quaternary period in Europe fascicle V.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА В ЛИТВЕ

История накопления и изучения материалов каменного века прошла в Литве три этапа и вступила сейчас в четвертый.

Начало первого этапа относится к тому времени, когда в частные собрания редкостей, произведений искусства, минералов стали включать и находки каменного века. Примером этому может служить опись Кенигсбергской кунсткамеры литовского магната Богуслава Радвила (Радзивилла), составленная в 1657 г. В описи мы находим упоминание о «пополам переломанном каменном копье... и кремене, как птица».

В XVIII—XIX вв. имелось уже немало таких собраний (Narbut, 1835—1840, 1, стр. 370; Poļujanski, 1859, стр. 450; Tyszkiewicz, 1872; Вольтер, 1889), однако общедоступный археологический музей, называвшийся «Музеем древностей», был открыт в Вильнюсе только в 1856 году. Основал его Еустах Тышкевич (1814—1873). Археологическая экспозиция «Музея древностей», устроенная в одном из залов местного университета, была богаче, по словам современников, чем коллекции польских музеев (Tyszkiewicz, 1872; Talko-Hrynciewicz, 1920, стр. 65; Puzinas, 1935, стр. 41). Справедливости ради надо сказать, что, по нынешним представлениям, коллекция «Музея древностей» все-таки была невелика — каменный век в ней был представлен почти только одними шлифованными топориками (Киркор, 1885; Wilczinski, 1862).

Наряду с этим археологические материалы западных литовских земель, в частности Куршской косы, накапливались в музеях кенигсбергских археологических и природоведческих обществ — «Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft», основано в 1970, и «Altertumsgesellschaft Prussia» — 1844 г. Судя по печатным отчетам этих обществ («Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft»,

«Sitzungsherichte der Altertumsgesellschaft Prussia»), археологические материалы представляли собой неолитические находки: шлифованные изделия и керамику.

Бедность археологических коллекций, разумеется, затрудняла теоретическую разработку проблем каменного века. Однако уже и тогда наряду с публикациями делались попытки интерпретации материала, установления хронологии, назначения и даже этнической принадлежности находок. Исследователи, несмотря на недостаточность фактического материала, стремились, привлекая данные, относящиеся к другим территориям, делать некоторые обобщения.

На первом этапе исследователи каменного века в Литве после некоторых колебаний приняли утвердившуюся в европейской науке систему трех периодов, выдвинутую в 1836 г. немецким исследователем И. Ф. Даниэлем (1788—1868) и датским музееведом Ц. Т. Томсеном (1789—1865).

Если собирательская деятельность Е. Тышкевича положила начало общедоступным музеям, то его исследовательские труды можно считать первым шагом археологической науки в Литве. В 1842 г. в Вильнюсе появилась его первая книга — «Взгляд на источники местной археологии», а в 1850 г. — «Археологические исследования изящных ремесел» (обе на польском яз.). Благодаря этому материалы каменного века Литвы вошли в международную археологическую науку.

Спустя некоторое время первая книга Е. Тышкевича была переведена на русский (Тышкевич, 1843) и немецкий (Tyszkiewicz, 1847) языки. В ней Тышкевич еще не признает систему трех периодов. Принял он ее чуть позже, в 1850 году. Кстати, в первом труде Тышкевича не упоминается ни одного изделия

палеолита или мезолита, и только во втором фигурирует один костяной топорик (Tyszkiewicz, E., 1850, стр. 68—69, табл. II, I). При этом автор подчеркивает, что топорик, о котором идет речь, «был употребляем раньше, нежели были изобретены металлы», и далее говорит: «Подобные древности во всех собраниях всего мира относятся к редчайшим и древнейшим». Что касается кремневых изделий, то они были представлены в книге одним крупным мезолитическим нуклеусом из Завишишке (Зарасайский р-н)¹, с помощью которого автор объясняет, как обрабатывался кремень при изготовлении топориков. Ничего не зная о кремневых пластинах, не найденных еще тогда в Литве, Тышкевич вынужден был прибегнуть в качестве примера к пластинам из Швеции, указав, что они использовались для изготовления наконечников стрел.

Почти все исследователи того времени (Я. И. Крашевский (1812—1887) в книге «Славянское искусство» — Kraszewski, 1860; Константин Тышкевич (1806—1868) в книге «О курганах» — Tyszkiewicz K., 1868; И. Р. Аспелин (1842—1915) в труде «Древности северных финно-угров» — Aspelin, 1877) судили о каменном веке Литвы лишь по топорикам. Несколько особняком стоял профессор Дерптского университета К. Гревинг (1816—1887). Будучи естествоиспытателем, он не удовлетворялся только изучением форм археологических находок, но обращал внимание и на особенности материала, из которого они были изготовлены а также на обстоятельства, при которых эти находки были обнаружены (Stieda, 1887—1888, стр. 219—253).

В своем труде «Каменный век в прибалтийских провинциях» (Grewingk, 1865) Гревинг упоминает 120 предметов каменного века, найденных в Прибалтике, и среди них — 4 из Литвы. Что касается мезолита, то он приводит нуклеус и костяной топорик, уже описанные Е. Тышкевичем. В более поздней работе «К вопросу о каменных изделиях, обнаруженных в Ливонии, Эстляндии, Курляндии и некоторых соседних странах» (Grewingk, 1871) профессор упоминает уже 13 находок из Литвы, однако все они — неолитические топорики. Малочисленность привлеченного Гревингом материала объясняется, между прочим, и тем, что он не принял во внимание все находки, не имевшие точного паспорта. В исследовании о северном олене в Прибалтике (Grewingk, 1867), дерптский ученый приходит к выводу, что люди здесь обосновались не в период пе-

¹ Здесь и далее места находок даются по современному административно-территориальному делению Литовской ССР, в транскрипции, выработанной Институтом литовского языка и литературы республиканской Академии наук.

щерного медведя, а в период северного оленя, что явилось первой попыткой установить время начала прибалтийского палеолита. Значительную работу К. Гревинг проделал, изучая кундские находки в Эстонии (Grewingk, 1882; 1884). При этом он привлек сравнительный материал из Литвы, в том числе костяной гарпун с кремневыми вкладышами из Будвейчя (Grewingk, 1882, стр. 42—43, табл. III, 33).

Заслуга названных выше исследователей состоит в том, что они ввели литовский материал в научную литературу и впервые датировали его каменным веком. Что касается мезолита, то, как мы уже говорили, материал, представленный в перечисленных трудах, ограничивался нуклеусом, костяным топориком и гарпуном с вкладышами — случайными находками, которые, разумеется, не могли стать основой для решения археологических проблем Литвы. Для этого требовалась полевые работы — активные поиски памятников каменного века.

Началом второго этапа исследований каменного века в Литве, когда находки палеолита и мезолита уже заняли в коллекциях научных значительное место, следует считать семидесятые годы XIX века. Известный этнограф З. Глогер (1845—1910), посетивший в 1871 г. окрестности Друскининкай и Лишкявы на юго-востоке Литвы, собрал на обнаруженных им стоянках значительное количество изделий каменного века. В 1872 г. он обследовал берега Немана от Друскининкай до Поценай (Пренайский р-н), где обнаружил следы стоянок каменного века (Gloger, 1873, стр. 97—124; 1888, стр. 30—84, 248—305). Надо сказать, что число стоянок, обнаруженных Глогером в обследованном им районе, не соответствует современным данным. На самом деле их было значительно больше — Глогер принимал за одну стоянку места, где в действительности находилось несколько стоянок. В 1899 г. он путешествовал вновь вдоль Немана — от г. Каунаса до Юрбаркаса (Gloger, 1903, стр. 79—94), и обнаружил еще две стоянки каменного века.

Все свои находки Глогер увез в Польшу. Вначале они хранились в его имении Ежевье, Ломжской губернии (Вольтер, 1889), а позже были переданы Краковской академии наук (Talko-Hugowicz, 1920, стр. 66; 1923, стр. 187). Из описи, сделанной в 1927 г. С. Круковским, известно, что в собрании Глогера имелись плудские и другие палеолитические находки из принеманских стоянок Балташишке и Насуцишкий, а также из района Друскининкай (Krukowski, 1927). Кроме лично собранных, Глогер располагал и подаренными ему археологическими находками из не

обследованных им местностей Литвы (Fedorowski, 1912, стр. 30—31).

Примерно в те же годы, что и Глогер, значительный материал собрал проживавший в Литве Вандалин Шукевич (1852—1919). С 1883 г. вплоть до своей смерти Шукевич сам, а также с помощью местных крестьян собирал находки каменного века на территории теперешнего Варенского района и в соседних местностях юго-восточной Литвы и Белоруссии. Кстати, он собирал древности лишь только для того, чтобы уберечь их от уничтожения (Szukiewicz, 1901а, стр. 3), так как специального образования не имел. Наибольшее число стоянок Шукевич открыл на берегах р. Ула, несколько меньше — у рек Мяркис, Груда, Катра, Нача, а также между речкой Пеляса и одноименным озером. До 1899 г. он открыл в этих местностях 58 стоянок, не считая 35 мест, где находил отдельные изделия. Только на берегах реки Ула (протяжением 35 км) до 1900 г. Шукевич обнаружил 29 стоянок, а позже (до 1907 г.) — еще 14 (Szukiewicz, 1907). Из обзора стоянок каменного века, составленного в 1910 г. (Szukiewicz, 1910), видно, что в бывшем Виленском повете ему не удалось найти следов первобытного человека. В Тракайском же повете он более или менее точно зарегистрировал 40 стоянок и еще 5 не совсем уверенно; в большинстве на берегах р. Мяркис и ее притоков. Наибольшее количество — свыше 50 стоянок — было им обнаружено в бывшем Лидском повете, по рекам Дитва, Катра, Ула, Нача, Версока. Большинство этих стоянок расположено на современной территории Литовской ССР.

В 1910 г. В. Шукевич писал: «Смотрите, чтобы наши потомки не имели большого повода упрекать нас в том, что мы не сумели уберечь наших археологических сокровищ» (Szukiewicz, 1910, стр. 62). В его добрых намерениях нет основания сомневаться, и заслуга его велика. Но жаль, что он не имел соответствующей научной подготовки. Именно поэтому большинство находок из коллекции Шукевича располагают весьма приблизительными паспортами. Нередко ряд их объединяется автором под одним названием, включающим довольно обширную территорию.

Часть экспонатов из собрания Шукевича попала в музей Кракова, Москвы, Ленинграда, однако большинство их осталось в Вильнюсе и хранится теперь в Историко-этнографическом музее Литовской ССР. Значительное место среди них занимают изделия палеолита и мезолита.

В конце XIX — начале XX вв. крупным собранием западнолитовских археологических

находок располагал известный литовский археолог, этнограф и художник Т. Даугирдас (1852—1919). Он очень тщательно фиксировал в дневнике обстоятельства обнаружения древностей (Daugird, 1881—1888). В 1907 г. Даугирдас подарил свою коллекцию Каunasкому городскому музею. Палеолитических и мезолитических находок в ней мало.

Помимо названных, имелись и другие коллекции, хотя и не столь обширные. Например, на стоянках в Балташишке археологический материал собирал М. В. Малахов (Малахов, 1884, стр. 16), а в Варенском и Тракайском районах — Н. Рерих и др. В этих коллекциях тоже есть некоторое количество материала по палеолиту и мезолиту.

В конце XIX в. ученые вплотную занялись изучением Куршской косы. Здесь работали видные немецкие археологи О. Тишлер (1843—1891), А. Бещенбергер (1851—1922) и Е. Голлак (1860—1924), представлявшие кенигсбергские научные общества, о которых мы уже упоминали. Исследования велись на должном уровне того времени и дали обильный материал, относящийся целиком к неолиту.

На втором выделенном нами этапе исследователи проявили большую осторожность в интерпретации материалов каменного века. Они даже не пытались установить продолжительность его в Литве. Юго-восточные стоянки в хронологическом отношении были отнесены тогда к «разным периодам».

К части В. Шукевича, он пытался решить некоторые вопросы хронологии, сравнивая типы своих находок с археологическим материалом Франции и Польши, известным ему по литературе. Некоторые его сравнения были удачными. Например, он правильно отнес ряд наконечников, найденных в Каушесе и Рудне, к концу палеолита (Szukiewicz, 1907, стр. 11; 1910, стр. 59). Однако, наряду с этим, Шукевич допускал и ошибочные предположения, например, в попытке сопоставить нож бронзового века с орудиями мустьярского типа. Правда, здесь он делал оговорку: «Сходство может быть случайным, и делать отсюда какие-либо выводы о хронологии стоянок очень рисковано» (Szukiewicz, 1901, стр. 23).

Вместе с некоторым обобщением, изложенным в публикациях (Szukiewicz, 1901а; 1907), В. Шукевич издал и ряд обзорных работ. В 1901 г. он выпустил книгу «Очерки доисторической археологии Литвы» (Szukiewicz, 1901а), в которой, к сожалению, палеолит освещается только на основе французского материала, и лишь во втором разделе дается краткий обзор находок каменного века Виленской губернии.

В конце XIX в. все известные к тому времени стоянки каменного века были отмечены на археологических картах тогдашних Виленской (Покровский, 1893), Гродненской (Покровский, 1895) и Ковенской (Покровский, 1899) губерний, составленных на основании данных В. Шукевича (В. Шукевич, 1893), З. Глогера, М. В. Малахова и Т. Даугирдаса.

Таким образом, второй этап изучения каменного века в Литве ознаменовался накоплением значительного количества находок палеолита и мезолита, относящихся в основном к юго-восточной Литве. Однако интерпретация собранных материалов все еще оставалась недостаточной.

Третий этап исследований начался после окончания первой мировой войны. Старые сокращения каменного века оказались сосредоточенными в основном в Вильнюсе (в то время он был в составе Польши), Кенигсберге (Германия) и Каунасе. И если ученые первых двух центров практически прекратили дальнейший сбор материала, касающегося Литвы, то в Каунасе собрание стало быстро расти.

Первоначально в Каунасском городском музее накапливались большей частью случайные находки, относящиеся в основном к неолиту. В 1936 г. коллекция перешла в ведение вновь открытого музея культуры им. Витаутаса. Собирательская работа заметно активизировалась. Заслугой музея было сосредоточение находок, хранившихся до тех пор в маленьких местных (школьных и др.) музеях. И все-таки планомерных, широких разведок или раскопок стоянок каменного века ни одно научное учреждение не вело. Этим занимались лишь частные лица — энтузиасты, главным образом П. Тарасенка (1892—1962) и К. Яблонскис (1892—1960).

Литовский археолог П. Тарасенка известен как исследователь городищ и камней, имеющих исторические знаки, однако в начале двадцатых годов нашего века он собрал и материал стоянок по р. Нярис от Кярнаве до Каунаса (Tarašenka, 1922; 1924), большинство которых относится к неолиту.

Крупная систематизированная коллекция изделий каменного века была собрана в 1920—1960 гг. академиком К. Яблонским. Вначале она состояла из материалов разведок в окрестностях Каунаса, а позже, в особенности с 1937—1938 гг., значительно расширилась. Многочисленные разведки по Неману от Друскининкай до Юрбаркаса позволили обнаружить 142 стоянки; 65 стоянок найдено по течению р. Нярис (Вилия) от Вильнюса до Каунаса.

Наиболее значительное место в собрании заняли находки из юго-восточной Литвы, с 307 стоянок, расположенных по рекам Мяркис, Ула, Дяржничя и побережья некоторых озер.

В других местностях было найдено в те годы 27 стоянок. При этом сбор материала велся на должном научном уровне. Там, где это было возможно, находки точно паспортизировались, тщательно шифровались. В дневниках давалось подробное описание комплексов и обстоятельств, при которых они были обнаружены; составлялись топографические планы (Jablonskis, 1939—1960). Большая часть коллекций слагалась из материалов палеолитических и мезолитических стоянок.

Интерпретацией литовских материалов каменного века в третьем и, отчасти, в четвертом десятилетиях XX в. занимался ряд археологов соседних стран: советский ученый А. А. Спицын, польский — Вл. Антоневич, немецкие — В. Гэрте и К. Энгель. Именно они и предложили первые схемы периодизации каменного века современной Литвы.

В 1925 г. А. А. Спицын опубликовал работу «Литовские древности» (1925, стр. 112—171). Кратко охарактеризовав природные условия, существовавшие в прошлом на изучаемой территории, он отметил, что ему ничего не известно о наличии памятников палеолита в Литве, но выразил надежду, что такие памятники со временем будут обнаружены. Им был выделен «костяной период», однако основой к этому послужили лишь находки, описанные Е. Тышкевичем и В. Шукевичем, а также сравнительный материал соседних стран. Кроме старых сокращений, А. А. Спицыну были известны коллекции Т. Даугирдаса, П. Тарасенка и К. Яблонскиса, содержащие каменные орудия. Тем не менее главное внимание автор уделил железному веку. Труд А. А. Спицына долгое время служил основным руководством по археологии Литвы.

По мере дальнейшего накопления материала возникали новые научные проблемы, и в первую очередь необходимость дать общую картину размещения стоянок. Эту работу выполнил П. Тарасенка в книге «Материал литовской археологии», к которой была приложена большая археологическая карта Литвы (Tarašenka, 1928). П. Тарасенка зарегистрировал на карте около 115 стоянок каменного века, не считая многочисленных мест обнаружения отдельных находок, в частности каменных топориков. В своих выводах автор в основном опирался на А. А. Спицына и датировать стоянки не пытался.

Несмотря на ряд очевидных успехов, литовские ученые буржуазного периода были ограничены в своих возможностях. С одной стороны, материалы по каменному веку, накопленные до первой мировой войны, были для них практически недоступны — в Вильнюсе остались сокращения В. Шукевича; там же, в Польше, находились коллекции З. Глогера; находки

Куршской косы были увезены в Кенигсберг. С другой стороны, ученые соседних стран не располагали достаточными сведениями о новых литовских материалах, что, естественно, сказывалось на их работах.

Среди авторов трудов, посвященных каменному веку Литвы, следует отметить польского археолога В. Антоневича. К археологии Литвы он обратился, готовя статью об археологических памятниках Вильнюсского края для издания «Вильнюс и Вильнюсский край» (Antoniewicz, 1930). За основу периодизации Антоневич взял схемы польских и немецких археологов. По Антоневичу, самой ранней культурой в Литве была свидерская, достигшая наибольшего распространения в анциловом периоде, в конце которого, по его мнению, наблюдалось проникновение в Литву кундской и тарденузской культур, а позднее — в периоде литорина — кампинской культуры.

Примерно той же периодизации Антоневич придерживался в своем докладе на международной конференции исследователей четвертичного периода, состоявшейся в Москве в 1935 г. (Antoniewicz, 1935, ст. 29—45).

Кроме Антоневича, ряд других польских археологов, изучавших каменный век, попутно тоже касались литовских находок (Kozłowski, L., 1924; Krukowski, 1927; Kostrzewski, 1923; 1938—1948).

Немецкие археологи в силу специфики имеющегося у них материала изучали только неолит Западной Литвы. И лишь в одном случае был затронут вопрос о палеолитических находках в Кальнишкай, в районе г. Клайпеды (Gross, 1939).

Новые материалы, накапливавшиеся в это время в самой Литве, вошли в археологическую литературу только в тридцатые годы. Среди многих небольших публикаций выделяется статья бывшего руководителя доисторического отдела Музея культуры И. Пузинаса «Культура последедникового жителя Литвы» (Puzinas, 1935^a, стр. 281—287). Автор ее впервые дал обстоятельный обзор всех костяных и роговых изделий каменного века Литвы и сделал попытку их хронологизации. Богато иллюстрированная статья содержала важные сведения о находках палеолита и мезолита.

Позднее, в своей крупнейшей обзорной работе «Данные новейших доисторических исследований» (Puzinas, 1938^a) Пузинас представил краткий обзор всех находок каменного века Литвы, подразделив их на группы соответственно периодам палеолита, мезолита и неолита. В сокращенном виде этот обзор фигурировал на 1-й Международной конференции прибалтийских историков в Риге и был опубликован на немецком языке (Puzinas, 1938^b).

Более подробно результаты своих исследований И. Пузинас изложил в лекциях по археологии, прочитанных в Каунасском и Вильнюсском (после 1939 г.) университетах.

Итак, на третьем этапе исследований был собран весьма значительный новый материал. При этом разведочные полевые работы, в значительной части охватывавшие среднюю и южную Литву, велись более квалифицированно. Появились труды обобщающего характера, вводившие литовский археологический материал в европейскую науку.

Четвертый период исследований начался в годы Советской власти, после освобождения Литовской ССР от гитлеровских захватчиков. Для этого этапа характерны систематические разведывательные и стационарные исследования памятников каменного века.

Разведку древних стоянок в окрестностях Вильнюса и Варены продолжал вплоть до самой смерти (1960 г.) академик К. Яблонскис. Экспедиции организовывали Сектор археологии Института истории АН Литовской ССР (Римантене, 1968) и Отдел первобытного общества при Каунасском музее искусств им. М.-К. Чюрлениса.

Стационарные раскопки раскрыли около 50 стоянок, в том числе немало палеолитических и мезолитических. Богатые материалы дали и разведки.

Кроме того, для литовских ученых стало доступным наследство В. Шукевича. Материалы стоянок Рудня и Кашетос явились объектом статей А. Бернотайтэ (Bernotaitė, 1959; 1960), в которых она пыталась сделать некоторые обобщения. Материалы Зервинос были опубликованы Р. Римантене (Rimantienė, 1965). Ее перу также принадлежат статьи о стоянках палеолита и мезолита: Эйгуляй (Яблонскис-Римантене, 1959), Самантонис (Rimantene, 1960), Жяней Канюкай (Jablonskytė-Rimantienė, 1963a), Лампеджай (Jablonskytė-Rimantienė, 1963b), Эжяринас (Jablonskytė-Rimantienė, 1966a), Максимонис IV (Jablonskytė-Rimantienė, 1966b) и некоторых других.

В 1952 г. была сделана попытка обобщения материалов литовского палеолита и мезолита (Яблонските, 1952). Сейчас, по мере накопления новых данных, это обобщение следует считать уже несколько устаревшим.

В 1961 г. появился коллективный труд «Очерки археологии Литвы», в котором П. Куликаускас тоже дал краткую характеристику палеолита-мезолита (LAB, 1961, стр. 34—53). В дальнейшем этими проблемами пришлось вплотную заняться автору данной монографии (Римантене, 1962; Jablonskytė-Rimantienė, 1964; Яблонските-Римантене, 1966).

В целом можно констатировать, что к настоящему времени мы располагаем материа-

лом, достаточным для того, чтобы попытаться дать более широкую обобщающую работу по палеолиту и мезолиту Литвы.

Автор предлагаемой читателю книги, опираясь на археологические исследования, поставил целью восстановить картину процесса заселения современной территории Литвы от появления здесь первых людей до того времени, когда уже становится возможным говорить об образовании протобалтийских племен, т. е. до эпохи неолита.

Чтобы решать вопросы первоначального заселения Литвы, требуются исчерпывающие данные по всей ее территории. Но всех таких данных нет, некоторые районы до сих пор остаются недостаточно изученными, многие старые находки не вполне паспортизованы, а сами коллекции фрагментарны; недостаточно ясна до сих пор и последовательность некоторых явлений. Все это вынуждает автора пользоваться рядом рабочих гипотез, основанных как на сравнительном материале, так и на логических предположениях.

Устанавливая важный принцип оценки имеющихся материалов, автор считал для себя главным отделить явления, свидетельствующие об этнических процессах (т. е. о расселении первобытных родовых общин, об их взаимообщении и формировании на этой основе местных культур) от фактов, возникающих конвергентно или в результате культурных связей, и не сопровождающихся миграцией. Подобное разделение последовательно осуществляется по всей книге, поскольку лишь такой подход позволяет определить характер образования и распространения той или иной культурно-этнической общности.

Исходя из этой концепции, автор при классификации материала в первую очередь обращает внимание на культурные группы, вне строго ограниченных хронологических рамок, потому что в одно и то же время рядом могли существовать разные культурные — и, по-види-

мому, этнические — группы. В хронологическом же отношении эти группы рассматриваются в рамках того периода, к которому относится их возникновение.

Однако в дальнейшем отдельные культуры или их элементы могли выйти за пределы своего времени, для которого они были когда-то характерны. Таким образом, эпипалеолитическая группа изучается не только как хронологическая группа начала мезолита (период пребореяля), но также и как этнокультурное явление, уходящее позднее далеко в середину мезолита.

До сих пор археологи, изучавшие литовские материалы каменного века, и в особенности палеолит и мезолит, основное внимание уделяли истории быта. Автор предлагаемой работы отодвигает вопросы первобытного хозяйства на второй план и касается их лишь постольку, поскольку это нужно для решения некоторых проблем расселения племен, оседлости и других вопросов этнической истории. Этой цели отчасти служат и привлекаемые автором палеоклиматические и геоморфологические данные.

Имея в виду некоторую недостаточность последних, автор обращается к классическим методам археологии — типологическому и морфологическому, а также к топографии стоянок, поскольку их месторасположение зависело от колебаний уровня моря, рек и озер, т. е. в большой мере от изменения климата. Так как указанные явления в настоящее время датируются довольно точно, автор стремился воспользоваться этим для определения хронологии стоянок. Кроме того, он старался сопоставить процессы, происходившие в Литве, с аналогичными процессами, протекавшими в соседних странах, где в ряде случаев они датированы с помощью естественных наук. Исходя из этого, при разборе каждого отдельного этапа культурного развития палеолита и мезолита Литвы автор дает обзор природных условий соответствующего времени.

II. К ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЫ

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В АРКТИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ

Возможность заселения современной территории Литвы человеком появилась лишь тогда, когда ледник стал невозвратимо отступать от максимальной границы своего распространения в Померанской стадии. Краевые образования ледника в современном рельфе составляют так называемую Балтийскую гряду. Ч. Кудаба выделяет свыше 10 моренных массивов, самыми крупными и высокими из которых являются Аукштадварский, Биотишк-

ский, Таурагнайский и др. (Кудаба, 1969) (рис. 1).

Отступление ледника сопровождалось очень большими изменениями в соотношении суши и водных пространств; в то время образовался обширный и глубокий водный резервуар. Следы его береговых границ встречаются по всей Литве, достигая 120—190 м абсолютной высоты (Басаликас, 1961, стр. 215; Basalykas, 1965, стр. 19). Постепенно резервуар, о котором идет

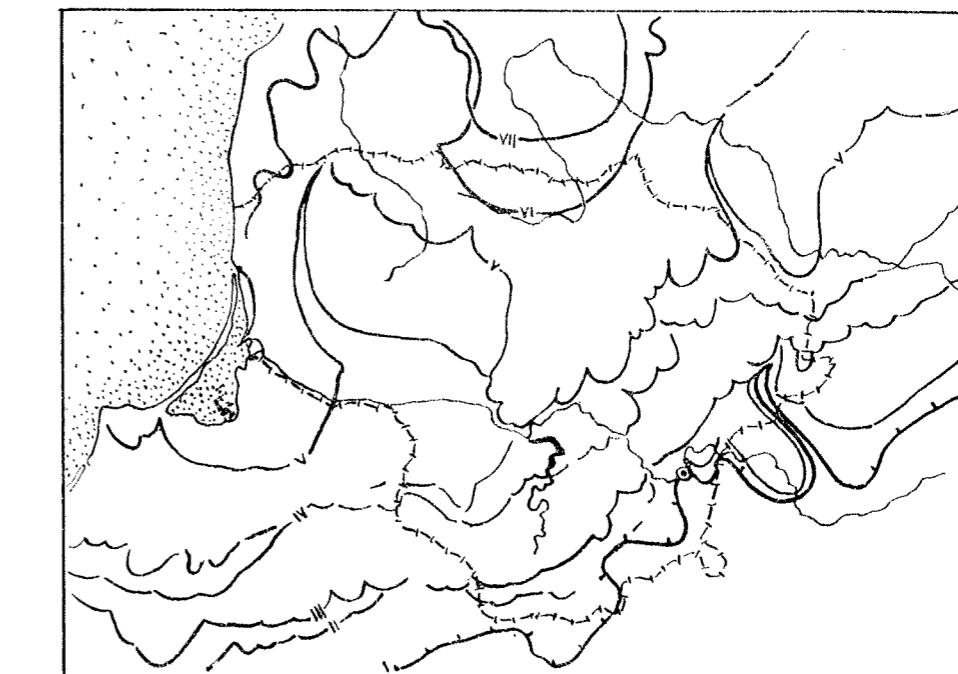

Рис. 1. Расположение границ гляциостадий и гляциофаз в Литве.
I — граница последнего (неманского, валдайского, вислинского, северопольского) оледенения; II — граница жёгяльской (франкфуртской) стадии; III — граница аукштайтской (померанской) стадии; IV — граница южнолитовской фазы; V — граница среднелитовской фазы; VI — граница северолитовской фазы; VII — граница нилиенской фазы (по П. Вайтекунасу, 1969).

речь, распался на несколько озер, берега которых имели высоту около 100, 80—90 и 60—65 м (Басаликас, 1961, стр. 218; Basalykas, 1965, стр. 19). В конце нижнего дриаса береговые границы озер составляли абсолютную высоту примерно в 40 м. Именно с этим периодом и следует связывать начало образования речной системы Литвы, так как самая высокая терраса Немана достигает именно 40 м высоты.

В это время на месте современного Куршского залива располагалось приледниково озеро, занимавшее значительную часть среднелитоловской низменности и питавшее все крупнейшие реки Литвы (Басаликас, 1961, стр. 217). Воды Пранемана текли по долине Инстручи и Преголи к юго-востоку — в сторону Вислинского залива.

По варвометрическим данным (De Geer, 1954), отступление ледника началось около 14—15 тысяч лет назад. Приблизительно такая же дата была установлена и с помощью других методов в частности изучением особенностей развития бассейна Балтийского моря и этапов отступления ледника, а также по результатам радиокарбонных анализов (Gudelis, 1955; Gudelis, Kabailienė, 1958, табл. I).

По данным микропалеоботанических исследований (Гуделис, 1957, 1958; Seibutis, Sudnīkavičienė, 1960; Кабайлене, 1965а, б), растительный покров в наиболее древнем арктическом периоде, включающем так называемый нижний дриас, бёллинг и средний дриас, был мало развит. На основе результатов палинологического анализа можно судить (Кабайлене, 1965а), что растительность юго-восточной Литвы в то время была лесотундрового и тундрового типа. Предположительно, флора представляла кустарниковую березу и полярную иву, а на открытых пространствах — травянистые растения, в основном полыни, лебедовы, злаковые и осоковые. О холодном климате и незначительной облесенности территории Литвы в арктическом периоде свидетельствует и характер осадков — в озерах того времени накапливались песчанистые и глинистые отложения (Кабайлене, 1967). В котловинах одних озер оставались погребенными глыбы мертвого льда (Garunkštis, Stanaitis, 1959), в других сохранилась остаточная мерзлота, наблюдались явления перигляциальных процессов (Dvareckas, Basalykas, 1959) и т. д.

Первые слои бёллинга были обнаружены в 1937 г. в Мянтуряй (Gross, 1937c). По данным, в основном палинологического анализа, отложения бёллинга найдены в ряде мест южной и юго-восточной Литвы (Gudelis, Kabailienė, 1958; Кабайлене, 1965а; Шулия, 1969). На р. Мяркис вскрыты бёллингские органогенные слои, возраст которых определен по C^{14} соот-

ветственно 12715 ± 395 и 11500 ± 400 лет от наших дней (Виноградов и др., 1963).

Бёллингское потепление, выделенное во многих местах Северо-Западной и Северной Европы, было датировано радиоуглеродным методом в интервале от 12700 до 12200 лет тому назад (Громит, 1963).

Судя по микропалеоботаническим данным, можно считать, что бёллингское потепление было недолгим и на растительном покрове Литвы, очевидно, почти не отразилось, если не считать увеличения распространения бересклета. Растительность во время бёллинга была лесотундрового типа. В озерных отложениях того времени встречены макроостатки зеленых и сфагновых мхов и в небольшом количестве следы водяных растений.

Изучение озерных котловин показало (Garunkštis, Stanaitis, 1959), что во время бёллинга на территории Литвы имела место первая термокарстовая просадка — в результате таяния погребенного льда произошло понижение дна озер на несколько метров. Благоприятных условий для накопления торфа в то время не было (Сейбутис, 1970).

В тот период в Балтийской котловине находилось так называемое Южно-Балтийское бёллингское море (Серебряный, Раукас, 1967, стр. 237—240), южные и юго-восточные берега которого лежали значительно дальше к северо-западу, нежели сейчас. А. Басаликас (Basalykas, 1965, стр. 38—39) относит к бёллингу спуск приледникового озера, располагавшегося в низовьях Немана на высоте примерно 40 м над уровнем моря. Со спуском этого озера связывается первый врез рек Литвы.

По сводным данным радиокарбонных датировок, период бёллинга имел место в XI тысячелетии до н. э.

Стоянки периода бёллинга в Европе (Голландия, Дания, Шлезвиг-Гольштейн), датированные пыльцевым и радиоуглеродным методами, находились примерно в тех же природных условиях (Rust, 1958, стр. 134), какие существовали и на территории Литвы. А отсюда можно полагать, что бёллинг был первым периодом, когда на изучаемой территории стало возможным появление отдельных групп охотников позднеледникового времени. Их следы следует искать южнее среднелитоловских физиальных конечных морен, на третьей надпойменной террасе крупных рек или на берегах термокарстовых озер. В последнем случае стоянки должны были бы располагаться на значительно более низкой относительной высоте, поскольку уровень воды в озерах был пониженным.

Кроме того, есть надежда обнаружить следы стоянок времен бёллинга под нижними слоями дюн юго-восточной Литвы. А. Басаликас

(Basalykas, 1955, стр. 48—56) высказал мнение, что дюны бассейна р. Мяркис образовались как раз вследствие накопления зандров померанской стадии.

Бёллингское потепление климата сменилось похолоданием в среднем дриасе (дриас II), по-видимому, весьма коротким, так как с помощью радиоуглеродного метода аллёрёд датируется X тысячелетием до н. э. Это похолодание было связано с начавшимся около 12200 лет назад наступлением ледника.

Граница ледника во время среднего дриаса проходила по Северной Эстонии (Серебряный, Раукас, 1967, стр. 240). Тогда же несколько повысился и базис эрозии, образовался бассейн в 16—20 м абсолютной высоты (Басаликас, 1961, стр. 229).

Можно предполагать, однако, что похолодание климата могло и не воспрепятствовать появлению на территории Литвы отдельных групп охотников. Тем не менее постоянное ее заселение было затруднено, поскольку в течение всего нижнего дриаса, бёллинга и среднего дриаса, т. е. на протяжении около 2000 лет, в Литве удерживались перигляциальные условия, а среднелитоловскую низменность долгое время покрывали льды (Басаликас, 1961, стр. 227).

За период бёллинга и среднего дриаса в долинах рек накопились большие толщи гравия и галечников. Аккумуляция их закончилась

на высоте от 13 до 20 м выше русел современных рек (III надпойменная терраса). Базисом эрозии в это время был приледниковый водоток, оставивший в низовьях Немана береговые образования на абсолютной высоте в 16—20 м (Basalykas, 1965, стр. 23—24). С точки зрения стратиграфии, стоянки периода бёллинга должны были бы очутиться под слоями этого галечника.

На кого же охотились люди того времени и вслед за какими животными они пришли в Литву? Несомненно, это был северный олень.

Во многих местностях Литвы и Калининградской области обнаружены остатки мамонтов (Gaerte, 1926, 1929, стр. 4—5; Gross, 1937a, стр. 156; Kulikauskas, Mačionis, Žeiba, 1957), однако на упомянутой территории, как и по всему южному побережью Балтийского моря, не обнаружено пока ни одной находки мамонтовых бивней или костей, где имелись бы следы обработки. Напрашивается следующая мысль: или к появлению в Литве первых охотников мамонты уже вымерли, или пришельцы просто не умели на мамонтов охотиться, ограничиваясь добычей мелкого зверя. Более вероятным надо, видимо, считать первое предположение, так как все найденные до сих пор в Литве кости мамонта являются переотложенными.

2. ПЕРВЫЕ СЛЕДЫ ЗАСЕЛЕНИЯ

стр. 118). Обстоятельства, при которых он был обнаружен, не ясны, однако его принадлежность к концу ледникового периода несомненна¹.

На территории северной Польши, недалеко от Гижицка, в местности Мала Поповка, в террасовых песках озера Мамры, был найден еще один кусок рога северного оленя со следами надреза. Обстоятельства обнаружения рога позволяют отнести его к бёллингу уже с большой определенностью².

Подобная техника вырезывания узких выемок-полосок характерна для культуры Гамбурга, распространенной в период бёллинга в южной Прибалтике. Полоски вырезались толстым кремневым острием с довольно тупым

¹ В. Ля Баум отнес рог просто к мадлену. Г. Гросс был склонен датировать его очень ранним временем — 18000 г. до н. э. (Gross, 1937a, стр. 156), основываясь на том, что рог обнаружен в галечном карьере между конечными моренами Франкфуртской и Померанской стадий.

² Озеро образовалось в раннем палеолите, поэтому Г. Гросс отнес в свое время эту находку к периоду отступления ледника Померанской стадии — даниглициалу (Gross, 1938a, стр. 84), т. е. к началу нижнего дриаса. Однако польские исследователи этот рог, как и другие, подобные ему находки, относят к бёллингу (Antoniiewicz, J., 1948, стр. 6—7).

концом (Schwanthes, 1934, илл. 62—65; Rust, 1937, стр. 95, илл. 27, табл. 24—36). Служили они для изготовления некоторых видов изделий — чаще всего шильев (Rust, 1937, табл. 38), реже — гарпунов мадленского типа или других орудий.

На границе Литвы с Калининградской областью, в местности Оширутай, найден костяной кинжал, относящийся к периоду бёллинга. Он был сделан из расколотой кости передней конечности зубра и имел 22 см в длину (*Bos primigenius*) (Gross, 1937a, илл. 5c; 1938a; илл. 13c). Изделие обнаружено в нижнем слое глины, относящемся к позднему ледниковому периоду, на 21 см ниже, чем слой аллера. Согласно данным пыльцевого анализа, кинжалу сопутствовали растения, характерные скучной арктической степи (XI тысячелетие до н. э.), т. е. периоду бёллинга (Gross, 1937a, стр. 154).

Упомянутые выше находки можно связать с потеплением климата во время бёллинга, когда первые охотники изредка стали появляться на территории Литвы. Откуда же они шли, из какой культурной области происходили?

Изделия, о которых мы только что говорили, еще не дают на это определенного ответа. Роговые и костяные острия (или проколки) и кинжалы принадлежат к широко распространенным типам европейского мадлена. Однако, учитывая природные условия, можно полагать, что первые охотники шли вдоль южного берега Балтики (в то время он простирался значительно севернее, нежели сейчас) из области культуры Гамбурга на восток. По радиоуглеродным данным, культуру Гамбурга относят к концу раннего дриаса и периоду бёллинга; она появилась около 11500 лет до н. э. и исчезла примерно через тысячелетие (Rust, 1958, стр. 136).

III. ПАЛЕОЛИТ

I. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В АЛЛЕРЕДЕ И ПОЗДНЕМ ДРИАСЕ

Начиная с аллера, на современной территории Литвы сложились благоприятные условия для ее постоянного заселения. Люди не ушли отсюда и во время последующего похолодания климата в позднем дриасе.

Аллерёд ознаменовался потеплением, более значительным, чем в период бёллинга. От льдов освободилась южная Скандинавия. Средняя годовая температура в Прибалтике должна была быть в то время ниже современной лишь на 6°, а на юге Средней Европы — на 4°. Столь значительное потепление содействовало окончательному таянию ледников. Похолодание верхнего дриаса было сравнительно кратковременным и остановить процесс таяния льда уже не могло.

Судя по геохронологическим и радиоуглеродным данным, полученным при изучении материала Дании и южной Скандинавии, аллерёд должен был охватить период между 10000 и 9000 гг. до нашей эры, а возможно и несколько больше (Gross, 1958; Firbas, 1961, стр. 280; Серебряный, 1961, стр. 185; Шулия и др., 1967)¹.

В аллерёде на северо-европейских низменностях, от Нидерландов до Эстонии, появилась береза, а позже и сосна. Северная граница распространения этих пород достигала Исландии и южной Норвегии. Восточнее значительное распространение имела ель (Лисицына, 1959).

Литва во время аллера была покрыта зарослями уже не кустарниковой, а древовид-

ной березы, но встречались и редкие сосновые леса (Seibutis, Sudnīkavīcēnē, 1960; Кабайлена, 1965a; 1965b). По данным диатомового анализа озерных отложений, в это время в озерах Литвы, даже в летний период, вода нагревалась мало, была прозрачной, богатой кислородом. По мнению А. Сейбутиса (Сейбутис, 1970), во время аллерёдского потепления средняя температура июля в Литве достигала +11—12°. В результате потепления в озерных котловинах происходило таяние глыб погребенного льда, что вело к отложению торфянистой прослойки в нижней части многих озерных и болотных толщ Литвы (Seibutis, Sudnīkavīcēnē, 1960). Во второй половине аллера в связи с таянием погребенного льда и значительным опусканием дна озер торфянистые отложения покрывались озерными.

Уровень Балтийского моря (пресноводного ледникового озера) в то время был на 20—22 м выше современного (Gudelis, 1958, стр. 86) (рис. 2).

По А. Басаликусу (Basalykas, 1965, стр. 24), в аллерёде имел место большой врез рек. Образовавшиеся глубокие долины в верхнем дриасе были заполнены наносами. На этот раз аккумуляция прекратилась на относительной высоте 6—10 м (II надпойменная терраса). Пойменный аллювий был в значительной мере лимонизирован и мало гумифицирован. Отсюда видно, что терраса формировалась в условиях прохладного климата. Это соответствует концу существования балтийского ледникового озера с его субарктическим климатом.

Вторая надпойменная терраса является как бы разграничительной чертой между верхними террасами, образовавшимися в условиях холдного климата, и нижними — сформировавшимися уже во время потепления. Появление ее можно связывать с общим изменением речной системы, произошедшем в позднеледниковое

¹ Можно указать на следующие даты, полученные на основе материалов голландских торфяников: нижний слой аллера — 10610 ± 260 г. до н. э., верхний слой — 9250 ± 320 г. до н. э. (Gross, 1958, стр. 178). По данным К. Шулия, в котловине озера Бебрукас (юго-восточная Литва) аллерёдские отложения накапливались от 11800 ± 300 до 11300 ± 300 лет назад ($9850 - 9350 \pm 300$ г. до н. э.) (Шулия и др., 1967, стр. 236).

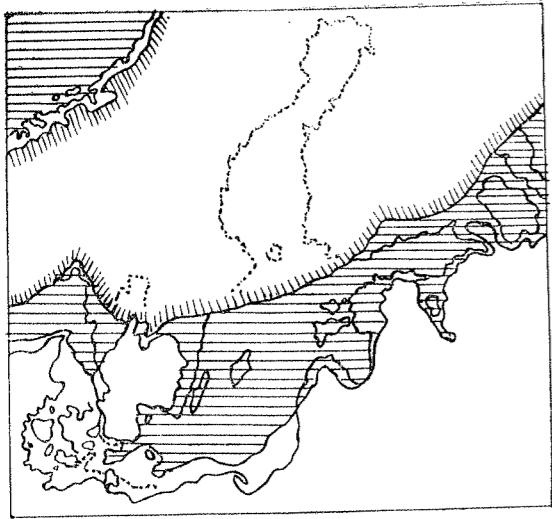

Рис. 2. Балтийское ледниковое озеро (аллерёд — верхний дриас) (по М. Саурому)

время (Basalykas, 1955, стр. 63—64; 1956, стр. 60; Гуделис, 1957, стр. 4).

Вторая надпойменная терраса литовских рек могла быть заселена в период, начиная от аллераёда (может быть, в поздней его фазе) и вплоть до преобразования, когда стала формироваться первая надпойменная терраса и люди вынуждены были селиться ближе к воде.

С пойманным аллювием второй террасы связаны известные нам ранние стоянки литовского палеолита. Правда, часто инвентарь стоянок обнаруживается на русловом аллювии, т. е. на слое лимонизированного гравия, что объясняется действием эоловых сил: песок был унесен ветром, а изделия, находившиеся в нем, осели на гравий. Слой, характерный для аллераёда, сохранился только там, где сложились исключительно благоприятные условия — явление редкое, однако все же встречающееся как в стоянках Литвы, так и в стоянках других стран приледниковой Европы.

Одним из наиболее характерных примеров этому может служить стратиграфический разрез стоянки Эйгуляй 1А (пригород Каунаса) на второй надпойменной террасе р. Нярис. Слой, в котором обнаружены находки, был сильно ортштейнированным и пятнистым. Над ним лежали песок и дерн (рис. 21). Под культурным слоем залегал слой песка разной зернистости с косыми полосами ортштейна. Верхняя и нижняя линии этого слоя были довольно четко разграничены тонкими прослойками ортштейнированного песка. Такие же косые прослойки слабо ортштейнированного песка разной зернистости имелись и под культурным слоем, относящимся к концу аллераёда, на стоянке Шилялис 2 (Каунасский р-н), расположенной на второй надпойменной террасе Немана.

Характерно, что подобное явление наблюдалось и в стоянках-мастерских комплекса Эжяринас (Алитусский р-н), находки которых относились уже к позднему дриасу. Они лежали в песке третьей надпойменной террасы Немана. Под слоем песка, на глубине около 1 м, обнаружена прослойка несколько гумусированной земли (аллерёда?). Рядом со стоянками, где первобытные охотники добывали кремень, имелись насыпи, состоявшие из слоя песка толщиной 60—80 см, нанесенного ветром, и камней, среди которых встречались мелкие обломки кремния (крупный кремень, по-видимому, был выбран и употреблен людьми, жившими на стоянках или приходившими сюда за кремнем). Под гравием опять начинался песок, переходитший в слой мелкого ортштейнированного галечника с очевидными косыми следами оползня. Эти слои существовали уже тогда, когда здесь останавливались люди, приходившие за кремнем, в период, последовавший за аллераёдом, когда указанные наслойления аллювия бывшего русла и поймы находились под толстым слоем песка. Ясно и то, что люди здесь останавливались до наступления boreального периода, потому что в силу термокарстовых процессов некоторые участки террасы провалились и на них образовались небольшие песчаные дюны, частично покрывшие ранее существовавшие стоянки.

Итак, хотя находки периода аллераёда в Литве обычно встречаются в песке, геоморфологическое изучение лежащих ниже слоев может дать важные данные, способствующие уточнению датировки палеолитических стоянок. Дело в том, что слои, залегающие под культурным слоем стоянок аллераёда, встречаются также в стоянках, расположенных в Северной Европе и даже несколько южнее¹. Надо полагать, что и в Литве указанные слои образовались в сходных условиях. Все эти, хотя и немногочисленные, стратиграфические данные могут послужить источником для некоторых обобщений.

Когда таяние ледника приостановилось, до Литвы докатилась новая волна похолодания — верхний дриас. По сравнению с аллераёдом в этот период в растительном покрове уменьшилась доля сосны и древовидной бересклети. На смену этим породам, как свидетель-

¹ Так, например, в стоянке Витов (Польша) аллераёдский слой лежал на слое, четко очерченном по краям и состоявшем из косых прослоек и коричневых пятен (Chmielewska, Chmielewski, 1960, стр. 133—141). То же самое наблюдалось и в стоянке Риссен вблизи Гамбурга, где аллераёдский слой с находками позднего мадлен лежал над среднедриасским слоем, содержащим косые прослойки (Schwabedissen, 1954, 35, илл. 20, табл. 106⁶).

ствуют данные споровопыльцевого анализа (Seibutis, Sudnikaviciené, 1960, стр. 346; Кабайлене, 1965, стр. 150), вновь пришли кустарниковые виды бересклета, полярная ива, травянистые растения. Физико-географические условия в верхнем дриасе благодаря более развитому растительному покрову были благоприятнее для жизни людей, чем в среднем и, особенно, в нижнем дриасе (Gudelis, Kabiliené, 1958).

Балтийское ледниковое озеро имело в верхнем дриасе уровень воды примерно на 6—8 м выше современного (Gudelis, 1955; Basalykas, 1965). Таким образом, базис эрозии в то время был значительно выше, чем в аллераёде.

Судя по геохронологическим и радиоуглеродным данным, поздний дриас продолжался около 860—880 лет¹.

Для определения стратиграфии позднедриасовых стоянок важное значение имеют данные о формировании отложений. К тому времени в основном прекратилось формирование отложений органического происхождения, а на их месте стали накапливаться различные минерогенные образования. Шли процессы обнаружения и эрозии, причем в бассейне Немана эрозию усилила новая волна тектонического поднятия (Gudelis, 1958, стр. 87). В совокупности все эти признаки способствуют датировке культурных слоев литовских палеолитических стоянок. На основе тех или иных признаков мы можем отнести эти стоянки ко времени, предшествовавшему позднему дриасу, или к позднему дриасу.

Наиболее характерные отложения позднего дриаса — глины — наблюдаются в большинстве стоянок. В тех случаях, когда материала для пыльцевого анализа было недостаточно, Г. Гросс определял возраст костяных находок, обнаруженных на территории современной Калининградской области, по расположению их относительно дриасовых глин. Таким способом были датированы и роговые наконечники, найденные в Кальнишской (пригород Клайпеды; см. стр. 20).

В случае оползней дриасовые глины иногда смешивались со слоями второй надпойменной террасы. Примером этому может служить стоянка Эйгуляй 1D (пригород Каунаса), находившаяся на второй надпойменной террасе р. Нярис. Расположение слоев в этом случае было следующим: наверху темно-серый лесной песок толщиной 20—25 см, прикрытый дерном; под ним — довольно светлый переходный слой 10—20 см и культурный слой эпохи бронзы

¹ Начало позднего дриаса датируется по-разному: 10770±300, 10830±200, 10834±185 лет от нашего времени. Конец позднего дриаса датируется как 10300±350 лет (Ютландия) и 10263±350 лет (Англия). Итак, время позднего дриаса лежит приблизительно между 8800 и 8000 гг. до нашей эры (Gross, 1958, стр. 180—181).

10—30 см; ниже — сильно ортштейнированный песок, в котором (на краю стоянки) наблюдались тонкие волнообразные прослойки суглинка (20—70 см ниже верхнего серого культурного слоя). Между слоями найдены сильно патинизированные находки свидерского типа. Число прослоек на площадке неодинаково, а в восточной части раскопа они отсутствовали вовсе (рис. 29).

Расположение слоев свидетельствует о том, что находки стоянки Эйгуляй 1D, относящиеся к додриасовому периоду, были сдвинуты с верхних террас оползнями глины. Так как оползни затронули лишь западную часть стоянки, находящуюся ближе к реке, можно предположить, что во время сползания глины стоянка, особенно восточная ее часть, уже была занесена песком. Вследствие этого процессы эрозии затронули лишь один ее край. Отсюда видно, что стоянка Эйгуляй 1D существовала на второй надпойменной террасе задолго до наступления позднего дриаса. К тому времени большая часть ее была покрыта настолько толстым слоем песка, что сползвшая сверху глина не смогла увлечь его за собой.

Исходя из изложенного, следует делать вывод, что условия для возникновения стоянок на второй террасе были неблагоприятными. Поэтому в позднем дриасе (или, во всяком случае, в первой его половине) люди предпочитали селиться выше — на третьей террасе. Воду они брали из мелких притоков, а не у заболоченных берегов крупных рек. Вот почему стоянки, которые по инвентарю должны вроде бы относиться к периоду, более позднему, чем аллераёд, мы находим на песчаных мысах верхних террас. Особенно отчетливо это проявляется там, где на разных уровнях обнаруживаются стоянки различных периодов. Примером этому могут служить группы стоянок Эйгуляй 1А-Д и Шилялис 2 — Раудондварис.

В Эйгуляй 1, кроме упомянутой уже стоянки 1D, имеются палеолитические стоянки А и В (рис. 3), обе на второй надпойменной террасе р. Нярис, но на разной высоте. Существовали они в разное время, но в пределах одного периода — в конце аллераёда. В то же время восточнее стоянки D, на третьей террасе, находилась стоянка С, в инвентаре которой пропускают черты, характерные более позднему времени.

Стоянка Шилялис 2 (Каунасский р-н; рис. 4), хотя и не принадлежит к тому типу, что стоянки Эйгуляй, но по некоторым элементам инвентаря (см. стр. 59) может быть синхронизирована со стоянками Эйгуляй 1А, В, D. Находится она на краю второй надпойменной террасы Немана. Почти рядом, на краю третьей террасы, обнаружена стоянка Раудон-

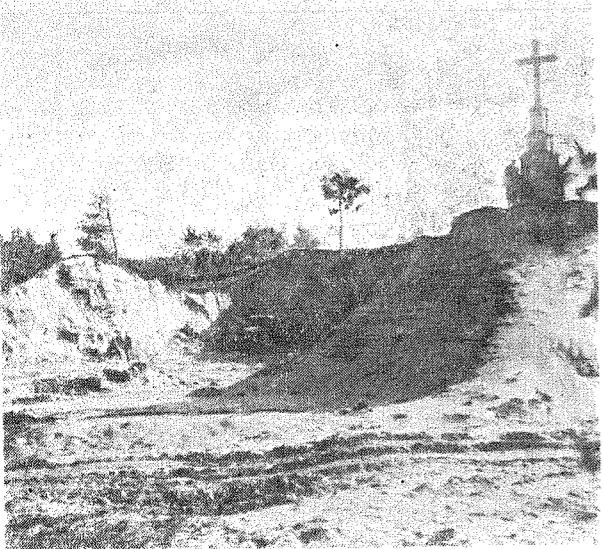

Рис. 3. Вид стоянки Эйгуляй IV

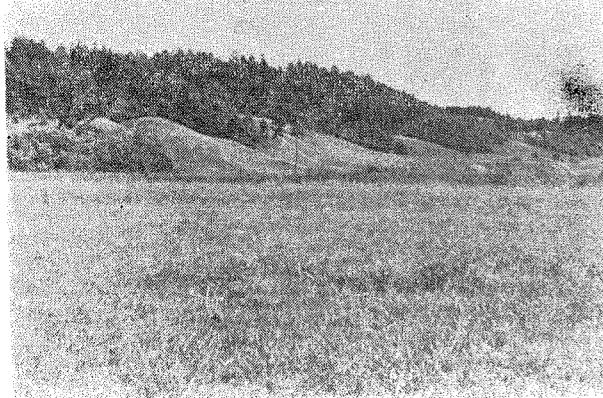

Рис. 4. Вид стоянки Шилтилис 2

дварис, которая по инвентарю может быть со-
поставлена со стоянкой Эйгуляй 1С.

Стоянки периода дриаса, находящиеся на высоких песчаных берегах, никогда не бывают перекрыты слоями глины; они не переотложены. И только позже, под действием денудационных процессов инвентарь этих стоянок иногда оседал и оказывался в более глубоких слоях, перемешанных с гравием.

Опасаясь оползней верхних террас, люди позднего дриаса зачастую селились дальше от береговых обрывов. Несколько сот метров или даже километр от реки — расстояние довольно обычное для месторасположения стоянок этого времени. Позже эти места уже не привлекали новых поселенцев, и здесь сохранялся однородный инвентарь. Примером такой ситуации может служить стоянка позднего дриаса Пувочай (Варенский р-н), которая сейчас находится на расстоянии около 1 км от р. Мяр-

кис, или же группа стоянок Эжяринас, удаленная на 500 м от Немана, либо группа стоянок Митришкес (Варенский р-н), удаленная на 1,5 км от речки Дярежничя и примерно на столько же от р. Мяркис.

Наряду с этим следует отметить и некоторые случаи обнаружения стоянок позднего дриаса на берегу террас, нередко служивших местом для поселения и в последующие периоды увлажнения (во времена литориновых трансгрессий). Там, где верхние, поздние культурные слои сохранились неподтревоженными, они по цвету явно отличаются от дриасового слоя. Так, например, в стоянке Раудондварис (Каунасский р-н) над слоем песка с палеолитическими находками лежал коричневатый ортштейнированный песок с находками позднего мезолита (времен второй литориновой трансгрессии), а над ним, в свою очередь, — слой почвы с находками раннего железного века. Все это покрывалось песком и дерном.

Во второй половине позднего дриаса оползание береговых глин приостановилось. На второй надпойменной террасе снова началось отложение песка и вместе с этим создавались условия для ее заселения. Примером этому может служить стоянка Няйтесай 1 (Варенский р-н), расположенная на мысу у Немана, там, где в него впадает речка Няйтеса, на высоте 14 м над современным уровнем реки (рис. 72, 73). Палеолитические находки лежали здесь в слое белого песка, под которым залегали небольшие прослойки суглинка и глины, местами довольно явно ортштейнированные, по-видимому, относящиеся к началу позднего дриаса. Пески, образовавшиеся над ними, привлекли людей сюда в конце позднего дриаса. В дальнейшем, во времена пре boreального и бореального периодов, место бывшей стоянки подверглось воздействию ветра, и ее окрания, расположенная ближе к Неману, обнажилась вплоть до упомянутого слоя глины, тогда как стоянка, находившаяся дальше от реки, осталась покрытой песком. Во времена максимальной (II) литориновой трансгрессии это место вновь заселили люди. Поэтому-то на береговой окраине стоянки мы находим инвентарь времен дриаса, перемещавшийся с мезолитическими находками, а дальше от нее, над прослойками дриасовой глины, лежит слой белого песка с палеолитическими находками, а уже над ним — слой почвы с находками позднего мезолита.

Изложенное позволяет определить некоторые общие черты месторасположения стоянок этого времени. Позже эти места уже не привлекали новых поселенцев, и здесь сохранялся однородный инвентарь. Примером такой ситуации может служить стоянка позднего дриаса Пувочай (Варенский р-н), которая сейчас

находится на расстоянии около 1 км от р. Мяр-

се накапливались глина и суглинок, стоянки возникали на песчаных площадках мысов третьей надпойменной террасы. Позже, под воздействием денудационных процессов, стоянки обнажились вплоть до слоев гравия-песка.

В конце дриаса, когда климат стал теплее и суще и все сильнее давали себя знать эоловые процессы, сползание глины с верхних тер-

рас прекратилось, и люди стали селиться на второй надпойменной террасе, где к тому времени над оползнями глины образовался слой песка.

Таким образом, в стратиграфии и топографии палеолитических стоянок Литвы имелся ряд вариантов, соответствующих разным отрезкам позднего палеолита.

2. ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЫ

Значительное изменение климата в аллера-де создало условия для постоянного заселения современной территории Литвы. Миграция северных оленей дальше от тепла вынудила общины охотников приледниковой Европы следовать за ними. Многие из общины, пришедших в это время в Литву, были этнически близки друг другу и вместе с тем друг от друга существенно отличались.

Основная область внешнего культурного влияния на Литву в период аллера-де осталась та же, что и во время бёллинга, однако само влияние стало значительно интенсивнее. Для аллера-де и позднего дриаса характерно не только перемещение отдельных групп первобытных охотников, но и сложные явления расселения культур и их взаимодействия.

Общие черты, характерные для отдельных памятников, позволяют объединять их в группы, однако при этом следует учитывать и определенные различия внутри групп как в хронологическом, так и в культурном отношении.

В Литве того времени можно выделить два основных типа культур: прибалтийскую группу мадленских культур и группу свидерских культур.

А. ПРИБАЛТИЙСКАЯ ГРУППА МАДЛЕНСКИХ КУЛЬТУР

В Средней Европе культурные группы мадлена существовали уже тогда, когда южную и восточную Прибалтику еще покрывали ледники. Поэтому-то в Прибалтике встречаются памятники лишь последних — V и VI — ступеней мадлена, имеющих в аллера-де и позднем дриасе очень широкое распространение*.

В развитии мадленской культуры в Европе мы наблюдаем два течения. На западе для мадлена был характерен широкий наконечник стрелы с суженным черешком, с некоторыми чертами солютрейского и ориньякского типа. В других областях был известен только про-

* Напр., стоянка ла Ваш о Ну (La Vache aux Niaux), мадлен V—VI ступени, датируется по C^{14} 9700±200 г. до н. э. (Gross, 1958, стр. 178).

стой, прямой наконечник с притупленной спинкой, изготовленный из ножевидной пластинки и унаследованный от граветных культур. Первое течение в Западной Европе называют мадленом VI (Brevil, Lantier, 1959, стр. 188—189), второе — получило название «перочинного ножа» („Federmesser“) (Schwabedissen, 1951, стр. 152—165; 1954).

В Восточной Европе тоже наблюдались два течения — одно с наконечниками дротиков, унаследованных от стоянок типа Костенок — Авдиево, второе — только с узкими ланцетовидными наконечниками и кремневыми вкладышами (Формозов, 1959, стр. 51—66).

В Центральной Европе (в большей части это территория современной Польши) культура первой группы (наконечники с черешком) представлена изделиями, ясно связанными с перекитками солютре (мазовшанский цикл — свидерская культура), а вторая (наконечники в виде перочинного ножа) отражена такими памятниками, как Машница, пещера Мамутова — начало мадлена, а также Витув и Тарнова — конец мадлена.

Западноевропейская культурная группа распространялась на южную, западную и восточную Прибалтику. Восточноевропейское влияние на Прибалтику столь значительным не было.

Разнообразие мадленских культур привело к тому, что некоторые западноевропейские учёные склонны считать мадленом только вторую группу — «Federmesser», связанную с ранними фазами мадлена. Гамбургскую, аренсбургскую и другие фазы первой группы те же учёные считают отдельными самостоятельными культурами, полагая что их не следует причислять даже к локальным разновидностям мадлена (Schwabedissen, 1951, стр. 152—153).

Однако прибалтийские культуры имеют несомненный мадленский характер и генетически связаны между собою, что позволяет объединить культуры, существовавшие по берегам Балтийского моря, под общим названием прибалтийского мадлена. Тем самым будет отмечена и генетическая связь этой группы с перекитами ориньяка, в противоположность

свидерской культуре, косвенно связанной с пережитками солюtre.

Название «Прибалтийский мадлен» выражает и эпоху, и культурную принадлежность. Разнообразие подгрупп мадлена, существовавшее в Прибалтике, является одним из главных признаков конечной фазы мадлена периода аллера. В Литве найдено значительное число мадленских в этом смысле стоянок, распространенных почти по всей ее территории. В культурном отношении они объединены некоторыми общими чертами, связывающими их в одну хронологическую группу. Памятники встречаются на второй и третьей надпойменных террасах крупных рек и на высоких берегах некоторых озер. В большей части это следы небольших кратковременных стоянок, основанных в таких местах, которые позже не подвергались заселению. Чистые комплексы изделий, обнаруживаемые в таких стоянках, позволяют довольно ясно определить характер мадленских культур в Литве и проследить их связь с мадленом Западной и Восточной Европы.

1) Наиболее характерные стоянки прибалтийского мадлена в Литве

В период аллера и позднего дриаса в юго-западной Прибалтике сложилось значительное число отдельных культурных групп (Taute, 1968), кремневый инвентарь которых

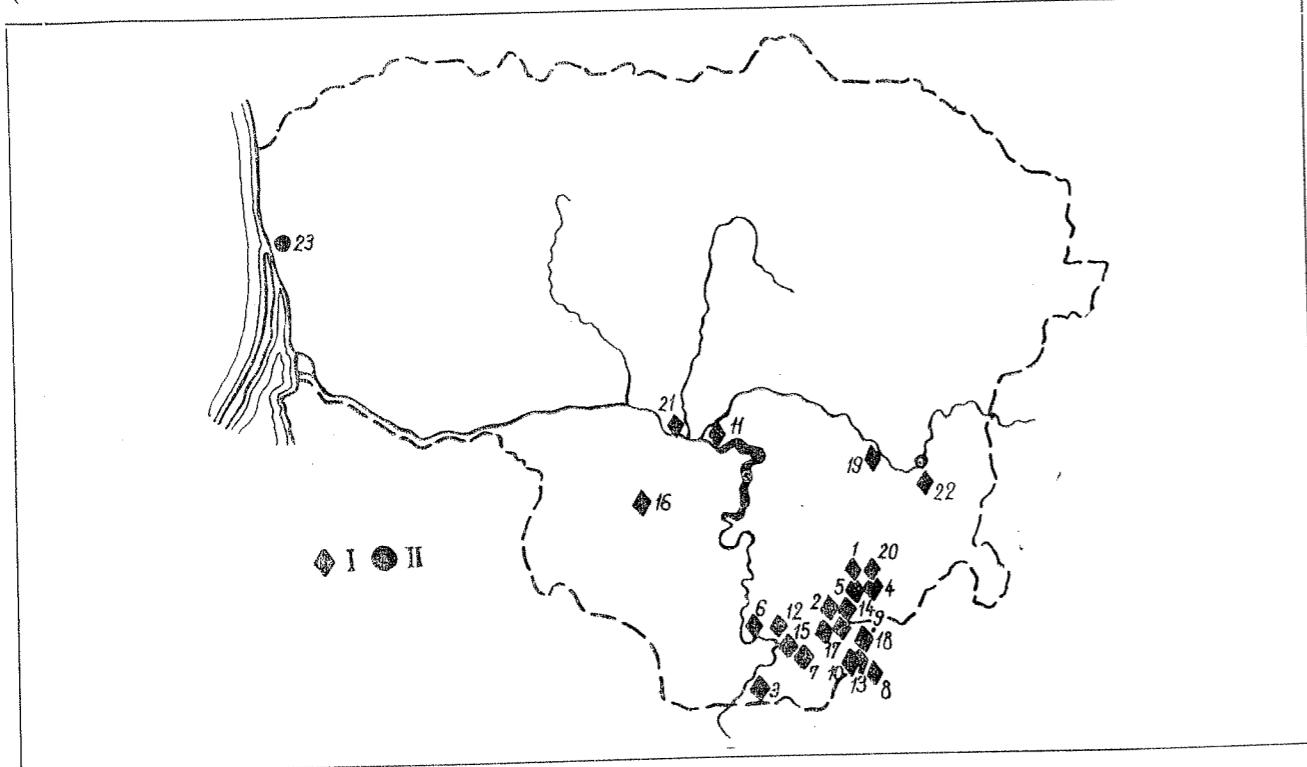

Рис. 5. Распространение прибалтийско-мадленских стоянок в Литве:

I — стоянки с кремневыми орудиями: 1. Бабришкес, 2. р. Дярежинчя, 3. Друскининкай, 4. Дубупис, 5. Эжярекай, 6. Эжяринас, 7. оз. Глиниш, 8. Грибаша и оз. Дуба, 9. оз. Ильгис и Мяргяжярче, 10. Каупетис, 11. Каунас, 12. Максимонишкай, 13. Маргей (Сала), 14. Маскаука, 15. Мяркинен, 16. Няндриний, 17. Пирлоя, 18. Прауда, 19. Пугайняй, 20. Смальнишкай, 21. Шиляпис, 22. Вильнюс. II — местонахождение костяных изделий: 23. Кальнишкай.

более или менее близок инвентарю мадлена VI Западной Европы, т. е. классическому мадлену. В культурных группах удается выделить подгруппы и выявить несколько этапов развития. Объединяющим признаком для всех их является широкий наконечник стрелы с черешком, ретушированный только с лицевой стороны. Он бывает довольно крупным (как в стоянках группы Бромме-Люнгбю) или совсем маленьким (наподобие встречающихся в стоянках Аренсбургского типа). Скребки и резцы в большинстве широкие и короткие, нуклеусы имеют пирамидальную или лодкообразную форму. Характерно появление микролитов не-геометрических форм.

Литовские стоянки не поддаются столь четкой классификации, как, например, шлезвиг-хольштейнские. Конечно, они в чем-то различаются, но общих черт у них настолько много, что эти различия, по существу, нивелируются.

В настоящее время в Литве известно значительное число стоянок, комплекс кремневых изделий которых связывает их с мадленом юго-западной Прибалтики. Судя же по отдельным находкам в стоянках с перемешанным инвентарем, число мадленских стоянок должно быть больше, чем их известно (рис. 5).

Одной из наиболее ярких и однородных по инвентарю является стоянка Вильнюс, обнаруженная на западной окраине столицы Литвы,

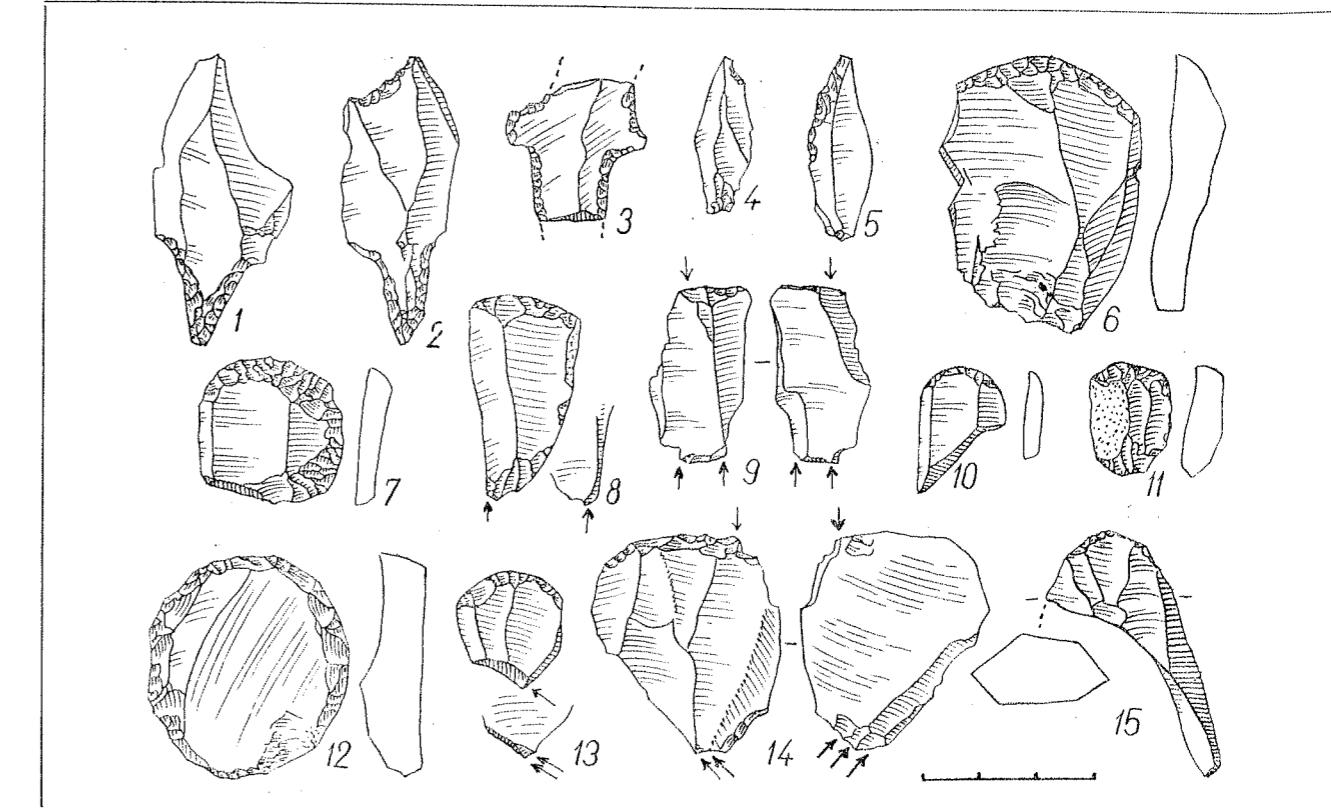

Рис. 6. Орудия стоянки Вильнюс

на территории городской теплоэлектроцентрали № 2. По существу, это комплекс из шести отдельных небольших стоянок (гнезд), расположенных на берегу третьей надпойменной террасы р. Нярис. Самыми характерными из них являются стоянки 1 и 4; там найден наиболее богатый инвентарь (рис. 6). В остальных четырех стоянках паряду с отщепами найдены лишь отдельные изделия, относящиеся к тому же комплексу.

Все находки изготовлены из местного сего кремния (большинство — из крупных ножевидных пластин, имеющих по несколько граней) и покрыты толстой белой или голубоватой патиной. У всех изделий ретушь крутая, насенная по краям. Наконечники стрел — двух типов. Первый тип — широкие наконечники, с коротким, чаще всего остроконечным черешком (рис. 6, 1, 2). Больше всего их обнаружено в стоянке 1. Второй тип — ножевидные маленькие наконечники неправильной формы (рис. 6, 4, 5). Помимо их, обнаружено несколько не-геометрических микролитов.

Большинство скребков (рис. 6, 6, 7, 10—12) во всех стоянках Вильнюса — короткие, иногда круглые. Продолговатых скребков мало, и то лишь в стоянке 1. Кроме того, найдено несколько неправильных скребков, изготовленных из случайных отщепов.

Резцов (рис. 6, 8, 9, 13, 14) много. Меньшую часть из них составляют серединные клиновидные. При этом ретуширована только та часть орудия, которую держали рукой. Большой процент составляют угловые резцы, рабочий угол которых образован путем скола и ретуши или только сколом. Немало в находках двухконечных резцов, а также комбинированных со скребками или скобелями.

Скобелей здесь больше, чем в других стоянках этого типа; ретушированных пластин — мало. Большинство их лишь слегка тронуто ретушью; только у одной пластины край отретуширован наподобие зубцов пилы. Значительно больше обнаружено ретушированных отщепов, в особенности маленьких неправильных кусочков, обработанных кое-где наподобие скребка или скобеля.

Нуклеусы (рис. 6, 15) в большинстве мелкие, неправильной формы, иногда в разрезе представляющие трапецию или прямоугольник. Некоторые из них ретушированы по краям. Возможно, они использовались как орудия труда. Известны и пирамидальные одноплоскодонные нуклеусы.

Как уже указывалось, стоянки этой группы не велики. Площадь стоянки Вильнюс 1 не достигает 300 м², а размеры остальных четырех — менее ста метров. Кстати, небольшими

были и другие известные нам мадленские стоянки Литвы. Среди них следует упомянуть кратковременную стоянку Ильгис (деревня Мяргяжярис, Варенского р-на), обнаруженную на склоне высокого, северного берега озера того же названия. Склон спускается к перешейку, соединяющему озера Ильгис и Жежулис. Находки, обнаруженные в маленьком скоплении, покрыты толстой беловатой патиной.

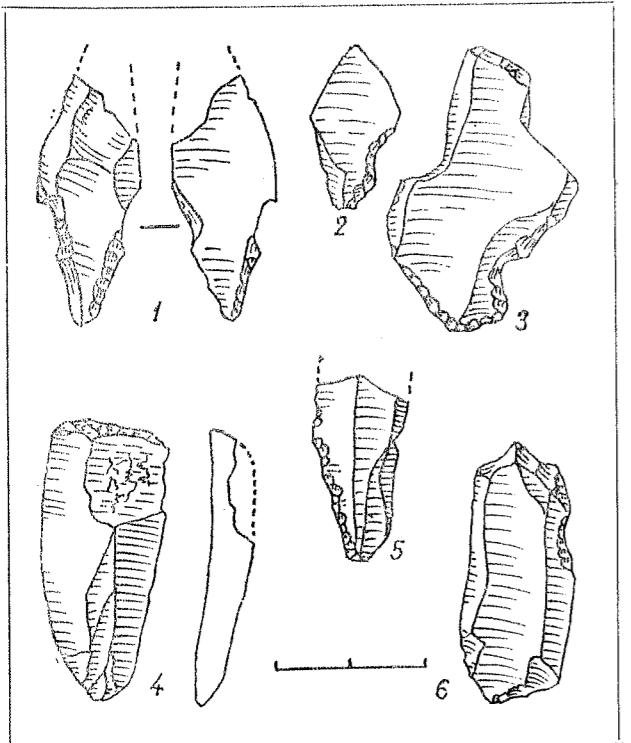

Рис. 7. Орудия стоянки у оз. Ильгис 1

Их составляют (рис. 7) два небольших, широких, не совсем правильных наконечника, вертикально ретушированных то с брюшком, то со спинкой. Кроме них, найден черешок неправильного ножевидного наконечника, обработанный по краю со спинки, а также продолговатый скребок и два ретушированных изделия неизвестного назначения (одно из них, возможно, употреблялось как резец).

В нескольких километрах к востоку от Ильгис обнаружена еще группа стоянок мадленского типа: небольшие скопления в обширных песках Митришкес (Варенский р-н) между речкой Дярежничя и поселком Варена I. Пески сейчас находятся приблизительно в 1,5 км севернее речки, на верхней террасе, поднятой на 15 м выше современного уровня воды. В песках расположено несколько чисто мадленских скоплений, среди которых следует отметить стоянку Митришкес ба в северной части песков. Все немногочисленные изделия

(рис. 8) покрыты синевато-белой патиной. Среди них имеются образцы основных типов изделий прибалтийского мадлена: два наконечника, черешки которых попаременно ретушированы то с лицевой стороны, то со спинки (одни из них, по-видимому, неоконченный, сломанный). Характерными следует считать две пластины со скосенными ретушированными острями. Найдены 3 отщепа с ретушью, на-

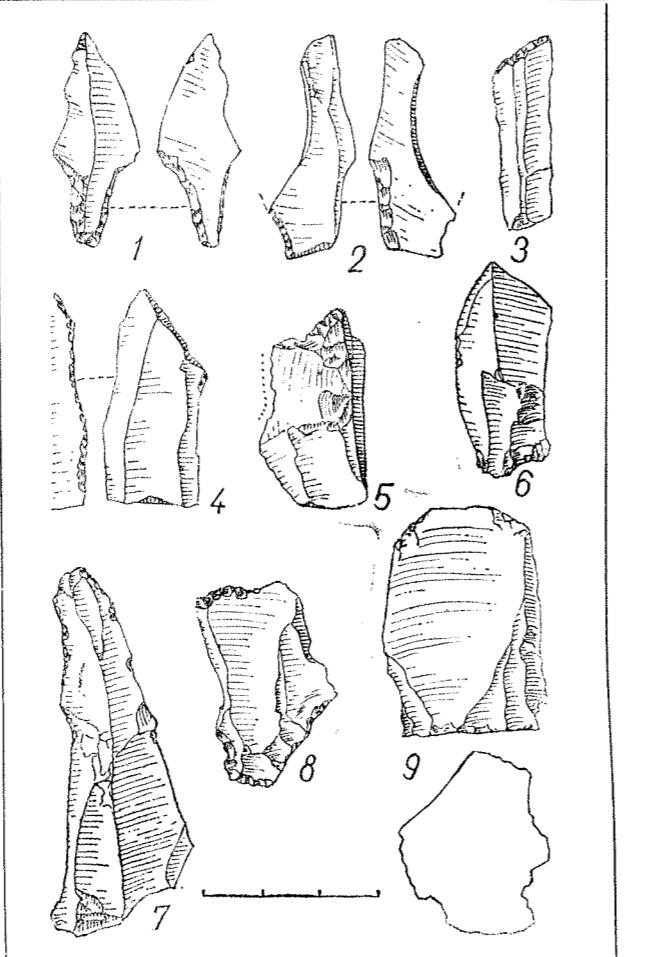

Рис. 8. Орудия стоянки Митришкес ба

сенной с целью употребления их в качестве орудий какого-то специального назначения. Нуклеусы небольшие, напоминающие конусообразные, однако обычно оббиты с разных сторон, края скола сильно отжаты. Такие же нуклеусы, покрытые толстой белой патиной, обнаружены неподалеку, в гнездах Митришкес ба и ба.

Следует упомянуть еще несколько стоянок, находящихся в тех же песках, но имеющих перемешанный разнообразный инвентарь, в котором встречаются мадленские наконечники. Такова, например, стоянка Митришкес ба,

расположенная в южном конце песков. В ней обнаружены изделия разных периодов, в большинстве — мелкие, поздние, не тронутые патиной микролитические. Выделяется один мадленский наконечник, покрытый толстой белой патиной (идентичный наконечнику из стоянки Ильгис 1), с острым, но толстым черешком и вертикальной ретушью, характерной для находок мадленского типа.

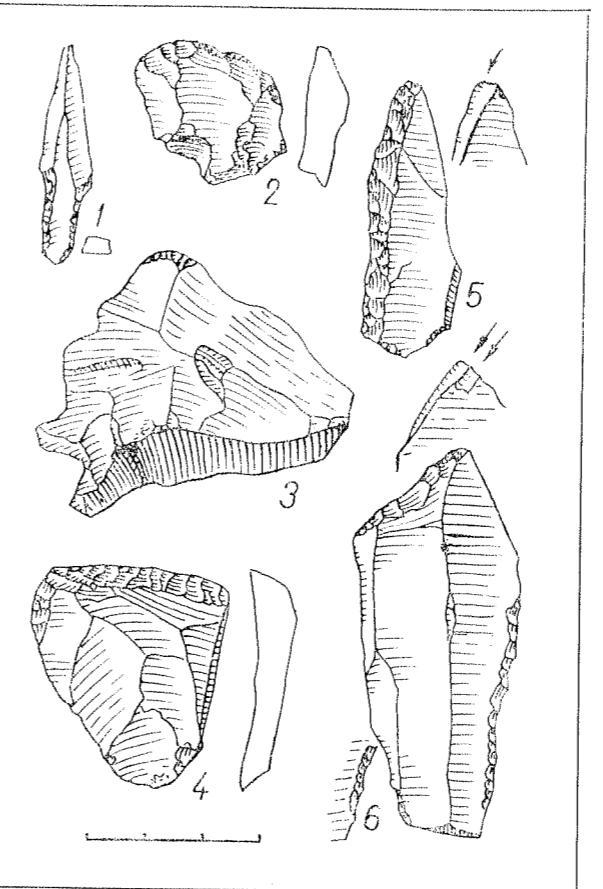

Рис. 9. Орудия стоянки Маскаука 6

Подобные изделия, также покрытые беловатой патиной, обнаружены и в стоянке Митришкес ба. Среди них — обломок наконечника, подобного наконечникам стоянок Вильнюс. Перо его широкое, ретушь вертикальная, нанесенная по краям острого черешка, имеющего вид шипа. Кроме того, здесь найдены скребок с отжимом, а также короткий широкий скребок с лезвием, скосенным в одном краю, хорошей работы, с коркой и толстой патиной.

К северо-востоку от стоянок Митришкес, на песчаной площадке в лесу, на высоком берегу, отдаленном от реки Мяркис, обнаружена относящаяся к тому же типу стоянка Смальникай. Все находки, покрытые толстой синевато-белой патиной, представляют собой

один комплекс. К сожалению, типичных изделий мало — только часть одного наконечника, очень близкого наконечнику Ильгис — с вертикальной ретушью на лицевой стороне по краям шилообразного черешка и по одному краю пера наконечника.

В 10 км к северо-западу от Смальникай найдены следы мадленских стоянок-гнезд Бабришкес 4в и 4д (Варенский р-н). Они также находятся на верхней террасе р. Мяркис и удалены от современных берегов речки Варене. Инвентарь стоянки 4в составляет: черешок мадленского (?) наконечника, продолговатый угловой резец, площадка нуклеуса, ретушированная пластина, а также пластины и отщепы. Стоянка Бабришкес 4в содержала перемешанный инвентарь нескольких периодов (палеолита, позднего неолита или даже бронзового века). Мадленские находки здесь были такие: наконечник из длинной пластины, косой ланцетовидный наконечник, скобель-резец, скребок, ретушированные, а также лишенные ретуши пластины и отщепы.

Помимо названных выше, имеется группа стоянок, во многом близких к ним, но отличающаяся формой наконечников — они имеют здесь не только широкое перо, но и широкий толстый черешок, часто с бугорком скола. Несколько крупнее и другие изделия этих стоянок.

Мадленский наконечник с широким черешком найден в стоянке Маскаука 6 (Варенский р-н), находящейся в 3 км южнее поселка Варена I. Это отдельное небольшое скопление, расположенное высоко над рекой Мяркис, на противоположном от нее склоне. Все находки здесь покрыты толстой белой патиной и ретушированы вертикальной ретушью, характерной для мадлена. Комплекс изделий состоит (рис. 9) из наконечника стрелы с вертикальной ретушью по краям и двух серединных резцов, ретушированных также по краям. Ретушь меньшего из резцов очень крутая. По-видимому, он употреблялся и как скобель. Хотя нуклеусы в Маскауке 6 не обнаружены, о них можно судить по найденной боковой пластине: они были низкими, широкими, одноплаточными. Сама пластина ретуширована по вершине и служила скребком (рис. 9, 3).

Очень сходный инвентарь обнаружен на стоянке Мяргяжярис 8, расположенной на низком холме у южного конца болота Мяргяжярис, в 10 м выше современного уровня воды. Там, где болото сужается, холм образует мыс. Как раз на нем и были две стоянки разных периодов. На вершине найдены мелкие изделия позднего неолита. На склоне — изделия, покрытые синеватой и белой патиной (рис. 10). Среди них наконечник стрелы (рис. 10, 1), очень близкий наконечнику из Маскауки 6

(рис. 9, 1) — довольно узкий, с толстым, очень круто ретушированным черешком. Четыре обнаруженных здесь резца (рис. 10, 3—6) очень сходны друг с другом и близки резцам Маскауки так же, как и короткий, почти круглый скребок (рис. 10, 10) и обломок второго крупного скребка. Этот комплекс дополняется продолговатым скребком (рис. 10, 9) и обломком скобеля с вогнутыми лезвиями.

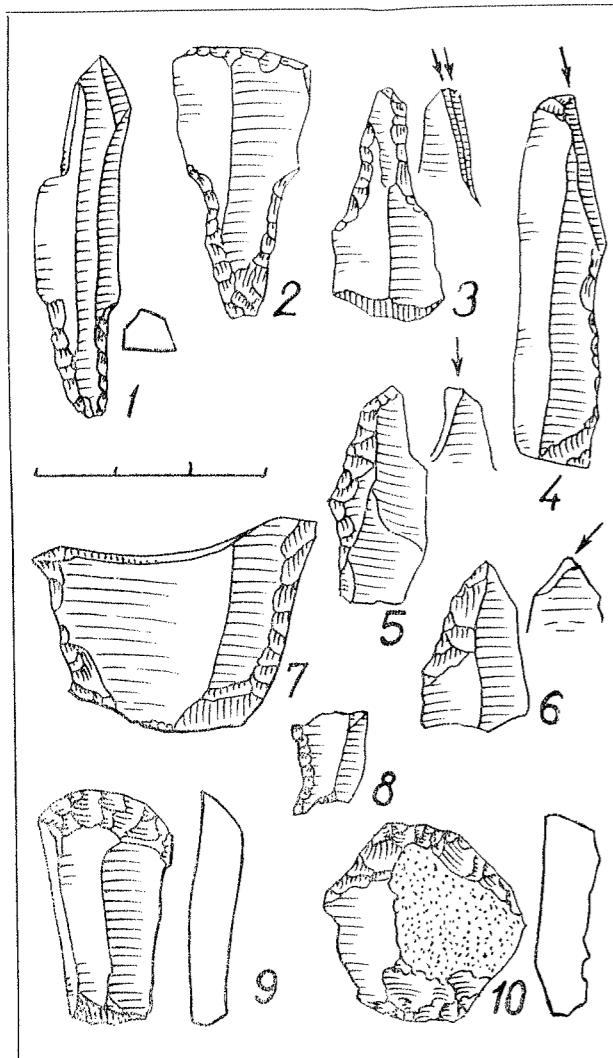

Рис. 10. Орудия стоянки Мяргяжярис 8

Аналогичной стоянкой, т. е. небольшим палеолитическим скоплением, является Дубупис 1в (Варенский р-н). Она находилась в обширных, высоко расположенных песках у дороги, ведущей от речки Дубупис в дер. Акмуо. Все изделия и отщепы в Дубуписе, как и в Маскауке, покрыты толстой синевато-белой патиной. Среди находок — три, позволяющие отнести скопление к мадленской группе стоянок — наконечник с очень толстым

черешком и вертикальной ретушью, короткий скребок и отщеп, судя по которому нуклеус должен был быть лодкообразным.

Иногда наконечники стрел бывают шире, чем мы описали, зачастую их черешки ретушированы не столь круто и часто, имеют бугорок на обратной стороне черешка.

Характерными примерами стоянок чистого комплекса являются несколько стоянок-типов в Эжяринасе. Все они находились на дюнах третьей надпойменной террасы Немана.

К этой группе относятся находки из скопления Эжяринас 16, имевшего 10 м в длину и 6 м в ширину, найденные в неглубокой ложбине у остатков когда-то находившегося в этом месте вала гравия. Здесь обнаружено около 300 кремневых находок. Большую часть их составляют отщепы, что заставляет характеризовать ложбину как место кратковременной остановки людей, добывавших тут кремень. Другие изделия, хотя и немногочисленные (рис. 11) позволяют приблизить ее к типу прибалтийского мадлена. Мы имеем в виду почти симметричный наконечник с широким, ретушированным по краям черешком. Он, по-видимому, не окончен, потому что частично его покрывает кремневая корка. Характерен для этой группы стоянок и довольно крупный угловый резец со сколом и ретушью у рабочего угла. Нуклеусы большей частью неправильной формы, некоторые — одноплощадные или лодкообразные. Следует отметить овальные топорики, обитые со спинки наискось, наподобие нуклеуса.

По инвентарю этому скоплению близко и соседнее — Эжяринас 15 (рис. 12), удаленное от Эжяринас 16 на 40 м. Размер его — 9 м в длину и 5 м в ширину. Здесь обнаружено около 2500 отщепов и изделий. Некоторые из них покрыты тонкой патиной. Единственный наконечник (?) не имеет ярко выраженных характерных черт, но по своему типу приближается к наконечникам из Эжяринас 16. Скребки разнообразные — короткие и совсем маленькие. Здесь обнаружены и такие изделия, которые нельзя назвать типичными, например, широкая пластина с косо ретушированным концом, пластина, ретушированная по краям, скребок на конце короткой пластины. Резцы в большинстве клиновидные, среди них встречаются серединные и боковые. Найдено много макролитических изделий — отбойников, овальных топориков, нуклеусов, не использованных в работе. Для эжяринасских стоянок характерен скобель с перехватом, изготовленный из пластины с кремневой коркой на поверхности. Нуклеусы в большинстве одноплощадные.

Очень похожие изделия найдены и на стоянке Дярежничья 31, находящейся на северном склоне берега р. Дярежничья, к западу от

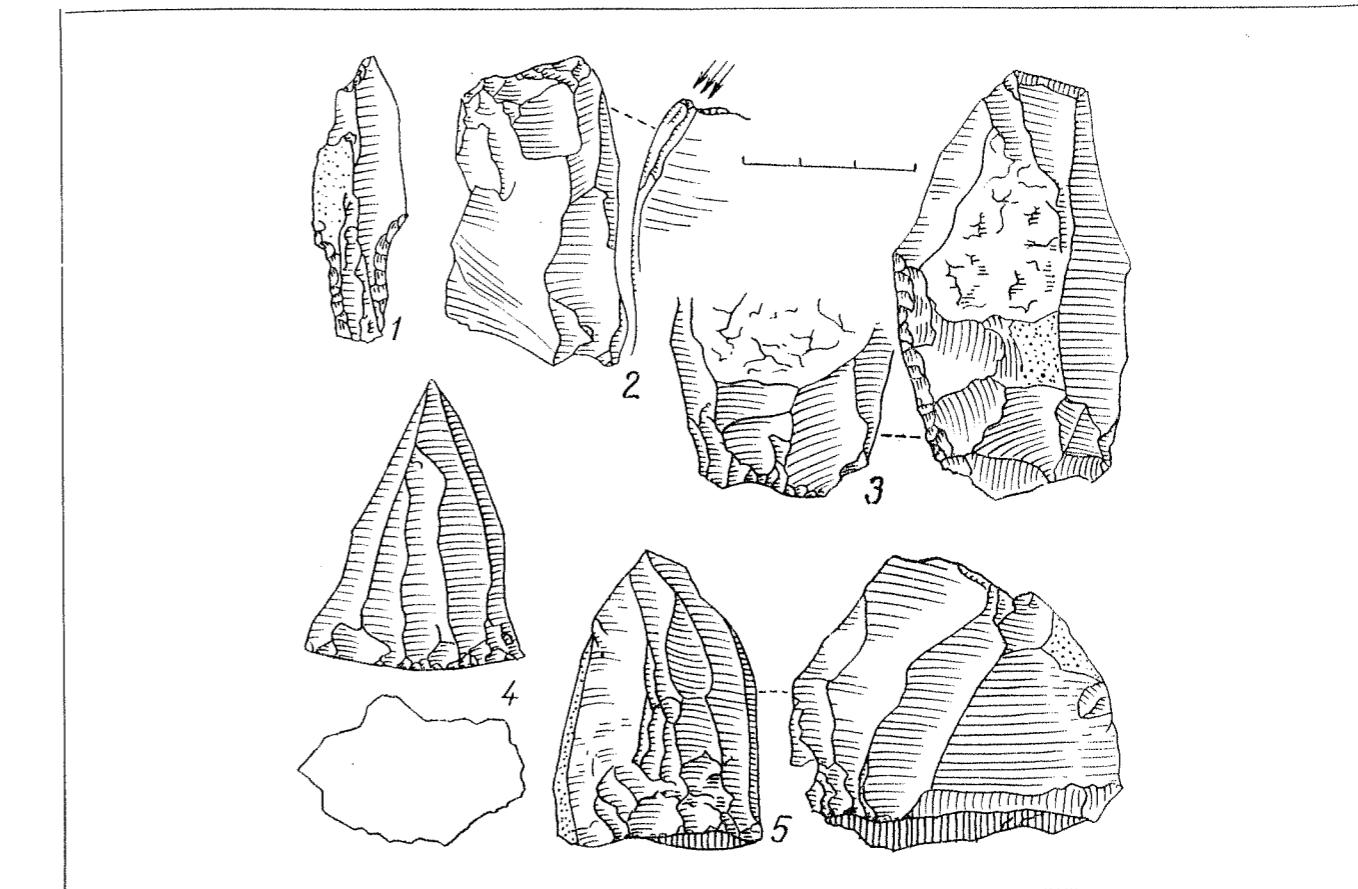

Рис. 11. Орудия стоянки Эжяринас 16

Третьим типом мадленских наконечников, обнаруженных на стоянках Литвы, является наконечник с боковой выемкой.

Немногочисленны, но интересны находки на стоянке у болота Глинас (Варенский р-н) — на вершине высокой дюны, на южном берегу болота. Наконечники, найденные здесь (рис. 14), покрыты толстой бело-синей патиной, ретушированы вертикальной встречной ретушью. Они и составляют, не считая нескольких неретушированных отщепов, главный инвентарь стоянки. Целим сохранился только один наконечник. Его черешок занимает большую часть всего изделия. Инвентарь дополняется простой широкой пластинкой с косо отретушированной верхушкой.

К этому типу принадлежит и несколько наконечников со стоянки Максимонис 1 (Варенский р-н). (рис. 15), обнаруженной на третьей надпойменной террасе Немана возле устья речки Страя. Местность эта заселялась не раз, и поэтому находки здесь механически перемешаны и относятся к разным периодам и культурам. Среди находок выделяются однобокие наконечники стрел с вертикальной ретушью, покрытые толстой белой патиной. Дру-

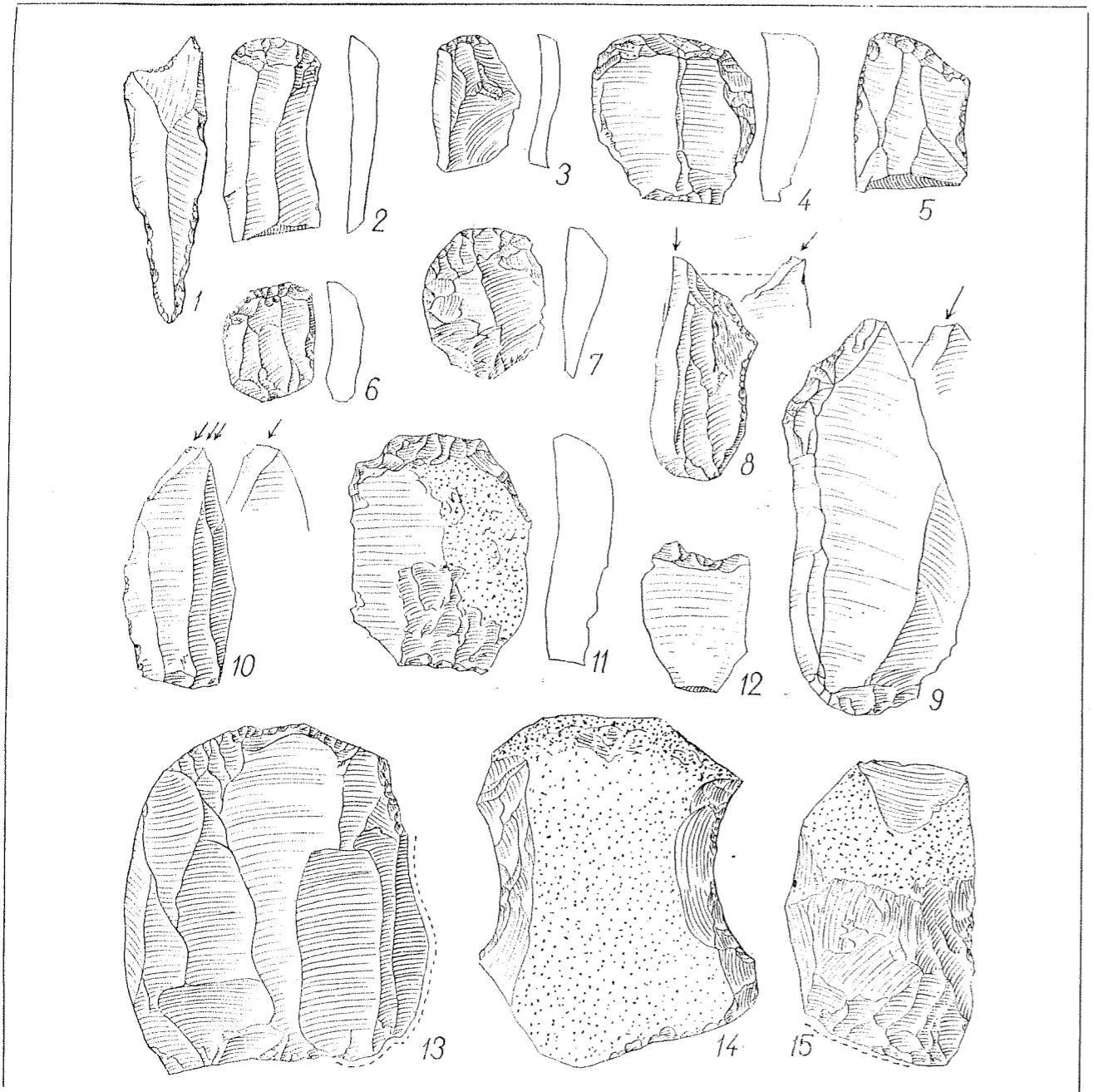

Рис. 12. Орудия стоянки Эжяринас 15

гие обнаруженные здесь изделия патины лишены. Топография позволяет утверждать, что холм у Страуи впервые обжит в позднем дриасе, так как расположен он значительно выше других стоянок.

Большое число стоянок прибалтийского мадлена на территории Литвы, хотя и небогатых, позволяет составить представление об их характере. К тому, что уже нами сказано о них, следует добавить сведения о старых музеиных собраниях, в частности о коллекции

В. Шукевича. Правда, отсутствие в ряде случаев точного паспорта его находок затрудняет их датировку, установление местонахождения. Чтобы определить место этих находок в хронологических и типологических рамках, мы можем пользоваться только сведениями, содержащимися в статьях Шукевича, и аналогиями, которые можно провести, опираясь на современный опыт исследований долины реки Улы, откуда происходят почти все находки Шукевича.

В коллекциях Историко-этнографического музея Литовской ССР имеются находки прибалтийского мадлена из трех местностей, расположенных по берегам р. Ула: деревни Кашетос, Рудня и Грибаша (Варенский р-н).

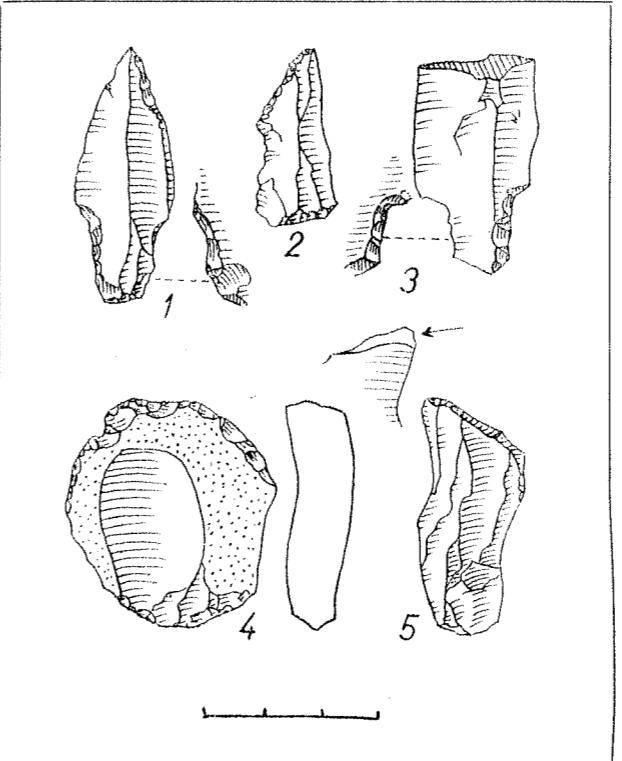

Рис. 13. Орудия стоянки у р. Дирежничя 31

Крупная коллекция из Кашетос содержит находки, собранные в нескольких стоянках, существовавших в разное время. В своей обзорной статье (Szukiewicz, 1901, стр. 12) Шукевич упоминает пять местностей, где были обнаружены изделия каменного века: у озера

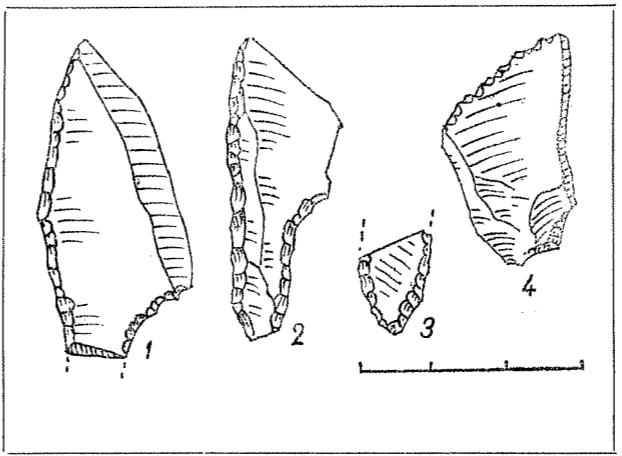

Рис. 14. Наконечники стрел стоянки у оз. Глинас 6

Мачюла, к западу от озера Малинюкас, на левом берегу р. Улы в Грандай, на правом берегу — в Гайджу-сала и Рачкунишкес. Шукевич писал, что все находки обнаружены им на второй террасе р. Улы.

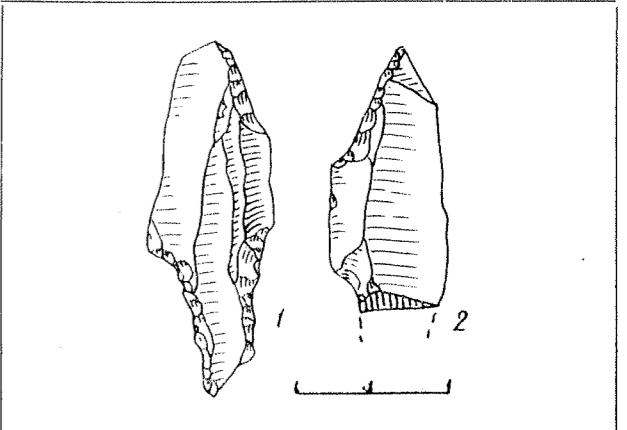

Рис. 15. Наконечники стрел с выемкой стоянки Максимонис 1

Позднейшие обследования указанных местностей (А. Бернотайте в 1953 и 1954 гг., К. Яблонскис в 1959 г.) позволили выделить здесь около 30 отдельных стоянок, но находки ранних типов (палеолитических и эпипалеолитических) были обнаружены лишь в нескольких из них. Представляет интерес стоянка Гайджу-сала на высоком песчаном берегу Улы, у южной оконечности озера Мачюла, где найдены боковой резец, покрытый синей патиной, и несколько таких же пластин. На северной оконечности оз. Мачюла, на верхней террасе, находилась стоянка 8. Здесь был обнаружен патинизированный скол с длинного нуклеуса и одноплощадный нуклеус, близкий к мадленским типам. Мадленские находки могли попасть в коллекцию Шукевича также и из стоянок № 2 и № 3. Стоянка 3 находится в отдалении от речного берега, на склоне террасы к западу от озера Малинюкас. Там найдено много разных (преимущественно малохарактерных) изделий, часть которых покрыта патиной. Значительно больше находок ярко выраженного мадленского типа (наряду с находками, относящимися к другим периодам) обнаружено в стоянке Вилькинью-Грандай. Среди них — сильно патинизированные короткие одноплощадные нуклеусы, тоже короткие неправильные скребки, маленькие пластинки и одно изделие, очень близкое к проколкам мадленского типа.

Все это дает основание предполагать, что мадленские находки в коллекцию В. Шукевича могли попасть именно из этих трех стоянок.

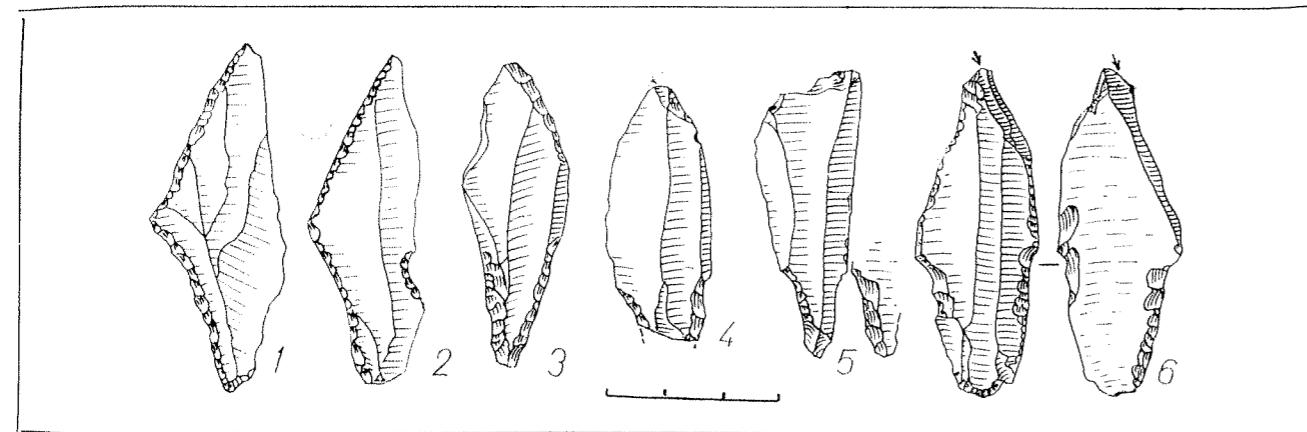

Рис. 16. Наконечники и резец прибалтийско-мадленского типа стоянок у пос. Кашетос

В коллекции из Кашетос прибалтийский мадлен (рис. 16) представлен наконечниками, зачастую по своей общей форме напоминающими свидерские типы, однако черешки их острые, а ретушь имеется только на лицевой стороне. Мадленских наконечников с широким черешком в коллекции очень немного. Все они покрыты толстой белой патиной. Правда, патина в коллекции Кашетос не может служить бесспорным критерием для определения возраста находок, поскольку ею покрыта часть изделий, относящихся и к позднейшим периодам. Кроме того, в упомянутой коллекции имеются и наконечники с боковой выемкой или близкие к таким; все они тоже покрыты толстой патиной. По патине и форме к этой группе следовало бы отнести и значительное число крупных длинных скребков, в большинстве довольно широких, затронутых ретушью по бокам. В коллекции имеются и крупные короткие кругообразные скребки с такой же патиной.

К мадленской группе принадлежат и два клювовидных изделия, родственных проколкам, покрытые толстой синевато-белой патиной. Есть также покрытые патиной резцы, имеющие ясно выраженные свидерские формы.

Вторая группа мадленских стоянок, представленная в коллекции В. Шукевича, располагалась у дер. Рудня (Варенский р-н). Позднейшие обследования (А. Бернотайте — 1954; К. Яблонскис — 1954, 1955, 1959; Р. Римантене — 1966) позволили выявить здесь 20 стоянок. Однако только в некоторых из них удалось обнаружить палеолитические (малохарактерные, лишь слегка напоминающие мадлен) находки, что не дало возможности с достоверностью уточнить место, где была собрана коллекция В. Шукевича. К тому же к нынешнему времени высокие берега реки здесь сплошь поросли лесом и лугами, что делает их обследование затруднительным.

В той части коллекции В. Шукевича, которая была собрана им у Рудни (рис. 17), имеются широкие наконечники с узкими черешками, очень близкие к инвентарю стоянки Ильгис. Есть в коллекции и наконечники с широкими

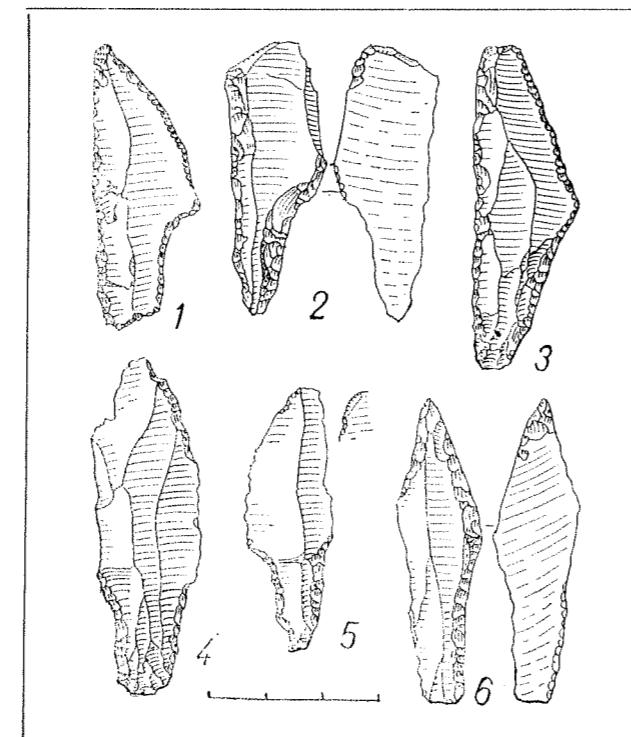

Рис. 17. Наконечники прибалтийско-мадленского типа стоянок у пос. Рудня

черешками, похожие на находку из стоянки Митришкес ба, а также наконечники с боковой выемкой (рис. 17, 1—3). К этой группе относится ряд длинных скребков с ретушью по краям и некоторые проколки с длинными, несколько вогнутыми остриями ретушированными

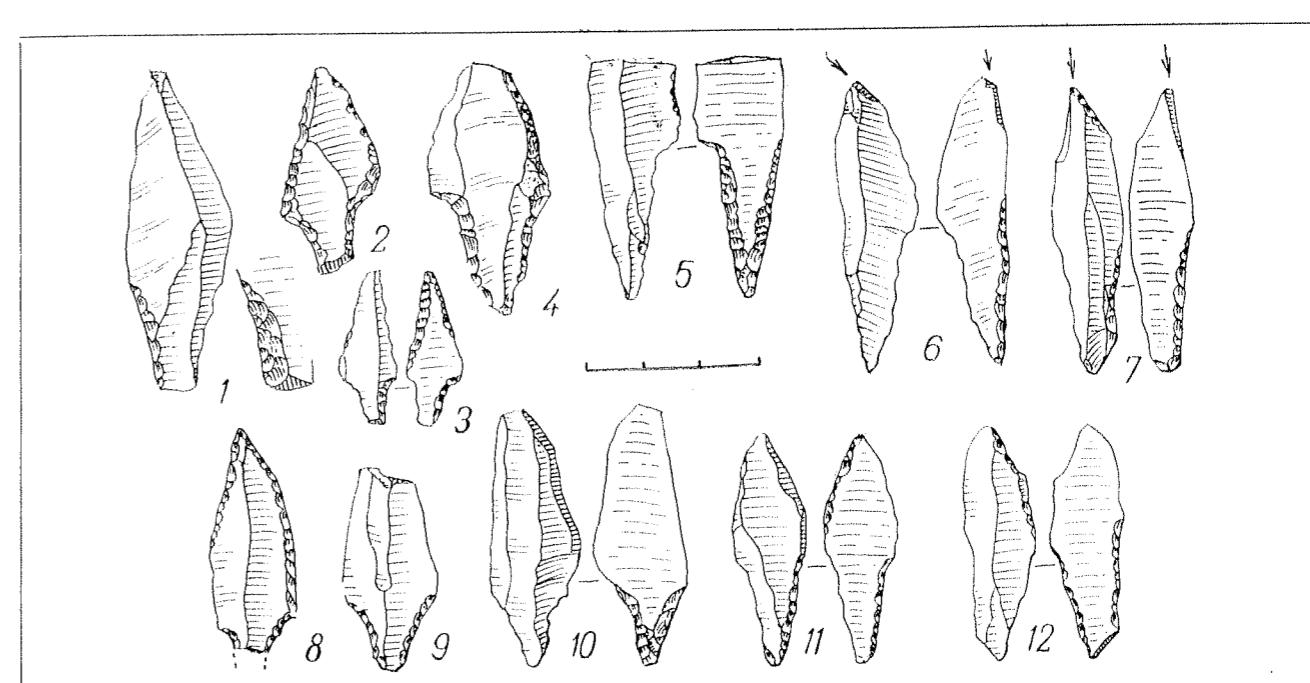

Рис. 18. Наконечники и резцы прибалтийско-мадленского типа стоянок у пос. Грибаша (1—7) и оз. Дуба (8—12)

ми вертикальной ретушью только с лицевой стороны. Все изделия ранних мадленских типов, хранящиеся в коллекции, покрыты патиной. Встречаются покрытые такой же патиной и короткие, почти круглые крупные скребки. Несомненно, что к стоянкам этой группы принадлежала и часть больших широких ретушированных пластин, которые иногда имеют косо скосленные и ретушированные верхушки.

Довольно много находок мадленских типов происходит из стоянок у озера Дуба¹, из местности, названной Грибаша.

В коллекции Грибаша (рис. 18, 1—7) изделия мадленского типа выделяются толстой белой или голубой патиной. Таковы, например, три наконечника, длинный скребок, сходный по обработке с этими наконечниками, и одно орудие, представляющее собой удлиненную, несколько вогнутую проколку.

По всему близка находкам Грибаша и та часть коллекций В. Шукевича, которая у него отмечена под названием «озеро Дуба» (рис.

¹ В свое время озеро Дуба было самым крупным в бассейне рек Мяркис и Ула, однако уже в начале нашего столетия из-за заболоченности в нем осталось лишь 270 га открытой воды. В. Шукевич выделил у озера Дуба пять поселений каменного века. Некоторые из находок в его коллекции имеют соответствующий паспорт: «Сала», «Маргай», «Крокшилс». Названия остальных двух мест не указаны. По всему видно, что из инвентаря упомянутых стоянок Шукевич выделил только некоторые находки, а остальные вместе с другими поместили под названием «Грибаша» и «озеро Дуба». Кроме того, ряд находок, идентичных находкам Грибаша, в коллекции имеют весьма неопределенное наименование — «с р. Мяркис и Ула».

18, 8—12). Судя по тому, что в описи коллекции стоянка под таким названием не значится, можно предполагать, что находки «озера Дуба» на самом деле были подняты на одной из указанных выше стоянок. Они покрыты белой или голубоватой патиной. Наконечники стрел ретушированы по краям со спинки, как и в коллекции Грибаша. Особенно близки к находкам из стоянки Грибаша наконечники с невыделенными широкими черешками. Направляется мысль, что и они принадлежат к инвентарю этой стоянки.

Другие наконечники, несколько отличающиеся патиной и формой, имеют более или менее выделенный черешок. Возможно, что они относились к инвентарю другой стоянки, близкой по времени к Грибаша. К ранней группе изделий относится и резец с толстой белой патиной и ретушью у вершины. Все сильно патинизированные скребки из этой коллекции невелики, удлинены, обработаны вертикальной ретушью. Среди них имеются скребки с двумя рабочими концами. К этой же группе относится и проколка грубой работы с толстой белой патиной.

Говоря о стоянках, расположенных у озера Дуба, нельзя обойти молчанием ту часть коллекции Шукевича, которая имеет весьма неопределенный паспорт и связана с названиями рек Мяркис и Ула (рис. 19). Эти изделия отличаются очень хорошей обработкой. Среди них довольно много наконечников стрел мадленского типа, по форме и общему виду очень напоминающих находки, поднятые у озера Ду-

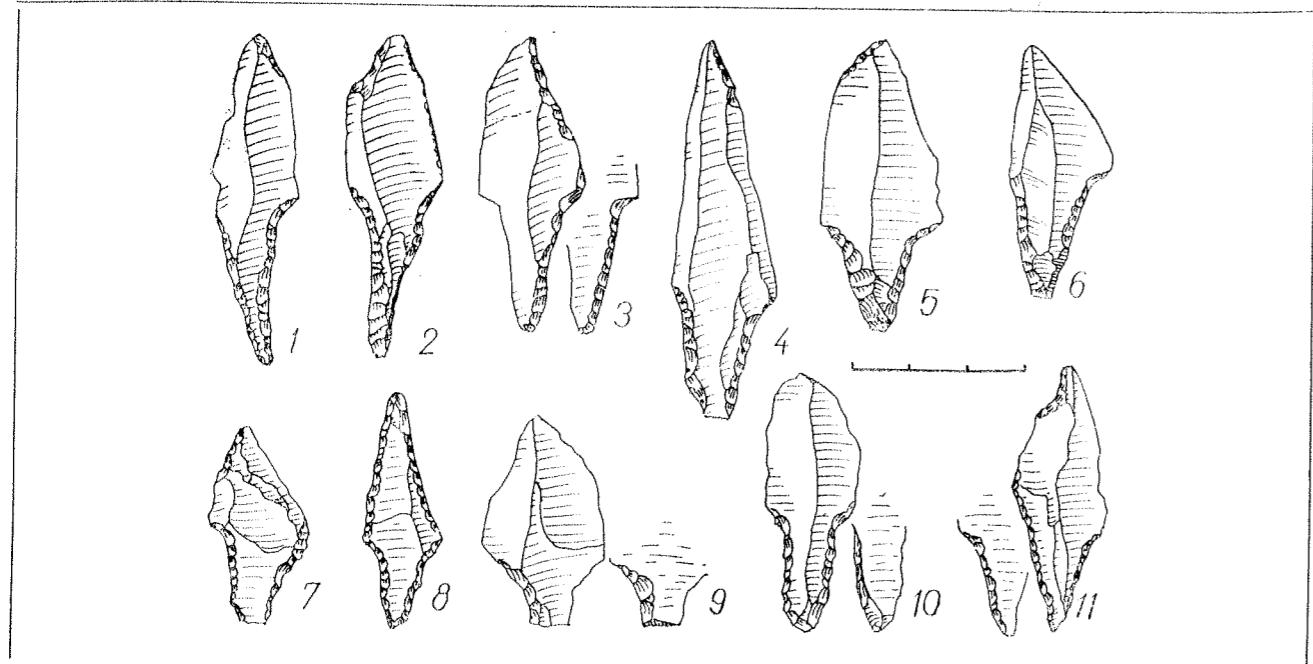

Рис. 19. Наконечники прибалтийско-мадленского типа стоянок над реками Миркис и Ула

ба. Думается, что большая часть их происходит именно из указанной местности. Все они сделаны из широких неправильных пластин, ретушированы по краям черешка узкой вертикальной ретушью по одной или двум противоположным сторонам. Черешки их выделены по отношению к перу незначительно; иногда они довольно широки.

Части такие стоянки, как Маскаука 6, Эжяринас 16, Дярежничя 31, где наконечники стрел крупные, со сравнительно широкими черешками. Третью группу составляют стоянки, где найдены наконечники с боковой выемкой. Важно отметить, что два или три типа никогда не встречаются в одной и той же стоянке вместе (судя по стоянкам чистого комплекса).

Подобные группы изделий выделяются и в других областях Прибалтики.

Первая выделенная нами группа близка к стоянкам аренсбургского типа (Schwantes, 1934, стр. 77, илл. 73; Rust, 1958, илл. 31:10—11), распространенным на юном побережье Балтийского моря. На западе аренсбургские наконечники распространены от Голландии до Одера (Taute 1968, карта 4). Восточнее современных территорий Литвы и Белоруссии такие находки в чистых комплексах не найдены.

Аренсбургский наконечник стрел небольшой, обычно с выемками по обоим краям черешка, встречается на территории Литвы во всех упомянутых стоянках. Обычно он имеет ретушь лишь со спинки, черешок у него узкий и острый. Характерно, что рядом с ним на стоянках встречаются нижние части пластин (рис. 59, 9; 60, 22, 23), которые, как это убедительно показал В. Тауте (Taute, 1968, стр. 177—178, рис. 44), всегда остаются при изготовлении аренсбургских наконечников.

Кроме того, существенно, что в большинстве аренсбургских стоянок встречается также неправильный, слабо ретушированный ножевидный наконечник. Иногда он настолько неве-

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Вильнюс 1а	4?			3	29	14	8	25	6	5	+	+
Вильнюс 1д	1				2			2	3	5		
Ильгис 1	2		1		1				1	1		
Митришкес ба	2								2	3	+	
Маскаука б	1				2			2	2	2	+	
Мяргяжярис 8	2			2	1	5		2	1			
Дудупис 1б	1			1							+	
Эжяринас 15	1				6	7	3		+	+		
Эжяринас 16	1						1		2		+	
Дярежничя 31	2	3	3	2	5	10	+	+	+	+		
Бадришкес б	1	1	1			5	3					
Глинас, дюна		3	1						1			
Максимонис 1	+	+	+									
Кашетос	+	+		+	+							
Рудня	+	+	+		+	+						
Гридаша	+	+				+						

Количество типов изделий некоторых мадленских стоянок Литвы. Наконечники стрел: аренсбургского типа (1), типа Бромме-Люнгбю (2), с выемкой (3), острия (4). Скребки: короткие (5), продолговатые (6). Резцы: серединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластины (9) и отщепы (10). Нуклеусы: двухплощадочные (11), одноплощадочные (12).

лик, что может быть отнесен к микролитам, хотя и не обладает специфическими геометрическими формами. В позднем палеолите эти так называемые «граветные наконечники» обычно имеют косо ретушированную основу (Brevil, 1937, илл. 1 и 46). В период мадлена ретушь основы вообще исчезает, а сама форма наконечника становится как бы случайной (в мезолите наконечник вновь приобретет более четко выраженные очертания). Подобные наконечники — маленькие, неправильные, слабо

ретушированные — являются одной из характернейших форм литовского мадлена.

Наиболее ранние микролиты, лишенные четких геометрических очертаний, известны в Литве уже со второй половины аллера. Так, например, в стоянке Вильнюс обнаружен маленький короткий микролит с концом, ретушированным косой ретушью, и два тоже маленьких ножевидных наконечника. Этот комплекс дополняется значительным числом (см. табл. I) коротких и почти округлых азильских скребков. В упомянутой стоянке они

довольно крупные, часто двухконцовье; ретушь идет почти вокруг всего орудия. Микролиты встречаются часто и в стоянках, отнесенных к группе мадленских, испытавших влияние свидерской культуры (стр. 73—82).

К первой, наиболее ранней группе следует отнести и стоянку Шилялис 2 (вторая половина аллера). Среди находок здесь обнаружена очень тонкая пластина с косо ретушированным концом и два мелких ножевидных наконечника (рис. 59, 3, 5, 6). Это уже настоящие микролитические изделия, однако не имеющие геометрических форм. Следует отметить, что в остальных изделиях этой стоянки микролитизации не наблюдается.

Следы микролитизации обнаруживаются в целом ряде других мадленских стоянок Литвы. Так, например, в Дярежничя 31 наряду с широким мадленским наконечником мы видим довольно маленький неправильный ножевидный наконечник (рис. 13, 2). В стоянке Дярежничя 6 найдена пластина с косо отретушированной вершинкой, напоминающая ножевидный наконечник, в стоянке Ильгис — один микролитический наконечник, имеющий, однако, аренсбургские формы (рис. 7, 2).

Появление микролитов неправильных геометрических форм в инвентаре литовских палеолитических стоянок, отнесенных нами выше к первой группе (Вильнюс, Ильгис), соответствует такому же явлению, наблюдающемуся и в других аренсбургских стоянках, например, в Штельморе (Schwantes, 1934, илл. 74), в восточной стоянке Борнек (Rust, 1958, илл. 31:1—9) и др. Микролиты неправильных форм особенно характерны для западных стоянок аренсбургского типа; на восток от реки Эльбы их очень мало, в стоянках же типа Люнгбю они не обнаружены вовсе (Taute, 1968, стр. 181, карта 7).

Основной тип скребка в литовских аренсбургских стоянках — это короткий, широкий скребок. Располагая лишь ограниченным количеством мадленских палеолитических находок, мы не решаемся на этой основе делать какие-либо статистические выводы. Однако, как показывает таблица I, узких продолговатых скребков обнаружено пока очень мало (кстати, они сравнительно не так уж узки). В количественном отношении эти изделия как бы теряются среди множества широких, почти круглых скребков, сделанных зачастую из отщепов. Встречающиеся в находках продолговатые скребки лишены ретуши по краям. Они весьма далеки от типов, характерных для гамбургской культуры. При этом окружный короткий скребок вообще не был известен в гамбургской культуре, являясь одним из признаков аренсбургской культуры, характерной для позднейшей фазы палеолита (Schwantes,

1934, стр. 77, илл. 75; Rust, 1958, илл. 31:19, 25, 31).

Резцы, типичные для литовских аренсбургских стоянок, в большинстве изготовлены из отщепов. Они довольно широкие, иногда крупные, со сколом и ретушью, по характеру напоминают скребки. Ретушь покрывает весь край или, по крайней мере, большую часть резца. Клинообразные, а тем более серединные резцы встречаются здесь очень редко, что вообще характерно для аренсбургской культуры. Большинство резцов — угловые или боковые со сколом и ретушью у рабочего угла. На западе в стоянках аренсбургского типа отмечают сильное сокращение числа резцов по сравнению с более ранними фазами (Schwantes, 1934, стр. 78). В Литве же резцов встречается еще довольно много (см. табл. I).

Большинство нуклеусов литовских аренсбургских стоянок — одноплощадные; тип, общий для всего западного мадлена. Встречается он в стоянках гамбургской культуры (Schwantes, 1934, илл. 43) и сохраняется в аренсбургской (Schwantes, 1934, стр. 78). Иногда такие нуклеусы, в особенности те, что меньше размером, после нанесения ретуши употреблялись и как высокие скребки.

Вторая группа литовских мадленских стоянок, будучи во многом близкой к первой, содержит в своем инвентаре относительно больше таких изделий, которые напоминают находки Бромме-Люнгбю. Надо признать, что материал, на основе которого мы выделили вторую группу, пока что в количественном отношении весьма скромен — несколько небольших однородных комплексов (табл. I). Выделению этой группы способствует тот факт, что некоторые кремневые изделия, характерные для второй группы, встречаются и позже, в комплексах, отмеченных влиянием свидерской культуры.

Для второй группы стоянок характерен листовидный наконечник с толстым и широким черешком. Подобная форма черешка зависит чаще всего от того, что внизу остается невыравненный бугорок скола. Таким способом изготовлены все наконечники этого типа, обнаруженные в Литве, а также в Бромме и других родственных ей стоянках.

Наиболее ранние типы таких наконечников известны в Западной Европе в мадлене VI (т. е. в классическом мадлене), который, согласно радиоуглеродной датировке, относится к аллера (Gross, 1958, стр. 176—178). Характерные для таких изделий черты в некотором отношении связывают их с ориньяскими и перигордскими культурами, в которых встречаются наконечники с выемкой (хотя уже не напоминающие солютрейские формы), крупные наконечники с черешками, близкие к типу

Фонт-Роберт, и ланцетовидные маленькие наконечники (Brevil, Lantier, 1959, стр. 188—189). В этот же период они распространяются к северу, как это видно по находкам стоянки Бромме на острове Зееланд (55° — 56° северной широты).

Стоянка Бромме, согласно анализу пыльцы и данным о фауне, относится ко второй половине аллера (Mathiassen, 1946; Iversen, 1946, стр. 210; Molyn, 1954, стр. 109—117). Наконечники стрел здесь крупные, изготовленные из широких пластин, с широкими же, ретушированными только по краям черешками, с невыравненным горбиком скола и зачастую неретушированным острием. Эти формы очень напоминают находки литовских стоянок Маскакуа 6, Дубупис 1в, Дярежничя 31 и др.

На западе аналогичные наконечники встречаются и в конце аллера (например, в стоянке Андернах), и в позднем дриасе, доживая даже до начала преобразования (например, стоянка Калленгардт) (Andree, 1932).

В северных областях — Шлезвиг-Гольштейне, Дании и на южном побережье Балтийского моря — на рубеже палеолита и мезолита еще встречаются такие же крупные наконечники с широкими черешками. Они находятся в близком родстве с вышеупомянутым мадленским типом (Rust, 1958, илл. 25:18—23), а иногда приобретают форму (короткие и широкие) так называемых наконечников стрел и дротиков типа Люнгбю (Schwantes, 1934, стр. 84—87; илл. 83; Ekholm, 1926, илл. 215a-e). Наконечники типа Люнгбю распространены главным образом от Дании до Померании. Особенно много их между реками Эльба и Хavel. Встречаются также в южной Швеции (в Сконе) (Taute, 1968, стр. 179, карта 3). К северо-востоку от границы Литвы с Белоруссией наконечники Люнгбю обнаружены лишь в недавно открытых мастерских в верховьях Днепра, близ села Аносово, Смоленской области¹.

Литовские находки, о которых мы упоминали, по форме не соответствуют ни самым ранним, ни самым поздним вариантам наконечников типа Люнгбю. Аналогами для них могут служить некоторые наконечники Бромме и других стоянок, относящихся к концу аллера и началу позднего дриаса.

В ранних аллерах стоянках типа Бромме скребки в основном довольно крупные, короткие, изготовленные из пластин или отщепов (Molyn, 1954, илл. 2), кстати, характерные для всех мадленских стоянок аллера Западной Европы. Во второй группе литовских мадленских стоянок, о которой сейчас идет речь,

¹ Раскопки Н. Н. Гуриной 1969 года; Ленинградское отделение Института археологии АН СССР; упоминается с любезного согласия руководителя раскопок.

такие скребки представляют собой один из существенных признаков, характеризующих культурную и хронологическую принадлежность памятников. Продолговатые и более мелкие скребки появляются только во второй половине аллера (что подтверждает и комплекс Бромме).

Для мадлена VI во Франции характерны клиновидные резцы (Brevil, Lantier, 1959, стр. 188), преобладающие и в стоянке Бромме (Molyn, 1954, илл. 2). Они короткие и широкие, сделаны в большинстве случаев из неправильных отщепов (рядом с ними, правда, встречаются и другие разновидности резцов). Эти резцы являются основным типом, сохранявшимся в течение всего позднего дриаса.

Итак, судя по находкам, вторая группа литовских мадленских наконечников несомненно близка к типу Бромме-Люнгбю, существовавшему в юго-западной Прибалтике. В типологическом отношении группу следует сопоставлять с более поздней фазой развития (однако не с самой последней), т. е. со стоянками конца аллера или начала позднего дриаса.

Наконечник с боковой выемкой представляет из себя форму, редко встречающуюся не только в материале литовского палеолита, но и в конце палеолита соседних стран. Происхождение его следует искать в несколько старших мадленских культурах. Наконечник такого типа, как и почти треугольные изделия в коллекции Кашетос и Рудня (рис. 16, 1, 2; 17, 1—3), встречается, хотя и редко, в таких пещерных мадленских стоянках Центральной Европы, как, например, Зиргенштайн (Andree, 1939, стр. 396, илл. 202, 3), Ранис 4 (там же, стр. 416, илл. 214, 8, 9, 11—13), Велен (там же, стр. 560, илл. 286, 4, 5) Таинген (Andree 1932, стр. 89, илл. 3, 34), Пеннемор близ Куксгавена (Büttner, 1940, рис. 13) и др. Подобные изделия являлись предшественниками наконечников типа Гамбурга (Schwantes, 1934, илл. 52; Rust, 1937, табл. 17). У некоторых из них черешок бывает почти не сужен, а сам наконечник представляет собой треугольник (Rust, 1954, илл. 44, 3—5, 11, 12).

Но культура Гамбурга относится еще к эпохи бёллинга, поэтому не следует проводить прямую связь наших находок с этой культурой, тем более, что форма литовских и гамбургских наконечников близка лишь в общих чертах. В то же время следует учитывать, что в течение всего конечного палеолита за пределами распространения гамбургской культуры изредка встречаются дротивы этой формы, например, в Силезии (Rothert, 1936, илл. III, 9; IV, 8—11) и южной Швеции (Niklasson, 1934, стр. 102—105, илл. 39, 40, 41, 58). К северо-востоку от границы Литвы с Белоруссией — в мастерской Аносово — обнаружен единственный наконечник

ник, напоминающий изделия из стоянок у села Кашетос (рис. 16, 1).

С группами позднего прибалтийского мадлена можно связать и некоторые роговые и костяные изделия из торфяников Литвы и современной Калининградской области. К сожалению, в Литве пока нет находок, которые были бы точно датированы геологическими или палеоботаническими методами. Поэтому приходится датировать их косвенным образом, опираясь на параллели с некоторыми находками из Калининградской области и северной Польши, исходя из общих черт позднего мадлена на этой территории, куда включается и Литва.

Формы некоторых изделий из рога и кости были характерными лишь для сравнительно коротких промежутков времени и для более или менее четко очерченных культурных групп. Конечно, следует учитывать при этом, что некоторые другие изделия просуществовали без каких-либо изменений в течение тысячелетий.

Найдки из кости и рога, обнаруженные в торфяниках Литвы и Калининградской области, носят случайный характер. Так как основной период формирования торфяников относится ко времени последникового потепления, то палеолитические находки обычно встречаются в песчаных или глинистых слоях, лежащих под торфом. Такие слои образовались во время таяния подземного льда вследствие намыва песка и глин с площадей, еще не покрытых растительностью. Данное обстоятельство позволяет отнести некоторые изделия из рога и кости, найденные в Литве и Калининградской области, к палеолиту, а также, согласно характеру, связать их с группой мадленских культур южной Прибалтики.

Найдки, типы которых характерны только позднему мадлену, сравнительно немного. Это веслообразные и веретенообразные наконечники копий, гарпуны и мотыги типа Люнгбю. Наряду с этим встречаются формы (кинжалы, проколки, иглы и разные кости случайной обработки), унаследованные от еще более ранних эпох, и поэтому не представляющие значения для хронологизации и типологии.

Одной из древнейших форм изделий из рога и кости позднего палеолита (ориньяка и солютре) являлись веретенообразные наконечники копий. Они повсюду имели общие черты, но в разное время в различных культурных группах обладали некоторым своеобразием. В Восточной Европе в раннем мадлене (Мезинская стоянка) подобные находки редки (Рудинский, 1931, табл. 27; Ефименко, 1938, стр. 502; Борисковский, 1953, стр. 274 и илл. 135:1), а в позднем мадлене их нет вообще.

Параллели костяным изделиям, обнаруженным на территории современной Литвы, приходится искать в мадлене Западной Европы. Так, в начале мадлена наконечники дротиков были довольно крупными с широкими основаниями. Позже черешки становятся многогранными, конусообразными или пирамидальными; острые наконечники округляются и делаются более длинными; на спинке появляется характерная узкая канавка. В дальнейшем наконечники опять укорачиваются, пока окончательно не устанавливается тип наконечника с черешком, скрошенным с обеих сторон (Вгейль, 1937, стр. 49—50). Именно этот поздний тип и характерен для времени распространения мадленской культуры в южной Прибалтике.

Наконечник дротика (рис. 20, 1) указанного типа (вместе с четырьмя веслообразными наконечниками) был обнаружен в Кальнишской (ныне восточная часть г. Клайпеды), в мергельном карьере бывшего имения Бахмана. В 1865 г. вместе с другими находками он оказался в Берлинском музее. Когда он попал, наконец, в руки Г. Гросса, об анализе пыльцы на месте находки уже не могло быть и речи. Однако Гросс заметил в порах находки крошечные остатки глины и по этому признаку заключил, что они должны были относиться к позднему ледниковому периоду (Gross, 1939^b, стр. 65). Изделие было желтовато-серого цвета со слабым оливковым оттенком, что характерно для долго пролежавшего в глине рога северного оленя.

Это был почти прямой, ровный, стройный наконечник дротика, изготовленный из рога северного оленя с остатками на одной стороне пористой внутренней роговой ткани. Длина его — 28,2 см, а диаметр в середине — около 1 см. Вершина наконечника скрошена с одной стороны, черешок клинообразный, скрошенный вогнутыми плоскостями с двух сторон и превращенный в язычек длиной 2,7 см. На пористой части рога видны два надреза.

Несколько аналогичных наконечников, обнаруженных в Калининградской области, были отнесены, согласно пыльцевому анализу, к периоду аллера (ко II зоне диаграммы Г. Гросса). Наиболее характерен из них наконечник из Гумбинена (ныне г. Гусев), найденный в 1935 г. в слое глины под торфом. Длина его — 30 см. Черешок — клинообразный, скрошен. Это первая точно датированная палеолитическая находка на территории современной Калининградской области. Следует отметить, что не подалеку, в том же слое, был обнаружен сосновый сук, что свидетельствует о существовании лесов во время жизни здесь людей, изготовленных упомянутый наконечник (Gross, 1937^b, стр. 113; 1937^a, стр. 148—152, илл. 3; 1938^a, стр. 96—102, илл. 7). Согласно пыльцевому

анализу, к аллерёду относены еще один наконечник такого же типа из находок Калининградской области (Gross, 1943, стр. 5; 1958, стр. 73).

Помимо того, несколько наконечников дротиков с клинообразным черешком известны по литературе, посвященной археологии Калининградской области и соседних районов северной Польши (Engel, 1935, илл. 16 вт; Gross, 1939^c, стр. 66; La Baute, 1942, стр. 19). Особенно много их найдено в бассейне реки Хавель (Stimming, 1928, стр. 118, 233—240, илл. 96—116; Clarc, 1936, стр. 125, илл. 41:1; Mey, 1960, стр. 18—20).

Все это свидетельствует, что наконечники дротиков, о которых идет речь, представляют собой характерную особенность мадленской культуры южной Прибалтики, и наиболее ранние из них относятся к аллерёду и позднему дриасу. В Литве, кроме упомянутой выше находки из Кальнишской, других наконечников, относящихся к палеолиту, пока не обнаружено. Более поздние дериваты этого типа будут нами рассмотрены в следующем разделе, в связи с наследием палеолитических культур в мезолите.

Другие палеолитические изделия из рога — четыре веслообразных наконечника — были найдены в том же карьере в Кальнишской (рис. 20, 2—5). Они имели такой же цвет, как и веретенообразный наконечник, и так же сохранили приставшие к кости остатки глины, свидетельствующей о том, что изделия относятся к позднеледниковому периоду. Первый из наконечников имел в длину 25,6 см; черешок занимал около половины всей находки. Длина второго — 20,7 см, третьего — 15,2 см и четвертого — 13,7 см. Все они изготовлены из рогов и костей северного оленя (Gross, 1939^b, стр. 65).

Наконечники такого типа (иногда украшенные орнаментом) сравнительно часто встречаются в Калининградской области и северной Польше (Gross, 1939^b, стр. 66; Gaerte, 1929, илл. 4^e; Clarc, 1936, илл. 44:7; La Baute, 1942, стр. 18—19, илл. I). Распространены они на том же пространстве, что и веретенообразные наконечники. Ближайшие параллели к ним можно встретить также в бассейне р. Хавель (Stimming, 1917, илл. 97; Clarc, 1936, илл. 43:6; Mey, 1960, стр. 18—20).

К палеолитическим типам относится также мотыга Люнгбю, одно из характернейших изделий из рога северного оленя. Это довольно простое орудие — длинный рог, срезанный у венчика, с укороченным нижним отростком. В мотыгу иногда вставлялось кремневое или сделанное из клыков лезвие. Такая мотыга была обнаружена на границе Литвы и Калининградской области, у р. Шеймяна, в Мауру-

шайчай. Найденный в слое гитти экземпляр был хорошей работы, очень тонкий, длиной 56 см (Gross, 1938^a, илл. 9). Г. Гросс, пользуясь методом пыльцевого анализа, отнес изделие к III зоне своей диаграммы, т. е. к позд-

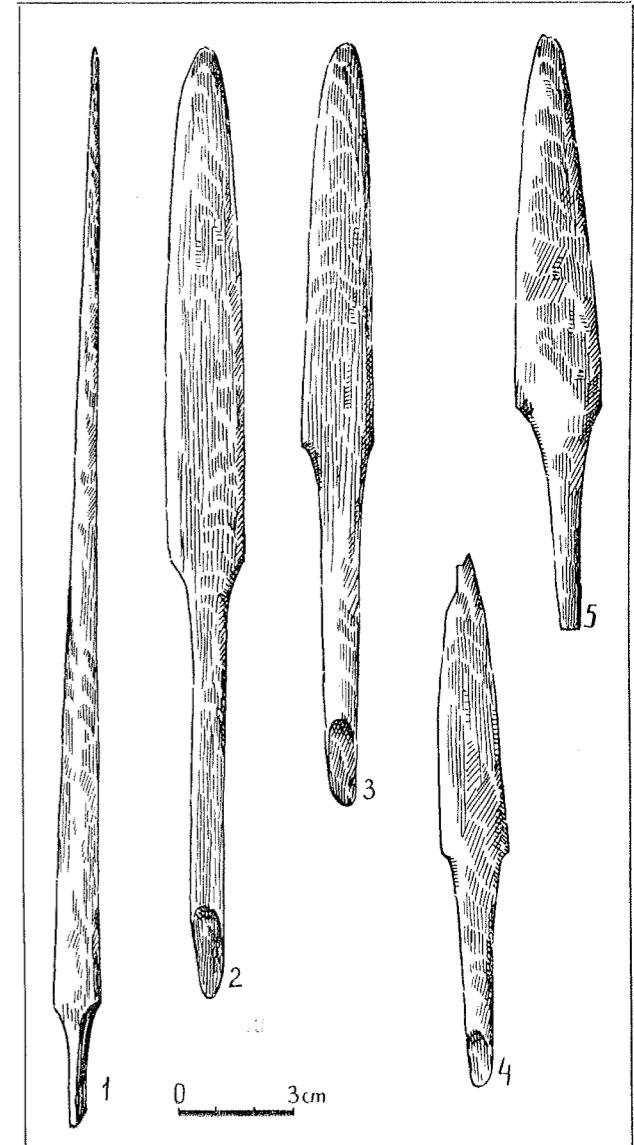

Рис. 20. Кальнишкай (предместье Клайпеды). Роговые и костяные наконечники

нему дриасу, считая его несколько более ранним, чем мотыги культуры Аренсбурга, найденные в Штетллооре (Gross, 1938^a, стр. 102—105).

Мотыги типа Люнгбю с северной окраины Польши тоже, по-видимому, могут быть отнесены к позднему дриасу (Gross, 1938^a, стр. 128—129). Несколько заготовок для подобных мотыг, найденных в Калининградской области, также удалось датировать палеолитом (Gross,

1938^b, стр. 83—85), применив пыльцевой анализ. Заготовка для мотыги Люнгбю, найденная в южной части Куршской косы у поселка Рыбачий, тоже изготовлена из рога северного оленя (LAB, 1961, илл. 14).

Мотыги Люнгбю известны по всей Прибалтике, в частности на польском взморье (Kostrzewski, 1955, стр. 16) и в Мекленбургской области (Schuld, 1954, стр. 16, илл. 5). Особенно много их в бассейне р. Хавель (Stimming, 1917, стр. 233—240; Indreko, 1948, стр. 54; Taute, 1968, карта 8). Они были распространены в южной Прибалтике одновременно, начиная с позднего дриаса, и существовали до начала мезолита — преобореала (Gross, 1937^a, стр. 109—113; 1937^a, стр. 148; 1938^a, стр. 91—92; La Baume, 1942, стр. 20, илл. 4; Kostrzewski, 1955, стр. 16). В Швеции же они встречаются и в бореале.

Мотыги, близкие к только что рассмотренным, встречаются в Моравии (Klima, 1957) и на Украине, например, в Молодове V (Черныш, 1959). Место их первоначального происхождения искали в разных местах, но вероятнее всего их (как и другие позднемадленские находки южной Прибалтики) надо считать присущими всей культурной области, простиравшейся от Кимбриского полуострова до южной Литвы. Повсюду здесь они появляются и исчезают почти в одно и то же время.

Еще одно изделие позднего палеолита — гарпун. Хотя до сих пор в Литве не найдено ни одного гарпуна, на соседних территориях они известны. Некоторые литовские находки этого рода, относящиеся к более позднему времени, позволяют надеяться, что рано или поздно гарпуны будут обнаружены.

Отметим, что характерной чертой палеолитического гарпуна южной Прибалтики являются редкие, крупные, изогнутые зубья, среди которых нижний выгнут в противоположную сторону. Французские мадленские гарпуны не имеют такого завершения; они заканчиваются кольцеобразными расширениями (Brevill, 1937, илл. 32:9, стр. 53), хотя сами зубцы очень близки к мадленским. Гарпуны южной Прибалтики, несомненно, были связаны с мадленскими.

Прибалтийский гарпун известен уже в гамбургской культуре (Rust, 1937, илл. 39:1). Особенно много их обнаружено в долине Хавеля (Stimming, 1917, стр. 233—240), где они изготавливались из рога северного оленя. Относятся они, несомненно, к концу палеолита. Гарпуны этого типа, датируемые согласно данным пыльцевого анализа поздним дриасом, обнаружены в северной Польше, граничащей с Калининградской областью (La Baume, 1942, стр. 19—20; Gross, 1938; Antoniewicz, J. 1948, стр. 13).

Чтобы составить по возможности более полную картину комплекса находок позднего прибалтийского палеолита, надо упомянуть еще несколько датированных находок, известных на территории, соседней с современной Литвой. Среди них несколько кинжалов (пешней?), изготовленных из расколотой трубчатой кости, с хорошо обтесанным эпифизом. Одно из таких орудий было найдено в Калининградской области, на границе с Литвой (в Опшрутай). Оно изготовлено из кости зубра или тура, имеет 20 см в длину, острую вершину и округленную тыльную часть — эпифиз (Gross, 1937^a, стр. 154, илл. 5a; 1938^a, стр. 111—112, илл. 13a). Удаление и округление эпифиза — характерная черта позднего палеолита. Анализ пыльцы свидетельствует о том, что орудие должно быть отнесено к позднему дриасу.

Там же, в Опшрутай, была найдена часть четырехгранных наконечников дротика и куски костей крупных щук (Gross, 1938^a, стр. 111). К этому же периоду относится и кинжал с обработанным эпифизом, найденный в северной Польше, в Гижском повете (бывш. Eiseberg) (Gross, 1940, стр. 81—84; Antoniewicz, J., 1948, стр. 13). Неподалеку от него была обнаружена мотыга Люнгбю того же периода, что и верхняя часть стамески, изготовленной из рога северного оленя (Gross, 1938^a, стр. 123, илл. 27:6), а также нож для обработки шкур (Gross, 1938a, стр. 129—132, илл. 19).

Подобные кинжалы (пешни?) и орудия для обработки шкур характерны для культуры Аренсбурга.

Кроме этих наиболее характерных изделий, следует упомянуть значительное количество рогов северного оленя с надрезами, найденных в Калининградской области и северной Польше и датированных поздним палеолитом (Gross, 1938^a, стр. 132—136). В гамбургской культуре таких надрезов, как правило, нет. Зато они часто встречаются в культуре Аренсбурга. Некоторые типы костяных изделий, явно унаследованные от культур палеолита, распространялись в Литве лишь в мезолите. На них мы остановимся ниже.

Ставя вопрос о происхождении упомянутых роговых и костяных изделий, приходится обращаться к территории, лежащей западнее Литвы. Наибольшее количество соответствующих находок пока что встречено в бассейне р. Хавель (Mey, 1960, стр. 18—20). В целом же они распространены на той самой территории, что и кремневые находки южно-прибалтийских мадленских культур (аренсбургской, Бромме-Люнгбю и др.).

Однако отметим, что отчасти на той же территории и приблизительно в то же время распространялась и другая — свидерская культура. Поэтому, пока не были изучены мадлен-

ские стоянки восточной Прибалтики, ряд исследователей пытались вместить некоторые изделия из рога и кости, о которых мы говорили, в рамки свидерской культуры¹. Теперь же мы вправе предполагать, что они относятся к комплексу прибалтийского мадлена.

Кроме проблемы связей культурного характера, возникает очень важный вопрос о географических связях. Можно ли в одну культурную область объединить такие территории, как Ютландия и Литва, удаленные друг от друга пространством в тысячу километров? Если да, то в таком случае мы должны были бы найти стоянки упомянутого типа на всем этом пространстве. Так это или нет, пока не совсем ясно. Например, неясны географические связи культуры Люнгбю как с восточными, так и с западными областями, что даже породило гипотезу (Rust, 1944) о существовании центров культуры Бромме-Люнгбю на ныне затопленном побережье Северного моря, откуда она в аллере — могла распространяться в мадленские области Западной Европы (Schwabedissen, 1951, стр. 158). Оправдана эта гипотеза или не оправдана, однако нет сомнения, что затопленное ныне южное побережье Балтийского моря должно было играть важную роль посредника между Ютландией и Литвой (кстати, южные берега Балтики до сих пор вообще остаются недостаточно изученными). Об этом свидетельствуют, например, отдельные находки прибалтийского мадлена на побережье, и в особенности предметы аренсбургской культуры. Не говоря уже о стоянке Берлин-Тегель (Taute, 1957), на которой нам придется остановиться в дальнейшем, в разных местностях Мекленбурга, непосредственно на берегу моря, на острове Рюген обнаружены широкие наконечники стрел с узким, ретушированным по краям черешком (Schuld, 1954, стр. 16—17, илл. 6; 1958, стр. 162), относящиеся, несомненно, к аренсбургской культуре. В северной Польше аренсбургские наконечники встречаются в низовьях Вислы, недалеко от Мальборка и Элька. Отдельные изделия той же культуры найдены в северной части Калининградской области (Gaerte, 1933).

Все это вместе взятое подтверждает, что литовские мадленские стоянки входят в общую культурную область южной Прибалтики и сов-

¹ Г. Гросс, датировавший путем пыльцевого анализа роговые и костяные изделия Калининградской области и северной Польши, не раз поднимал вопрос об их культурной принадлежности. Хотя единственные параллели он находил лишь в области р. Хавель, однако выдвигал мысль, что те же самые формы изделий, которые на Западе характерны для носителей аренсбургской культуры, здесь — на Востоке могли употребляться носителями свидерской культуры (Gross, 1939^c, стр. 79—127). Этой версии придерживаются и польские археологи (Kozłowski, S. K., 1969, стр. 122—123).

падают с нею в хронологическом отношении, т. е. относятся к концу аллере — позднему дриасу. В Литве они, как и в других частях культурной области², существовали и в начальной стадии мезолита.

Однако, при всем этом, следует отметить, что несмотря на родство отдельных типов литовских изделий с находками из стоянок Аренсбурга и Бромме-Люнгбю, мы не можем быть увереными в однородности всего культурного комплекса, поскольку даже в стоянках, рассмотренных в данном разделе, ощущается ряд восточных черт (некоторые типы резцов, овальные топорики и др.). Большинство же мадленских стоянок в Литве подвергалось сильному влиянию свидерской культуры, о чем нам придется говорить несколько позже (см. стр. 73—83).

Б. ГРУППА СВИДЕРСКИХ КУЛЬТУР

Характерными чертами, отличающими эту группу стоянок от мадленских, является как сохранение солютрейской ретуши и некоторых других солютрейских пережитков, просуществовавших вплоть до конца палеолита, так и своеобразные формы многих изделий.

Свидерская культура появилась в Литве иначе, чем мадленская. Носители последней, прия сюда, оказывались далеко от центров своего происхождения. Они приходили в разное время и из разных местностей, и поэтому прибалтийские мадленские стоянки иногда значительно отличаются друг от друга в хронологическом и типологическом отношении. Разные группы охотников могли в тот период одновременно жить рядом, появляться и опять уходить, оставляя после себя лишь слабые следы или даже вовсе не оставляя их.

Характер распространения свидерской культуры был иным. Ее центры находились рядом — к юго-западу от Литвы, а обширная территория, занимаемая этой культурой, простиралась до юга Литвы.

Вот почему свидерская культура достигла Литвы еще на раннем этапе и основательно утвердилась здесь. Все позднейшие местные ее варианты уже не говорят о каких-то приселцах со стороны: в Литве происходило внутреннее развитие культуры, оставившее здесь глубокие традиции, ощущимые не только в мезолите, но и в неолите.

² Напр., стоянка аренсбургского типа Леенде, в северном Брабанте, датируется по C^{14} 8770 ± 85 г. до н. э. (Gross, 1958, стр. 179), а стоянка Риссен 14a — 8350 ± 350 г. до н. э. (Schwabedissen, 1957, стр. 8). Имеются данные, доказывающие, что стоянки этого типа сохранялись даже до начала мезолита — 7500 ± 200 г. до н. э. (Rust, 1958, стр. 140).

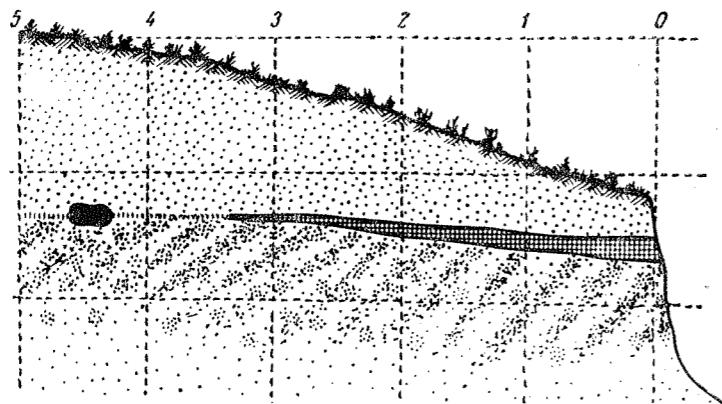

Рис. 21. Разрез и стратиграфия стоянки Эйгуляй 1А

Кроме того, надо иметь в виду, что свидерская культура в Литве соприкасалась с мадленской; воздействие их было обоюдным — наряду с разновременными группами свидерской культуры параллельно существовали и такие группы, в которых заметно влияние мадленских культур.

Поэтому, определяя сущность свидерской палеолитической культуры в Литве, мы выделяем два хронологически-типологических этапа — ранний (I), поздний (II) и, кроме того, свидерскую группу с признаками влияния мадленской культуры (III).

Свидерская культура в Литве, так же как и в других странах Восточной Европы, отчетливо проявлялась и в голоцене, а отсюда невозможно провести строгой границы между группами палеолитических и мезолитических стоянок, опираясь только на типологические признаки. Группы приходится разделять, исходя из их топографического расположения. В связи с этим в настоящем разделе пойдет речь только о тех свидерских стоянках, топографическое месторасположение которых соответствует периодам аллера и позднего дриаса.

1) Памятники I (ранней) группы

Ранних стоянок свидерской культуры в Литве относительно немного. Долгое время ставилась под сомнение даже сама возможность их обнаружения здесь. Однако последние изыскания открыли стоянки, которые по типологическим и геоморфологическим признакам относятся к группе ранних (разумеется, не к самым первоначальным ее вариантам). Выяснилось также, что свидерская культура не является столь древней, как считалось раньше, и как раз совпадает со временем первоначального заселения Литвы.

Для стоянок I группы характерны узкие иволистные наконечники, не имеющие выделенного черешка. Они были единственными на стоянке Свидры Вельке I (вблизи Варшавы). Однако даже на территории Польши к ранней группе относят и такие стоянки, в которых наряду с упомянутыми наконечниками появляются другие — с незначительно выделенным (а в некоторых, правда, немногочисленных случаях и с ясно выделенным) черешком (Schild, 1960, стр. 45). Резцы, встречающиеся в стоянках I группы, в большинстве случаев боковые, со сколом и ретушью, скребки — узкие и длинные, нуклеусы — двухплощадные. За исключением пластин, носящих следы ретуши, других типов изделий эти стоянки не дают. Лишь изредка в них попадаются изделия, похожие на топорики или мотыги (Krukowski, 1939—1945, стр. 83—84). Для ранних стоянок характерно почти полное или полное отсутствие влияния других культур.

Все стоянки I группы в Литве расположены на второй и третьей надпойменных террасах рек. Наиболее ранним и ярким является комплекс стоянок Эйгуляй 1, включающий 4 палеолитические стоянки, обозначенные в литературе буквами А, В, С, Д. Расположены они к северу от кладбища Эйгуляй¹, на расстоянии около 400 м от берега р. Нярис.

В районе Эйгуляй существуют надпойменные террасы реки Нярис. Нижняя, расположенная на 3—5 метров выше современного уровня воды, простирается приблизительно до шоссейной дороги Каунас — Клебонишкис. За ней круто поднимается вторая, возвышающаяся у стоянок В и Д на 7 м над первой террасой, т. е. всего на 10—12 м над современным уровнем реки (рис. 3).

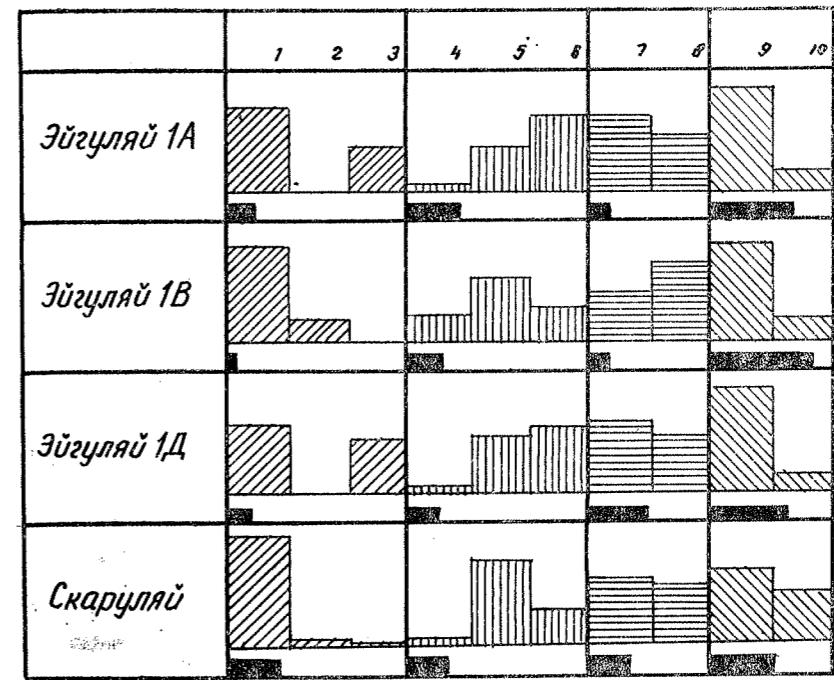
¹ В настоящее время территория стоянок смыта при возведении моста через Нярис на автостраде Вильнюс — Каунас.

Стоянки А и С были отделены от В и Д выемкой, по которой идет автострада Вильнюс — Каунас. Западная часть стоянки А была почти на том же уровне, что и стоянка В, а восточная часть (находки здесь попадались

песчаном склоне, где сохранились остатки культурного слоя). Во время обследования в 1948 г. (Яблонските-Римантене, 1959) оказалось, что слой сохранился лишь на незначительной дугообразной площади, имевшей в

Табл. II

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Эйгуляй 1А	7	4	2	8	13	4	3	28	6	+		
Эйгуляй 1В	4	1		4	9	5	3	5	50	14	+	+
Эйгуляй 1Д	11		9	1	11	14	25	21	59	10	+	
Скарулай	36	2	1	1	19	7	14	13	36	17	+	+

Основные типы изделий некоторых ранних свидерских стоянок Литвы и их количественное соотношение внутри каждой группы находок (вертикальная диаграмма) и между отдельными группами находок (горизонтальная диаграмма). Наконечники стрел: свидерские наконечники без черешка (1), черешковые наконечники (2), острия (3). Скребки: короткие (4), продолговатые (5), длинные (6). Резцы: серединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластины (9) и отщепы (10). Нуклеусы: двухплощадочные (11), одноплощадочные (12).

редко, но был обнаружен очаг) поднималась приблизительно на 16 м над современным уровнем реки. Стоянка С находится еще выше: на площадке, поднятой на 18 м над Нярис.

Наиболее ранней в комплексе является стоянка Эйгуляй 1А. Она лежит на разрушенном

третьем раскопе 5 м в длину. Слой был плотный, сильно ортштейнированный, с примесью мелкого угля и большим количеством темных пятен. Возможно, что здесь некогда было какое-то строение. На чистом песке, вне культурного слоя на той же глубине встречались

кремни, а несколько дальше — остатки двух очагов, устроенных в небольших углублениях (рис. 22). Один из очагов имел в диаметре 30 см, второй — 60 см.

К началу обследований большая часть стоянки уже была разрушена. По расположению находок и очагов можно судить, что стоянка занимала площадь длиной около 100 м и шириной 50 м. Заселена она была один раз — более поздних находок здесь не обнаружено.

Все находки были покрыты толстой белой или синеватой патиной. Наконечники стрел (рис. 23, 1—7) обработаны слабо. Изготовлены они из неправильных пластин, чуть ретушированных у острия. Выделяется один наконечник (проколка?) с вертикальной ретушью вокруг всей спинки (рис. 23, 5). Встречались и простые заостренные пластины без всякой свидерской ретуши со стороны спинки (рис. 23, 6, 7). На наконечники похожи и сверла (рис. 23, 8), характерные для свидерских стоянок. Почти все скребки (рис. 23, 13—22) — длинные, изготовленные из пластин, чаще всего с одной продольной гранью. Изредка края скребков ретушированы. Коротких скребков обнаружено всего два; они довольно крупные. Лезвия большинства скребков в значительной мере обработаны. Найдено и одно орудие двойного

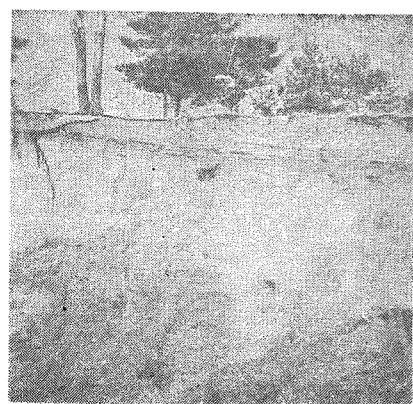

Рис. 22. Палеолитические очаги в обрыве стоянки Эйгуляй 1А

назначения (скребок-резец) (рис. 23, 13). Резцы в большинстве клиновидные серединные или боковые (рис. 23, 9—11); изредка попадаются такие, вершина которых оформлена сколом и ретушью. Среди других изделий следует упомянуть два скобеля, сделанных из неправильных крупных кусков кремня. Один из них с прямым, другой с вогнутым лезвием, оба сильно сработаны. Все нуклеусы — призматические, двухплощадные (рис. 23, 23). Количество найденных пластин и отщепов примерно одинаково. Некоторые пластины тронуты по краям ретушью (рис. 23, 12).

Уникальной находкой является пластинка глинистого сланца, найденная в культурном слое, с явными линейными надрезами (рис. 24) длиной 9 см и шириной 7 см. Линии не создают какого-либо определенного рисунка, но проведены человеком при помощи клинообразного резца.

На той же (второй) террасе р. Нярис расположен небольшой песчаный холм-стоянка Эйгуляй 1 В. Там были проведены раскопки (Яблонските-Римантене, 1959), охватившие 111 м². На поверхности залегал слой дерна и подзола толщиной 30—60 см; ниже — слой темно-серого песка толщиной в 20—25 см — след сгоревшего (уже в историческое время) леса; под ним — более светлый слой толщиной 10—15 см, в котором не обнаружено никаких находок; и еще ниже — слой коричневато-серой ископаемой почвы толщиной в 20—35 см с находками шнуровой керамики. Под ним залегал желтый, несколько ортштейнированный песок, который через 50 см переходил в белый песок, покрывавший слой крупного гравия (рис. 25).

Палеолитические находки располагались в слое ортштейнированного песка. В нем же обнаружен почти не сохранившийся небольшой очаг, расположенный на 18 см ниже неолитического слоя (рис. 26).

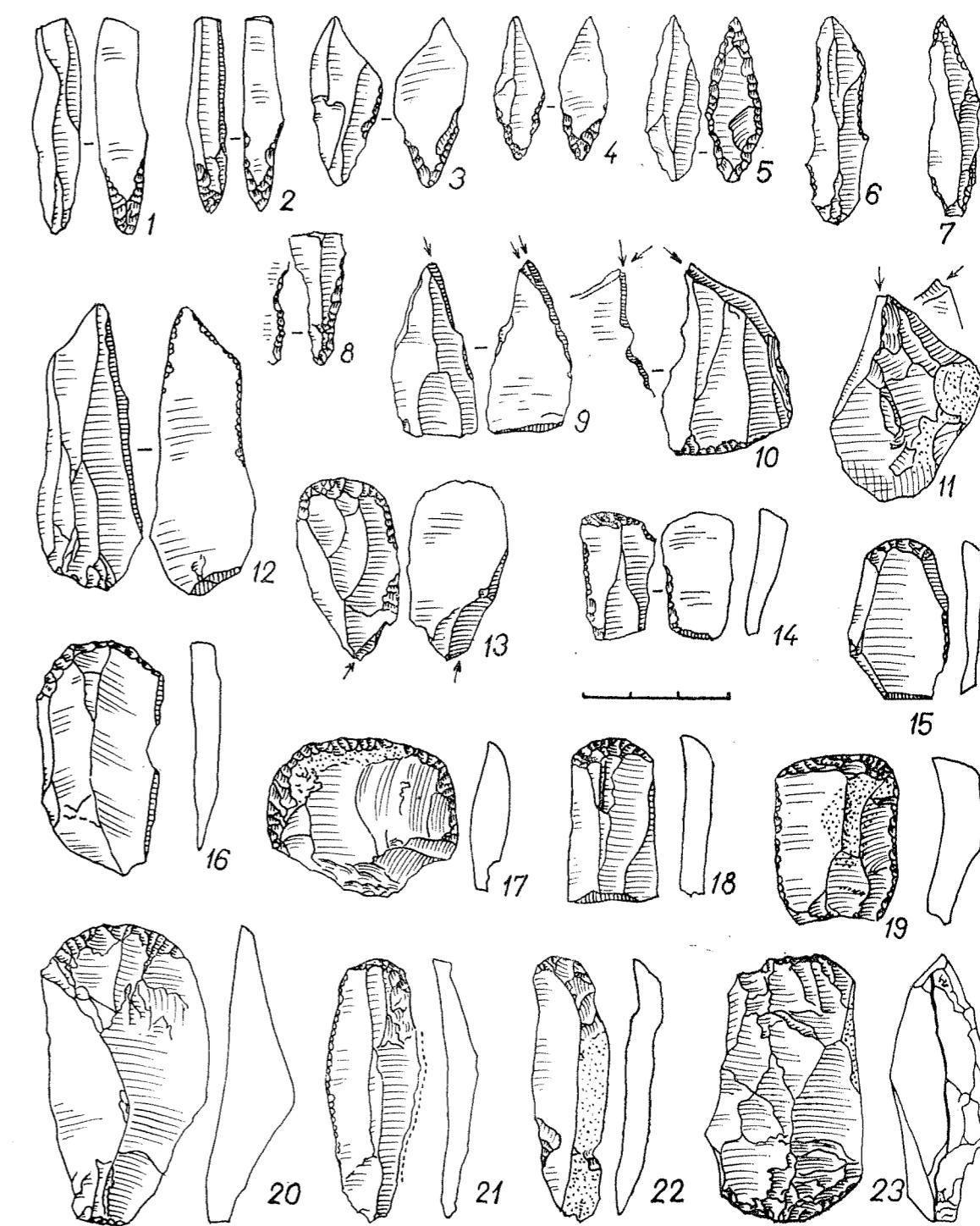

Рис. 23. Орудия стоянки Эйгуляй 1А

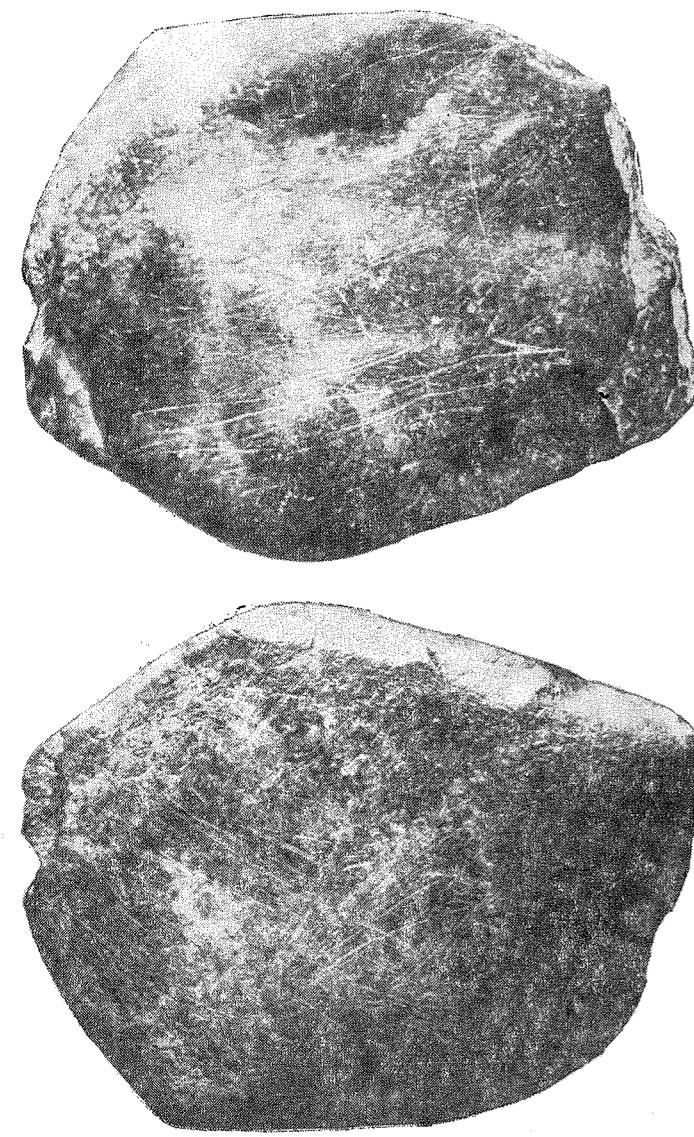

Рис. 24. Камень с нарезкой стоянки Эйгуляй 1А

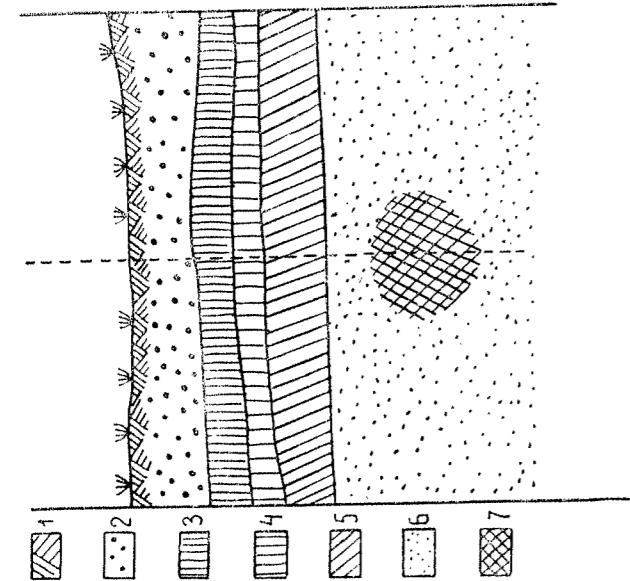

Рис. 25. Эйгуляй 1В. Разрез палеолитического очага:
1 — дерн, 2 — лесной песок, 3 — ископаемая почва, 4 — подзол — светло-серый песок, 5 — культурный слой позднего неолита, 6 — слабо железистый песок (культурный слой палеолита), 7 — очаг.

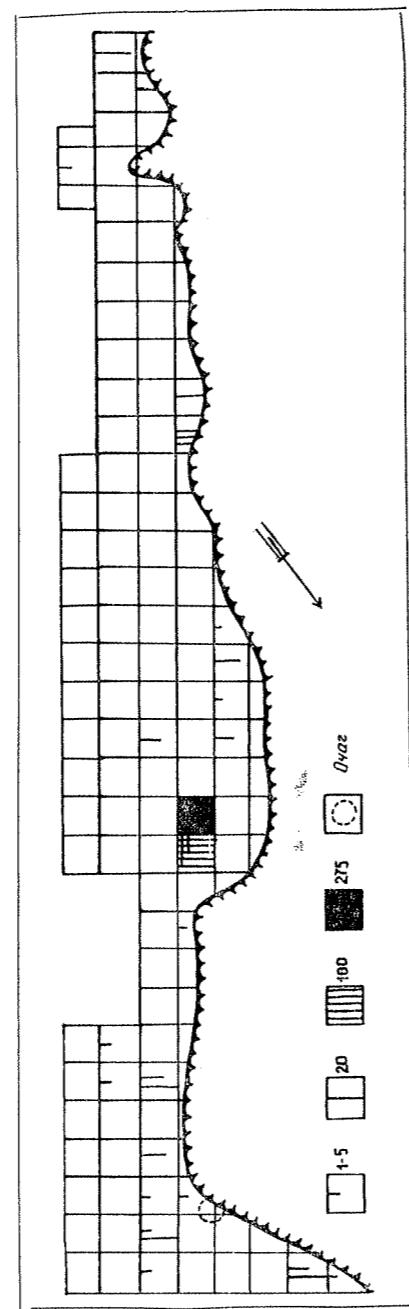

Рис. 26. Эйгуляй 1В. Расположение кремневых находок в палеолитическом культурном слое

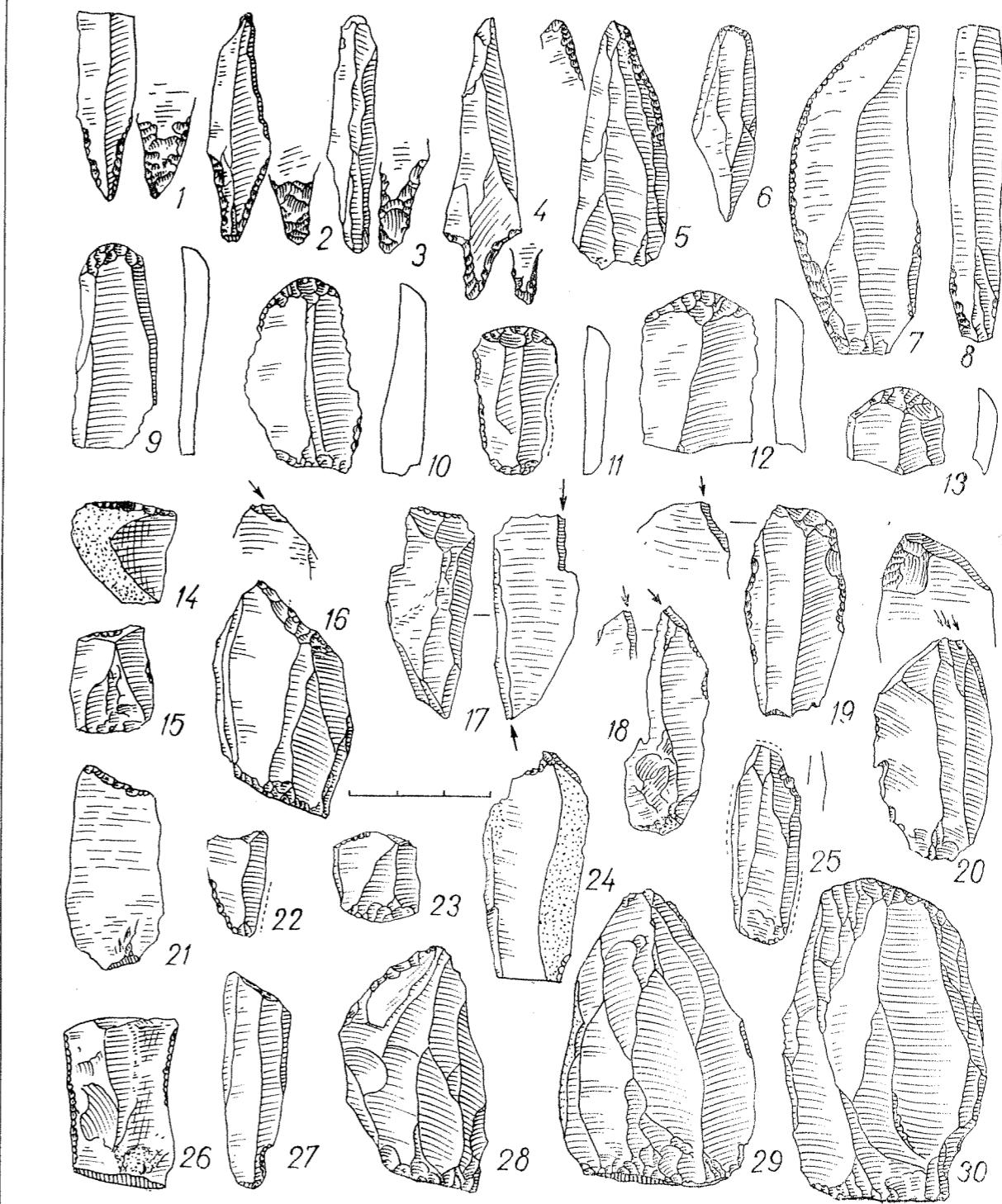

Рис. 27. Орудия стоянки Эйгуляй 1В

имеет дугообразный край (рис. 27, 7). Нуклеусы почти все двухплощадные, со скошенными основаниями и (иногда) очень суженными вершинами (рис. 27, 28—30).

В 1957 г. примерно в 60 м к юго-западу от стоянки 1В была обнаружена стоянка 1D — яркий пример ранних свидерских памятников

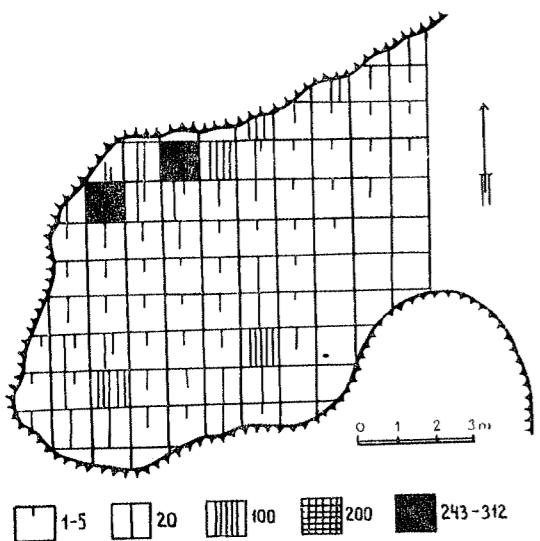

Рис. 28. Эйгуляй 1D. Расположение кремневых находок в палеолитическом культурном слое

Литвы. Стоянка, к сожалению, пострадала при устройстве песчаного карьера; уцелела лишь мысообразная площадка.

Раскопки вскрыли площадь в 60 м² (рис. 28). Наблюдалась следующая стратиграфия:

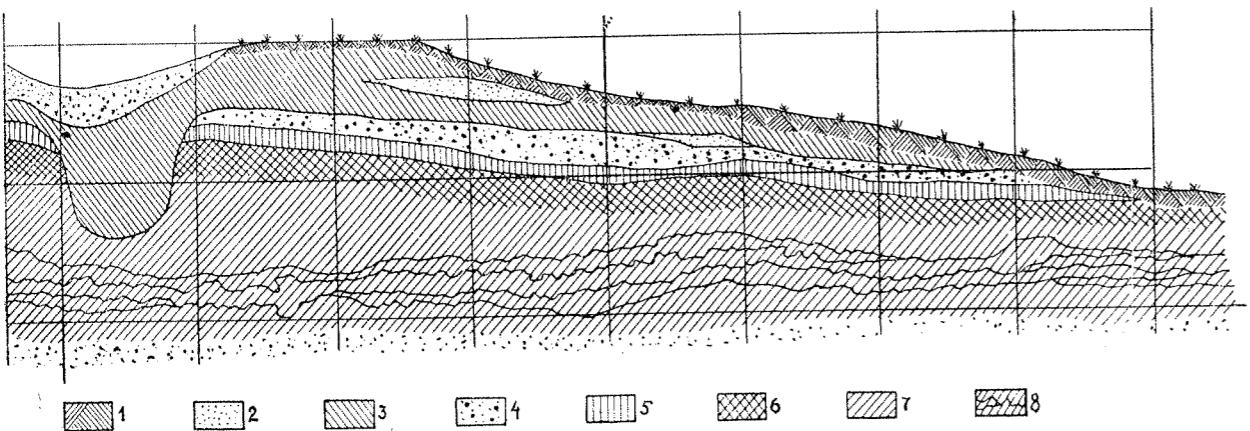

Рис. 29. Разрез и стратиграфия стоянки Эйгуляй 1D:

1 — дерни, 2 — светлый песок, 3 — песок с угольками (слой горевшего леса), 4 — серый лесной песок, 5 — светлый лесной песок, 6 — ископаемая почва (культурный слой II тысячелетия до н.э.), 7 — подзол, железистый песок (культурный слой палеолита), 8 — прослойки суглинка с ортштейном.

наверху слой темно-серого песка с дерном толщиной в 20—25 см, под ним слой довольно светлого песка толщиной в 10—20 см. Последний покрывал культурный слой ископаемой почвы темно-серого цвета толщиной в 10—30 см, относящейся к середине II тысячелетия до н. э. (рис. 29).

Палеолитические находки лежали еще ниже, в слое сильно ортштейнированного песка. В западной части раскопа были видны, хотя и не везде, тонкие извилистые прослойки глины, отделенные друг от друга несколькими сантиметрами. Палеолитические находки находились между этими прослойками, над ними и под ними. Прослойки не были параллельными; местами они сливались друг с другом или исчезали вовсе. В глине встречались кусочки железистого песка диаметром до 7 см. Вместе взятый палеолитический слой имел толщину около 50 см. В нем обнаружены два очага (рис. 30), залегающие на 18 и 25 см ниже верхнего культурного слоя. В двух местах найдены скопления кремневых отщепов, вместе с которыми находилось значительное количество изделий и нуклеусов (в первом скоплении из 282 кусков кремня ретушь имели 27, во втором — из 141 куска — 56).

Все наконечники стрел — длинные, с невыделенными черешками, чуть-чуть тронутые свидерской ретушью со спинки (рис. 31, 1—4, 6). Кроме того, найдено значительное число широких длинных пластин с ретушированными верхушками-остриями (рис. 31, 5). Часть из них имели дугообразно ретушированную спинку и могли быть использованы в качестве ножей. У некоторых пластин были ретушированные

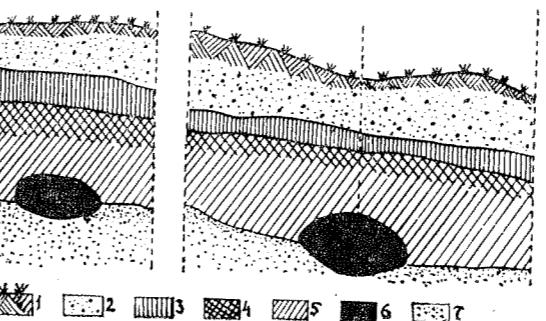

Рис. 30. Эйгуляй 1D. Очаги палеолитического культурного слоя стоянки:

1 — дерни, 2 — лесной песок, 3 — древняя почва, 4 — серый песок (культурный слой II тысячелетия до н.э.), 5 — слабо железистый слой палеолита, 6 — очаг, 7 — песок.

вымки. В большинстве своем пластины, несомненно, служили наконечниками стрел, обработанными весьма небрежно.

Значительно лучше сделаны скребки. Они изготовлены из продолговатых, довольно толстых пластин; лезвия крутые, сильно ретушированные (рис. 31, 9—11). Двухконцевой скребок найден лишь один (рис. 31, 9). Короткие скребки встречались очень редко, а круглые отсутствовали вовсе. Можно упомянуть два комбинированных скребка-резца (рис. 31, 15, 16).

Резцов очень много. Большинство их клиновидные, без какой-либо ретуши у рабочей части (рис. 31, 7, 8, 12, 13). Меньшая часть имеет рабочий угол, оформленный сколом и ретушью (рис. 31, 15, 17). Своебразную группу составляют резцы, имеющие ретушированный рабочий угол (рис. 31, 14). Ретушированных отщепов, а также нетипичных находок мы почти не встретили, за исключением одного треугольного изделия с сильно сработанным рабочим краем. Вместе с тем найдено много крупных изделий, для которых иногда использовались нуклеусы. Из крупных толстых пластинок изготавливались изделия типа скребков (рис. 31, 18) и резцы (рис. 31, 17). Характерны крупные мотыгообразные скобели с вогнутыми боками (рис. 31, 19).

Все нуклеусы — двухплощадочные. Иногда они очень длинные и к одному концу суженные (рис. 31, 20). У некоторых основания настолько скошенные, что в разрезе представляют треугольник. Выделяются нуклеусы, сплющенные с лицевой стороны, напоминающие по форме мотыги или топорики и, по всей вероятности, употреблявшиеся в этом качестве.

Ближайшей параллелью трем упомянутым стоянкам Эйгуляй 1 являются стоянки Пипляй (Каунасский р-н), обнаруженные не *in situ*, а на пойме, в слое гравия. По-видимому,

берег здесь в свое время был подмыт рекой и находки сползли вниз. В силу этих обстоятельств изделий обнаружено немного, в том числе ни одного наконечника стрел. Однако весь остальной инвентарь позволяет связывать их с инвентарем стоянок Эйгуляй 1.

Пластины, обнаруженные в Пипляй, в большинстве широкие и длинные, иногда по краям имеют ретушь. Наиболее характерными являются два резца, скребок и изделие, предназначение, видимо, для рубки (рис. 32, 1—10); оно очень напоминает крупные изделия стоянки Эйгуляй 1 В. Нуклеусы стоянки Пипляй — крупные. Им соответствуют крупные и широкие пластины. Хотя обнаруженные нуклеусы не имеют правильной формы, но все же они явно двухплощадные, призматические, со скошенными основаниями. К этой же стоянке скорее всего относится почерневшая, сильно минерализованная часть лопатки какого-то животного.

По совокупности инвентаря и топографии близкими к ранней стоянке Эйгуляй 1 являются и стоянки Скаруляй (Ионавский р-н), хотя здесь пропускают некоторые более поздние черты.

Стоянки Скаруляй (Jablonskyte, 1941, стр. 3—20) расположены на второй, очень широкой надпойменной террасе р. Нярис. (Третья терраса здесь находится на расстоянии 2 км от реки.) Высота террасы в настоящее время — 12—13 м над уровнем реки. Однако местами терраса настолько выветрена и размыта, что ее высота опускается до 9 м. На ней образовались невысокие дюны, поросшие соснами. В пойменном аллювиуме террасы, там, где загорали находки, гравия мало, песок без примесей и довольно чистый. Разрезы показали, что в большей части площадки, занимаемой стоянкой, под сравнительно тонким слоем пойменного аллювия лежит слой темно-красного, сильно лимонизированного песка толщиной до 50 см. В нижней своей части он переходит в слой более светлого песка, под которым лежит крупный гравий.

На возвышенностях, не подвергшихся выветриванию, разрез показал такое же наложение, как и в стоянках Эйгуляй 1В и D. Неолитические находки обнаружены в тонком слое древней почвы, а в полуметре ниже, в чистом, несколько ортштейнированном песке найдены покрытые патиной отщепы, относящиеся к палеолитической стоянке. Так как почти вся площадь подверглась сильному выветриванию, принадлежность находок к палеолитическому или неолитическому комплексам устанавливается типологически и по другим внешним признакам. На площади около 1 км длиной и 400 м шириной обнаружены 3 отдельных скопления находок — I, II, и III стоянки.

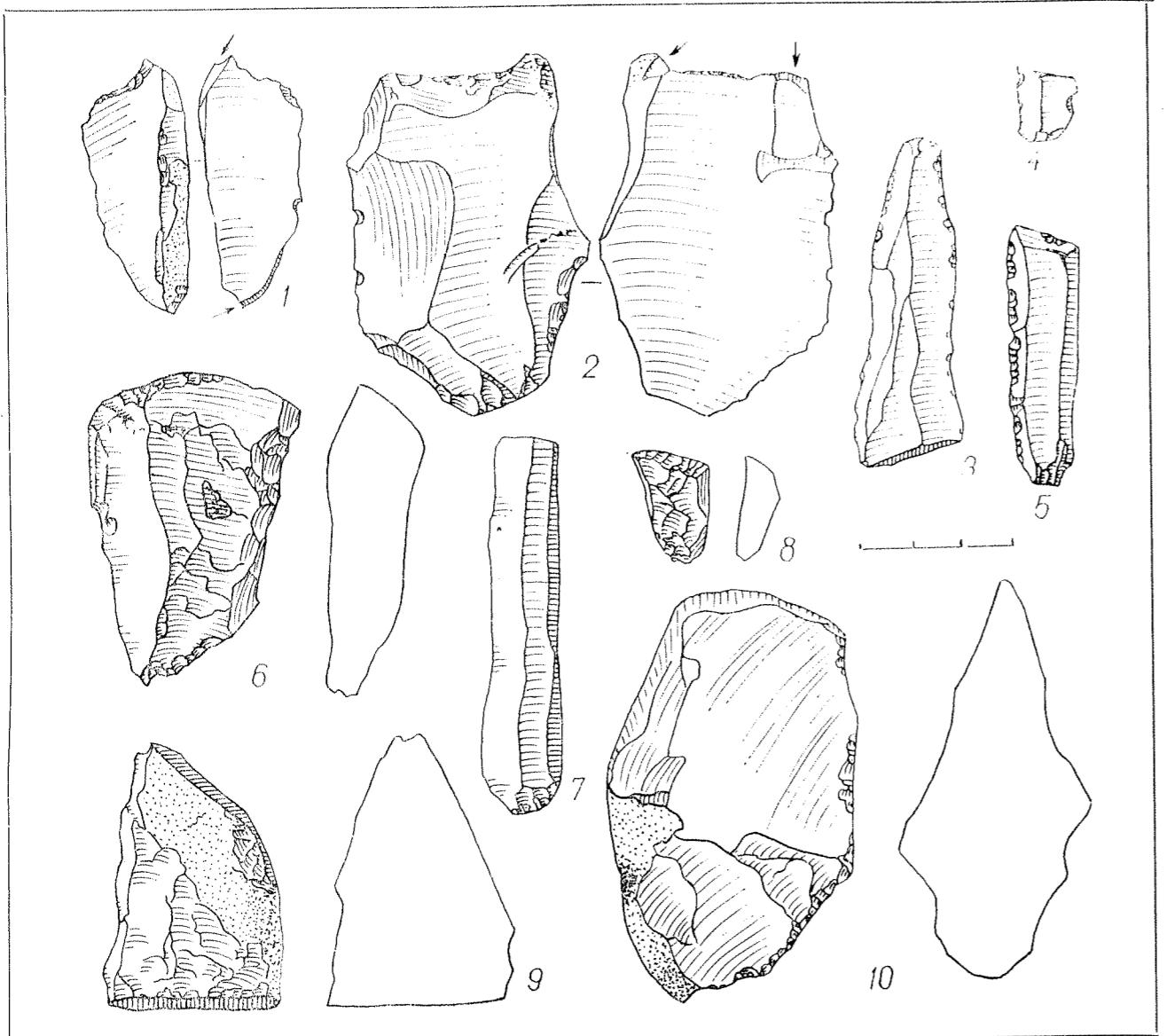

Рис. 32. Орудия стоянки Писсий

Основные палеолитические находки относятся к I стоянке; почти все палеолитические изделия здесь покрыты толстой голубой или почти синей патиной. Некоторые из них ортштейнированы — коричневые. Неолитические изделия, поднятые на этом месте, не имеют ни патины, ни признаков ортштейнирования.

Значительную часть инвентаря составляют свидерские наконечники стрел (рис. 33, 1—27) с невыделенными черешками. Для изготовления наконечников употреблены в большинстве случаев, как и в Эйгуляй 1, неровные пластины; их вершины почти не подвергались ретушированию, черешок же зачастую обрабатывался со стороны спинки плоской свидерской

ретушью. Иногда черешки ретушировались по краям. Среди находок имеется несколько широких наконечников, ретушированных только по краям, и некоторое количество острых вершинок от наконечников стрел неопределенного типа.

Скребков обнаружено много и довольно разных. Продолговатых (рис. 34, 1—3, 5, 6) меньше, чем широких и крупных (рис. 34, 4, 8) (см. табл. II). Бугорок скола с брюшком обычно выровнен, а края иногда ретушированы. Найдены два скребка с двумя рабочими концами (рис. 34, 5) и один с выемками по сторонам (рис. 34, 9).

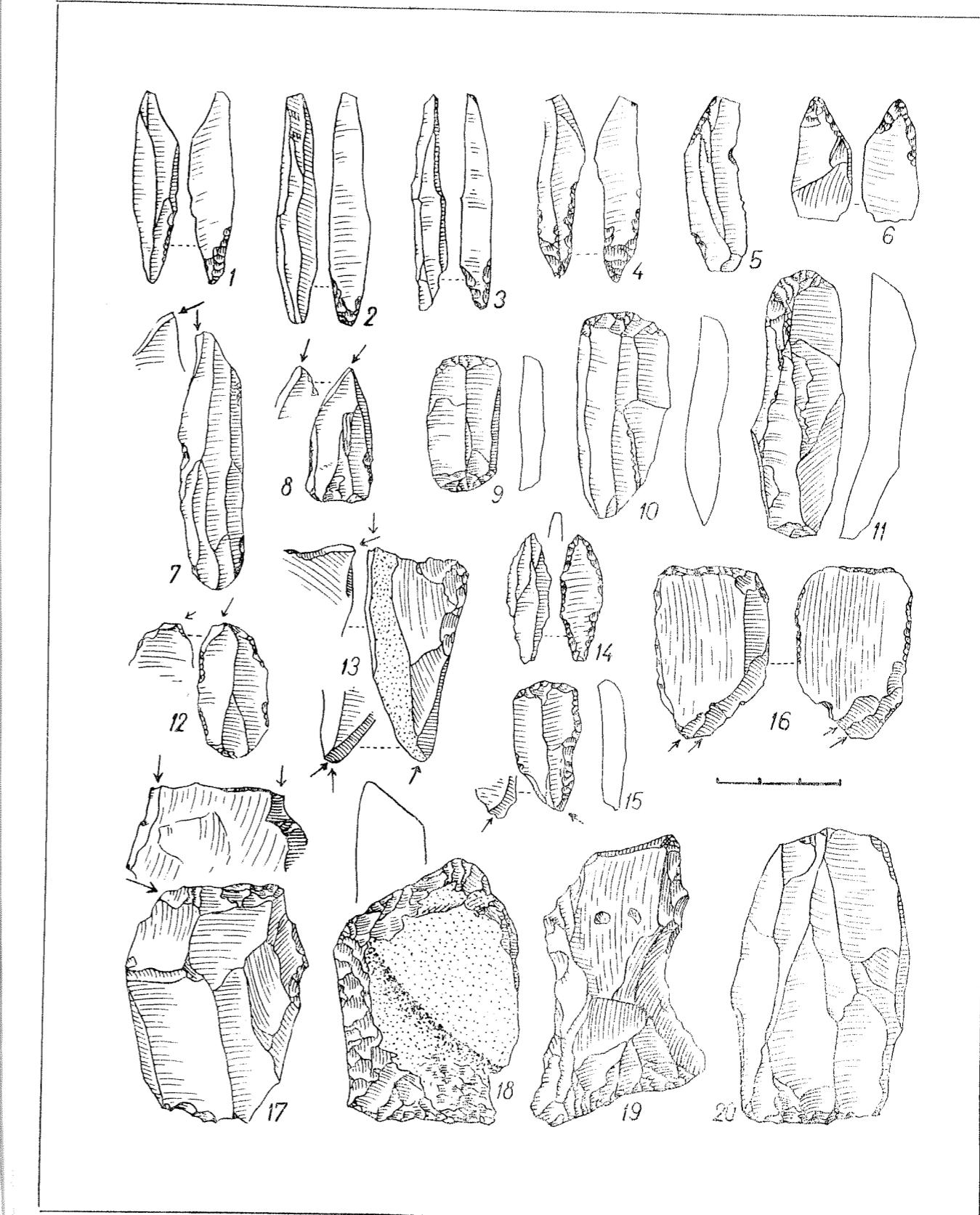

Рис. 31. Орудия стоянки Эйгуляй 1Д

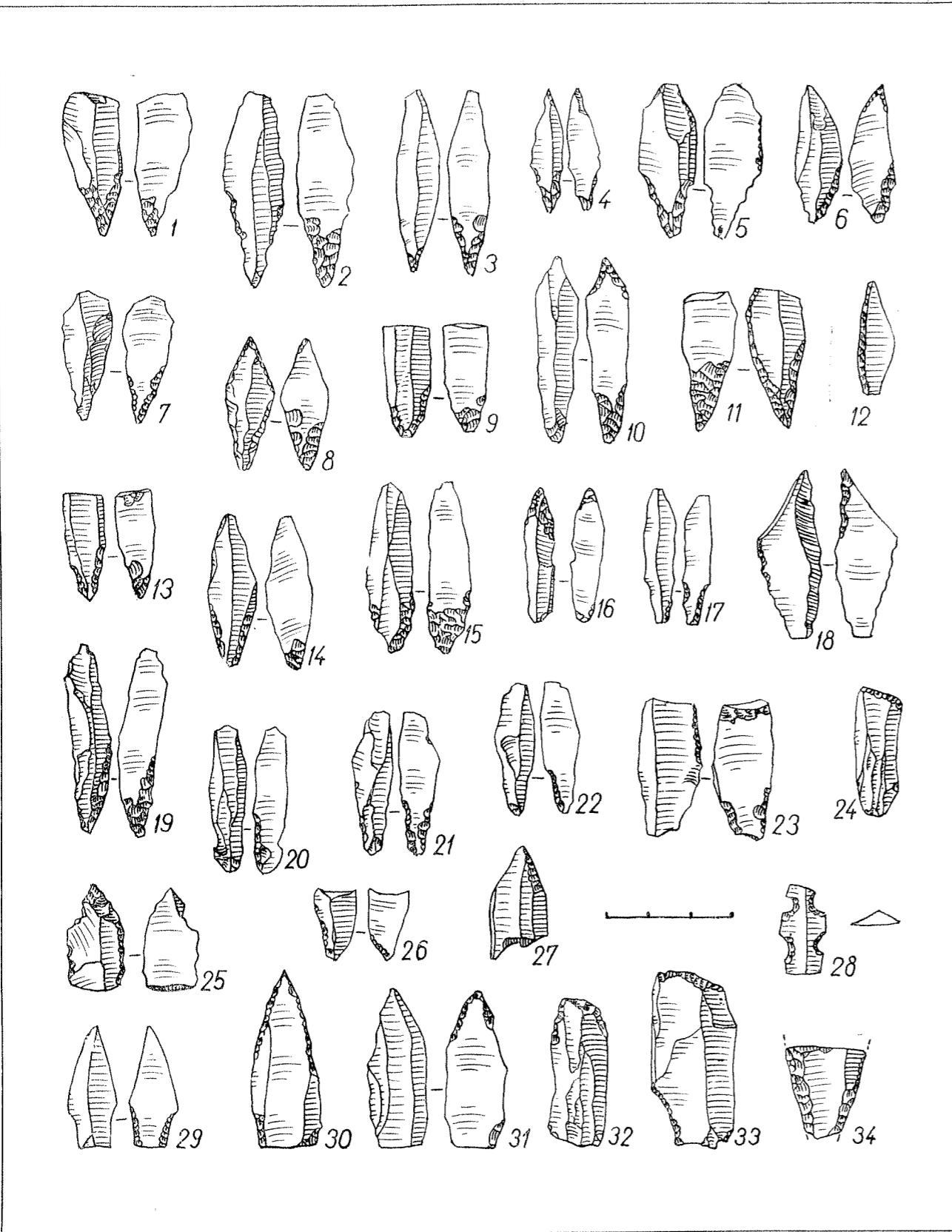

Рис. 33. Орудия стоянки Скаруляй

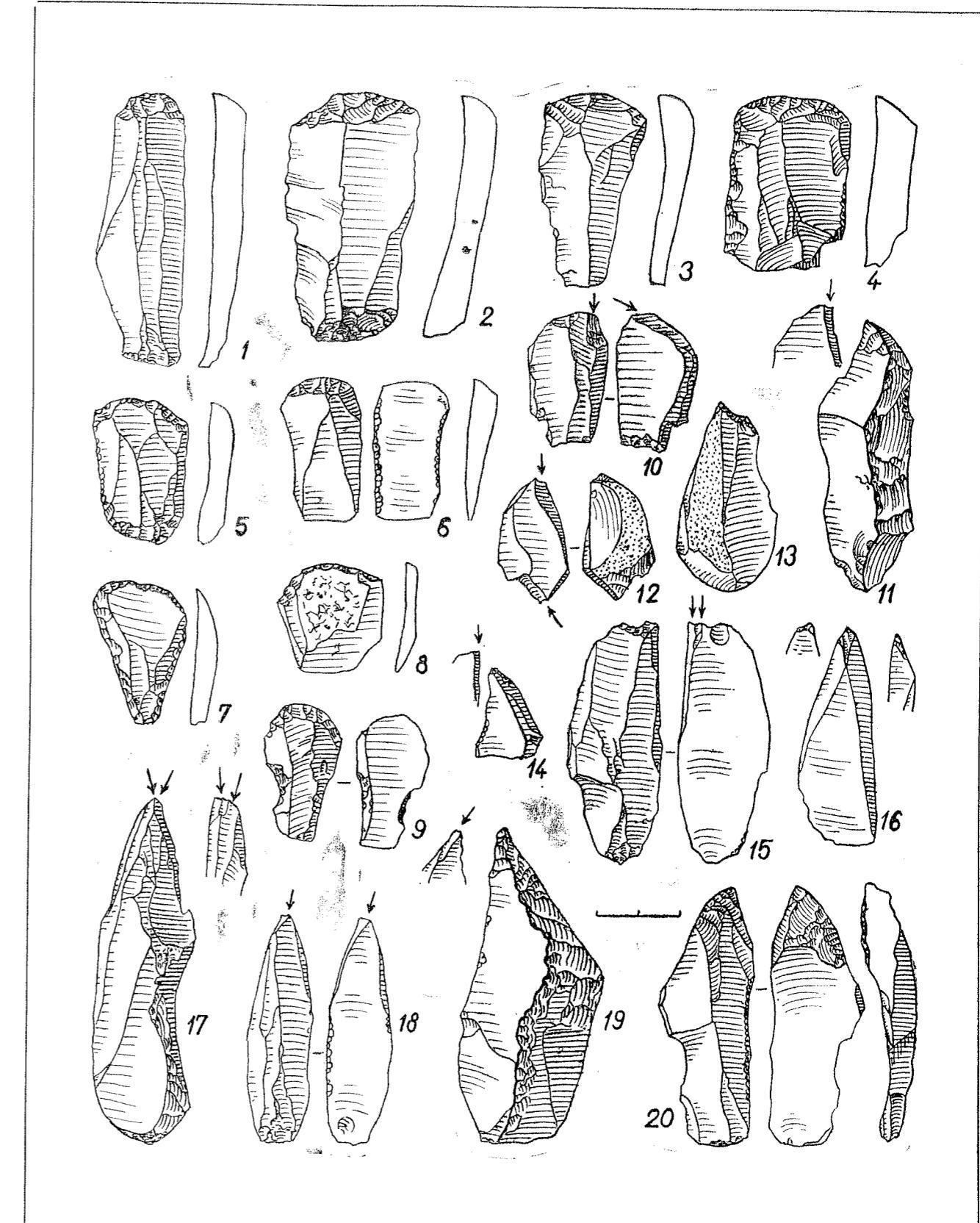

Рис. 34. Орудия стоянки Скаруляй

Большинство резцов крупные, изготовленные из довольно толстых отщепов, с широкой режущей гранью. Преобладают боковые резцы (рис. 34, 10—12, 19), изредка имеющие ретушь. Серединных резцов обнаружено всего несколько экземпляров (рис. 34, 17). Кроме того, ряд резцов имеют своеобразную форму (рис. 34, 13, 16, 20).

Среди других находок известный интерес представляет небольшая пластинка с четырьмя

входят в I группу выделенных нами выше стоянок свидерского типа.

На территории Литвы существовали и другие стоянки I группы, помимо тех, которые мы назвали. Однако инвентарь их, как правило, весьма невелик, и не может добавить ничего существенного к тому, что уже сказано. Остановимся только на тех стоянках, которые часто упоминались в литературе и долгое время представляли в глазах археологов свидерскую

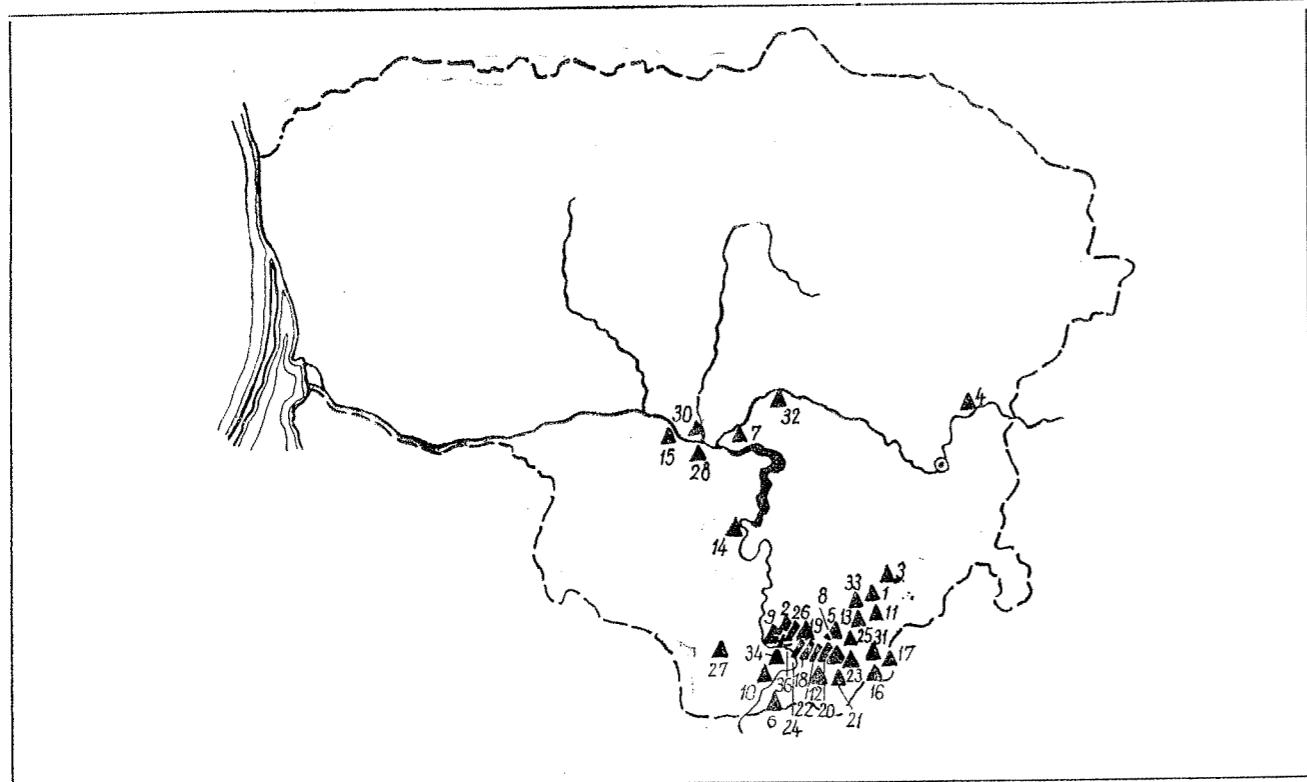

Рис. 35. Распространение палеолитических свидерских стоянок в Литве:

1. Акмуо, 2. Апсниге, 3. Бабришкес, 4. Братонишкес, 5. р. Дярежничя, 6. Друскининкай, 7. Эйгуляй, 8. оз. Эшяринис, 9. Эжяринас, 10. Гайлюонай, 11. Гирайте, 12. оз. Глинас, 13. оз. Глукас, 14. Ивонишкес, 15. Юдрайчай, 16. Кашетос, 17. Крокслис, 18. Ланкининкай, 19. Максимонис, 20. Мардосавас, 21. Марцинконис, 22. Маскаука, 23. Мяргяжярис, 24. Мяркине, 25. Митришкес, 26. Няйтесай, 27. Павейнинкай, 28. Пипляй, 29. Пувочай, 30. Раудондварис, 31. Рудня, 32. Скаруляй, 33. Варене, 34. Жильвицай, 35. Живульчишкес.

ретушированными выемками (рис. 33, 28); оба ее конца обломаны. Такой тип орудия нигде больше не повторяется. Судя по тому, что оно ортштейнировано, его можно отнести к палеолитическому комплексу.

Следует также упомянуть ножи со скошенными с одного края вершинами (рис. 33, 32, 33), а также различные ретушированные пластины (рис. 33, 24, 34) и фрагменты изделий, по которым теперь уже трудно установить форму орудий.

По разнообразию форм изделий стоянки Скаруляй несколько отличаются от стоянок Эйгуляй 1; первые относятся, несомненно, к несколько более позднему времени, но все же

культуру на современной территории Литвы. Одной из таких была группа стоянок свидерской культуры в Рудне.

Материалы стоянок Рудня, известные по коллекции В. Шукевича, как уже было указано, перемешаны. Разведки, проведенные в последние годы в окрестностях Рудни, обнаружили только одну стоянку (Рудня 4), изделия которой можно поставить рядом с находками Эйгуляй 1 и других стоянок ранней свидерской культуры.

Стоянка Рудня 4 (Bernotaité, 1959) находилась высоко, на второй надпойменной левобережной террасе р. Ула, к юго-западу от озера того же, что и река, названия. Местность

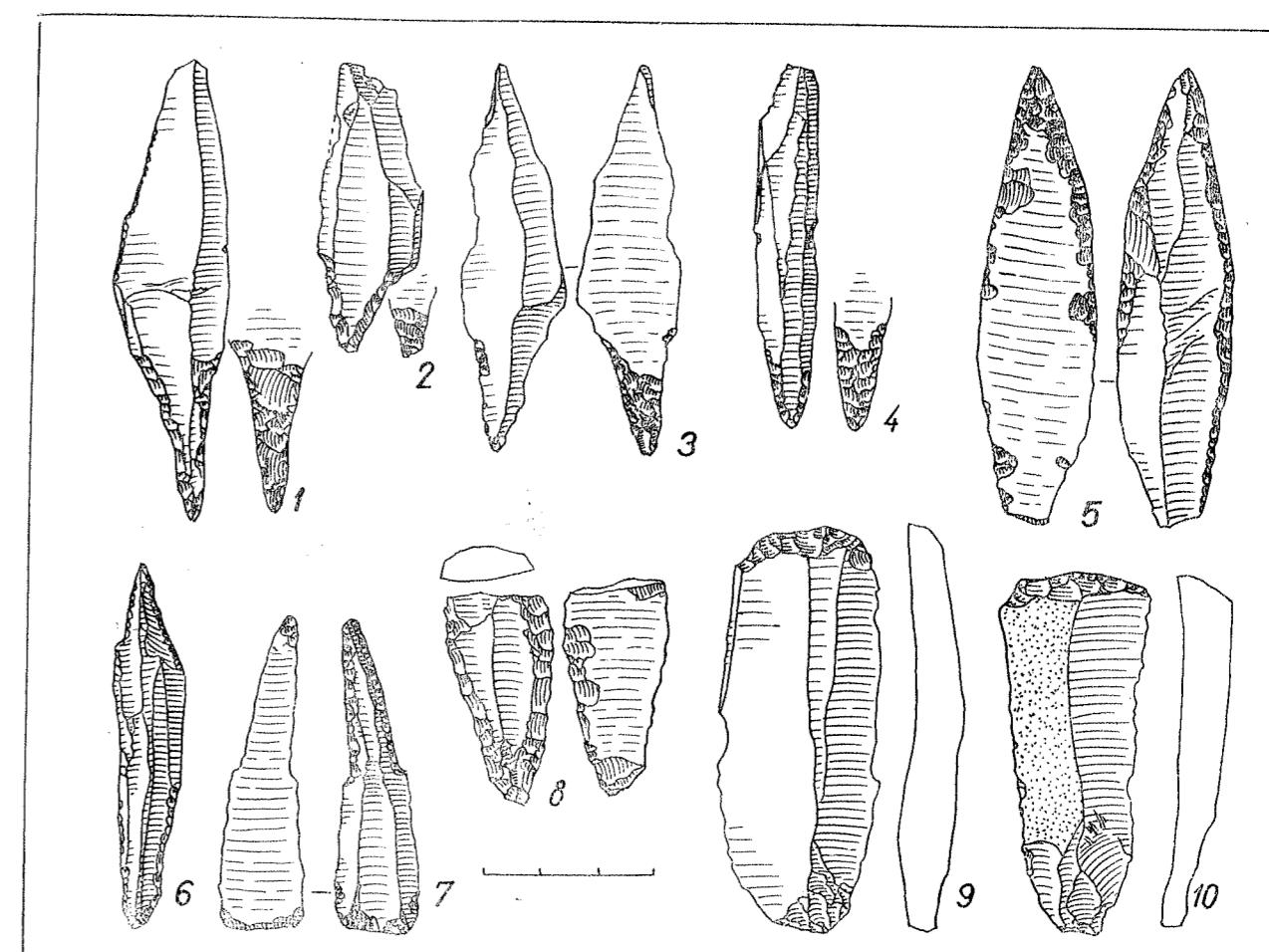

Рис. 36. Свидерские орудия стоянок у пос. Рудня

представляет собою кругой песчаный откос. В прошлом он был занят лесом; позже лес вырубили, и откос оказался размытым водой. Кремневые изделия в большинстве смывы к подножью откоса. Относятся они к нескольким периодам. Ранние выделяются белой и синеватой патиной. Среди них следует упомянуть свидерский наконечник раннего типа с невыделенным черешком (Bernotaité, 1959, илл. 3:6), крупный боковой резец, сделанный из нуклеуса, небольшой продолговатый скребок (?) (Bernotaité, 1959, илл. 3:8) и широкие неправильные нуклеусы.

Некоторые свидерские изделия из коллекции В. Шукевича, собранной в Рудне, имеют толстую белую патину (большинство же лишиено патины). Коллекционные изделия с патиной полностью соответствуют находкам стоянки Рудня 4 и по форме отличаются от более поздних. Так, к ранней группе свидерской культуры следует отнести наконечники с невыделенным черешком, покрытые патиной. Не-

сколько особняком стоит один наконечник, расширенный посередине, но и он не выпадает из общего комплекса типа Эйгуляй 1 (рис. 36, 1). В коллекции Рудня имеются скребки с патиной раннего свидерского типа — узкие и длинные. Однако наряду с ними встречаются и широкие, короткие скребки, также покрытые патиной. Сейчас трудно установить, следует ли отнести к раннему свидерскому комплексу в Рудне только длинные скребки и как датируются остальные.

К сожалению, коллекция Шукевича не представляет полного комплекса; в ней почти отсутствуют резцы (имеется лишь один продолговатый клиновидный резец, покрытый толстой белой патиной), нуклеусы, а также остатки обломанных орудий. Поэтому коллекция сейчас, по сути дела, лишь указывает на факт существования в данной местности ранней свидерской культуры.

В коллекции Шукевича значительное место занимают находки из стоянок Кашетос.

Трудно сказать, относятся ли хотя бы некоторые изделия к стоянкам, которые удалось локализировать здесь в советское время (Bergtaite, 1960, стр. 49—51). Свидерские находки в Кашетос еще более разнообразны по типам, чем в Рудне. Среди них мы находим изделия, явно относящиеся к I свидерской группе, однако большинство относятся ко II группе.

Часть наконечников Кашетос (рис. 37) из коллекции Шукевича, покрытых синеватой патиной, с невыделенным черешком, принадлежит к свидерскому типу. К этой группе относится и сравнительно большое число резцов¹ с от-

личительной формой, она находится на территории нынешнего Варенского р-на, Литовской ССР). К сожалению, обследование этой местности, проведенное в последние десятилетия, не обнаружило стоянок, которые относились бы к столь раннему времени (по-видимому, места стоянок заросли лесом).

Большинство остальных свидерских находок, имеющихся в коллекции В. Шукевича, принадлежит к более позднему — II комплексу свидерских стоянок или даже к мезолиту.

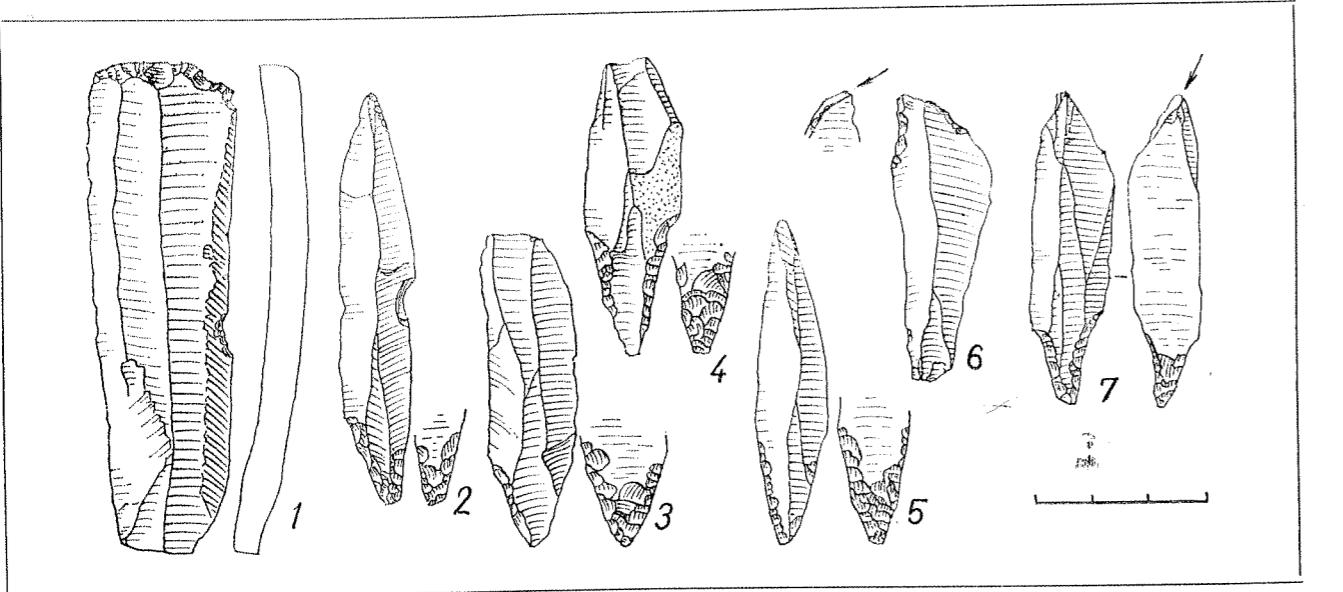

Рис. 37. Свидерские наконечники, резцы и скребок стоянок у пос. Кашетос

четливо сколотым рабочим углом, изготовленных из пластин. Ретушь обычно наносилась на них по краям. К этой же группе изделий, по-видимому, должны относиться и некоторые длинные скребки, а также ножи с косо скошенной и ретушированной вершиной, довольно крупные, покрытые толстой патиной.

В коллекции Шукевича значительное место занимают свидерские изделия, поднятые в окрестностях озера Дуба. Из них наиболее ранние типы изделий встречаются в группе стоянок Грибаша. Это длинные свидерские наконечники с невыделенными черешками, а также длинные (но не узкие) скребки. Все они покрыты довольно толстой патиной.

В коллекции Шукевича имеются, помимо того, очень ранние образцы свидерских наконечников, поднятые в Марциникоисе (как и многие другие стоянки, обследованные Шуке-

¹ Как уже говорилось, резцы в коллекцию Шукевича попадали редко — разве только те, которые имели явные следы ретуши.

Во второй группе уже заметно влияние других культур: появляются некоторые азильские элементы, чувствуется, хотя и незначительное, воздействие прибалтийского мадлена, еще не позволяющее отождествить эту группу с III группой свидерской культуры (см. стр. 83—91).

Стоянки II группы обычно располагаются на более высоких террасах, чем I группы, — на третьей надпойменной террасе или далеко от русла реки, что свидетельствует об их принадлежности к позднему дриасу.

Одной из наиболее характерных является стоянка Пувочай (Варенский р-н) (Jablonskyte, 1941^a), расположенная на верхней террасе р. Мяркис в песках протяженностью около 1 км и шириной до 700 м, окаймленных с северной стороны небольшими дюнами, поросшими соснами. В настоящее время ближайший источник воды (р. Мяркис) находится примерно на расстоянии 1 км к югу от стоянки. Поверхность песков подвергалась сильному выветриванию. Посередине их лежит камень высотой около 1 м. Найдены концентрировались по отдельным площадкам, среди которых, в свою очередь, выделялись 1—3 скопления. По-видимому, здесь стояли отдельные шалаши или другие жилые строения, относившиеся к одной большой стоянке (рис. 38). Найдены па-

скому типу. Наконечники обычно довольно узкие, продолговатые, достигающие в отдельных случаях 8,1 см в длину. Встречается также свидерский наконечник с невыделенным черешком (рис. 39, 1—3; 40, 1—3; 41, 1—4), ретушированный со стороны спинки свидерской ретушью. Острье чаще всего ретушировано по краям. Иногда ретушь идет почти по всему краю наконечника. Большинство наконечников имеет более или менее выделенный черешок (рис. 39, 4—8; 40, 4—6; 41, 5—7). Наряду с такими встречаются также наконечники широкие, короткие, с острым коротким черешком, иногда напоминающим односторонние мадленские наконечники (рис. 41, 11, 12), что дает право говорить о влияниях прибалтийско-мадленских культур. Близкими к мадленскому типу следовало бы считать и наконечники с почти несуженным черешком, которые, кроме того, часто ретушированы только по краям и не носят следов свидерской ретушки (рис. 39, 18; 41, 5). Наряду с этим вместе с поздними мадленскими типами сюда из области мадленской культуры попали азильские элементы в виде некоторых микролитов (рис. 39, 22; 41, 22).

Количество скребков примерно наполовину меньше числа наконечников. Скребки не отличаются разнообразием. Большинство их овальной формы, с несколько сплюснутыми концами (рис. 40, 12, 13), иногда приближающиеся к прямоугольному (рис. 41, 24, 25). Лезвия — в виде выгнутой дуги, не очень выпуклые, довольно круто ретушированные. Скребок обычно изготавливается из части пластины, имеющей бугорок, который скальвался далеко не всегда. Длина таких скребков обычно в полтора раза больше ширины. Встречаются и двухконечные скребки, иногда по форме приближающиеся к круглым (рис. 40, 20). Значительно меньше длинных скребков (рис. 39, 24, 25; 40, 26; 41, 17). Как правило, они толстые, с крутыми лезвиями, порой чуть тронутые ретушью по краям; в некоторых случаях — двухконечные (рис. 40, 25; 41, 18).

Число резцов в находках не достигает и половины количества скребков. Большинство их — клиновидные серединные (рис. 39, 21, 30, 31, 36; 40, 17, 22; 41, 11), иногда обработанные по краю ретушью так, чтобы удобнее было держать в руке. Часть резцов — боковые и угловые (рис. 39, 37, 38; 40, 23), рабочий угол которых образован при помощи скальвания и ретуши.

Нуклеусы — обычной свидерской палеолитической формы, с двумя скощенными площадками. Скошенность иногда бывает настолько велика, что поперечный разрез нуклеуса представляет собой почти треугольник.

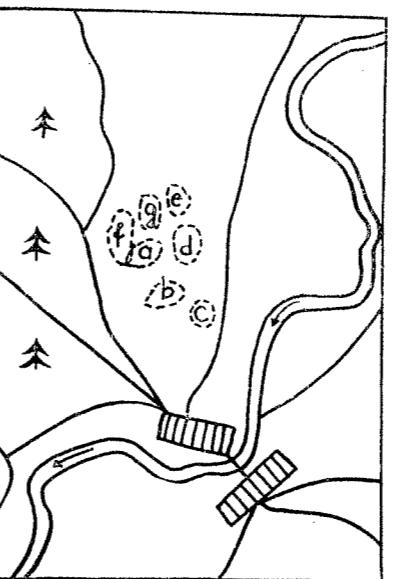

Рис. 38. Расположение стоянок Пувочай 1

леолитических скоплений совершенно одинаковы. Единственное исключение представляет скопление «F» начала бронзового века.

Наконечники стрел составляют в Пувочай почти треть находок (табл. III). Они разнообразны, однако в целом относятся к свидер-

Из других изделий достойны внимания пластины-ножи с ретушированными краями или только концом (рис. 40, 15, 16; 41, 8, 23, 28).

о количественном соотношении между отдельными видами изделий этого сказать нельзя. Своеобразие стоянки Пувочай заключается в

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Пувочай 1а	11	11	4	10	5	1	5	4	19	24	+	
Пувочай 1б	12	4	4	10	15		3	4	12	13	+	
Пувочай 1с	2	6		2	5		3	2	2	2	+	
Пувочай 1д	36	9	1	5	8	4	3	1	15	7	+	
Пувочай 1е	9		1	1	1	1	2	3	9	9	+	
Пувочай 1г	2	1			1			3	1	+		
Пувочай 1	8	1		1	1		3	1	1			
Эжяринас 1	2	5		3	3	1	15	8	9	5	+	
Эжяринас 4	2			2			2	1	4	6		
Эжяринас 14	5	3	1	2	5	2			2	7		
Митришкес 5с	5	3	1	3		1			7	1	+	
Маркосавас 3				3			9	5	2	7	+	
Ланкининкай	4	1			1	2		10	3	+		
Мяргляжярис 4	1		5			2		3	8	+	+	
Эйгуляй 1с	2		3		1		2	1	8	5		
Глинас 3	2	3	2					1				
Бартонишкес 1 5						5	5	26	23			

Основные типы изделий некоторых позднесвидерских стоянок Литвы. Наконечники стрел: без черешка (1), черешковые (2), острия (3). Скребки: короткие (4), продолговатые (5), длинные (6). Резцы: серединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластины (9) и отщепы (10). Нуклеусы: двухплощадочные (11), одноплощадочные (12).

Стоянка Пувочай несколько отличается от других палеолитических стоянок. Если количественное соотношение типов внутри одного какого-то вида изделий (например, соотношение числа коротких и длинных скребков), можно считать признаком определенной культуры, то

том, что люди жили здесь короткое время и почти не изготавливали орудий, о чем говорит мизерное количество отщепов.

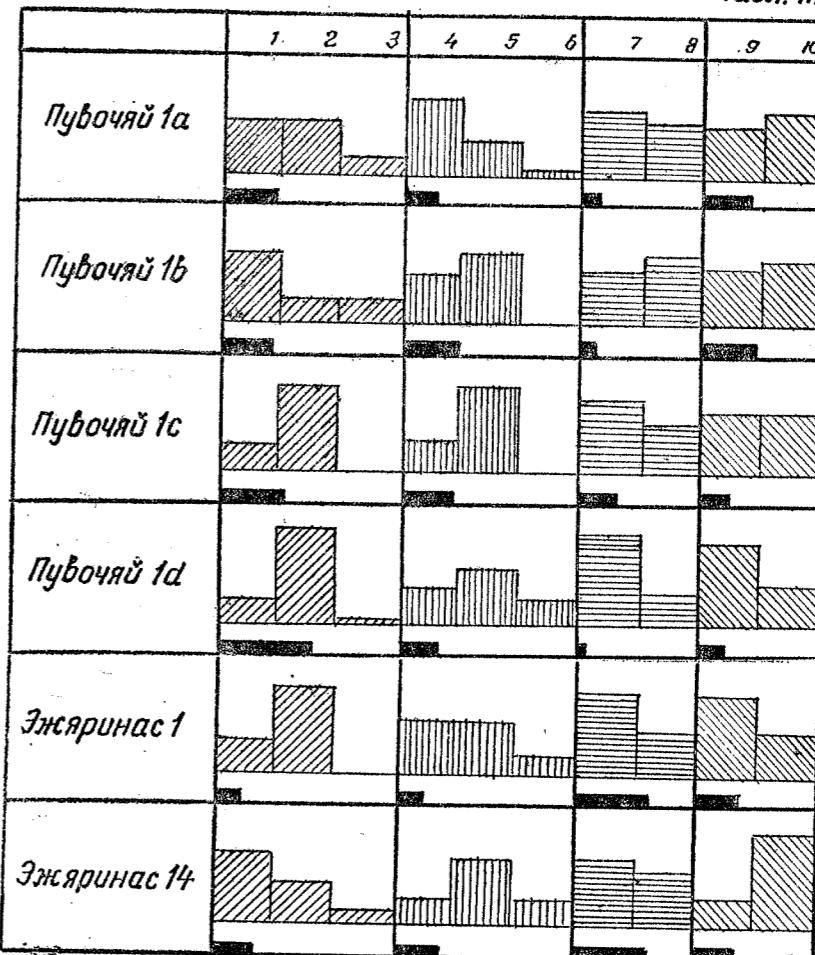
Свидерской культуре характерно такое скопление нескольких одновременных маленьких стоянок, как, например, в песках у села

Акмуо (Варенский р-н). Ситуация здесь во многом напоминает условия стоянки Пувочай. Скопление Акмуо тоже расположено на ровной площадке верхней террасы и в настоящее время находится очень далеко от воды.

брюшка. Кроме того, найден маленький свидерский наконечник, широко ретушированный с брюшком, и часть другого такого же наконечника с отломанным острием. Вместе с ними был обнаружен двухплощадочный нуклеус.

Табл. IIIа

Табл. IIIб

Количественное соотношение типов изделий внутри каждой группы находок (вертикальная диаграмма) и между отдельными группами находок (горизонтальная диаграмма) позднесвидерских стоянок Литвы

В этих песках люди, носители разных культур, останавливались неоднократно. Следы их остались в виде отдельных скоплений, разбросанных среди пустого пространства. Свидерское скопление находилось на самом краю песков со стороны деревни Акмуо. Обнаруженные здесь кремневые изделия и отщепы по своему виду соответствуют находкам стоянки Пувочай. Все изделия (рис. 42) не тронуты патиной. Изготовлены они из серого, хорошего, несколько зернистого кремня.

В скоплении обнаружено шесть начатых обработкой свидерских наконечников — пластины с заостренными концами, кое-где ретушированные по краям, иногда и со стороны

Кроме находок, лежавших в скоплении, в песках оказалось еще три свидерских наконечника: два с выделенными и слабо ретушированными с обратной стороны черешками и один с невыделенным черешком, ретушированный только по краю с лицевой стороны (вероятно, это остатки разрушенных стоянок).

Ко второй группе свидерских стоянок следует отнести и стоянку Эйгуляй 1с, отличающуюся от А, В, и Д как по топографии, так и по инвентарю (рис. 43).

Эйгуляй 1с находилась на третьей надпойменной террасе р. Нярис, выше более ранних стоянок (А, В и Д), занимая небольшую площадку. Культурный слой ее не сохранился,

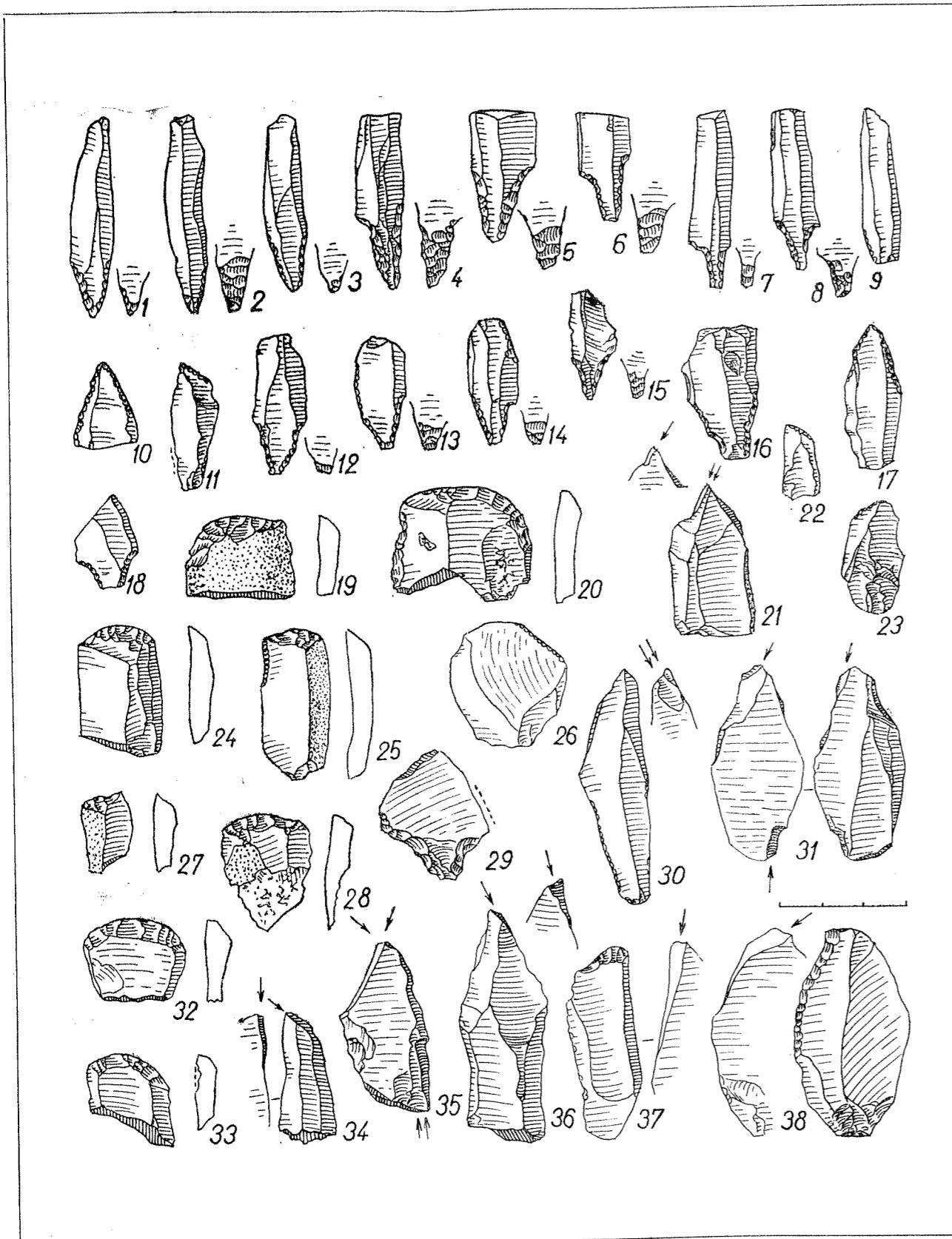

Рис. 39. Орудия стоянки Пувочай 1а

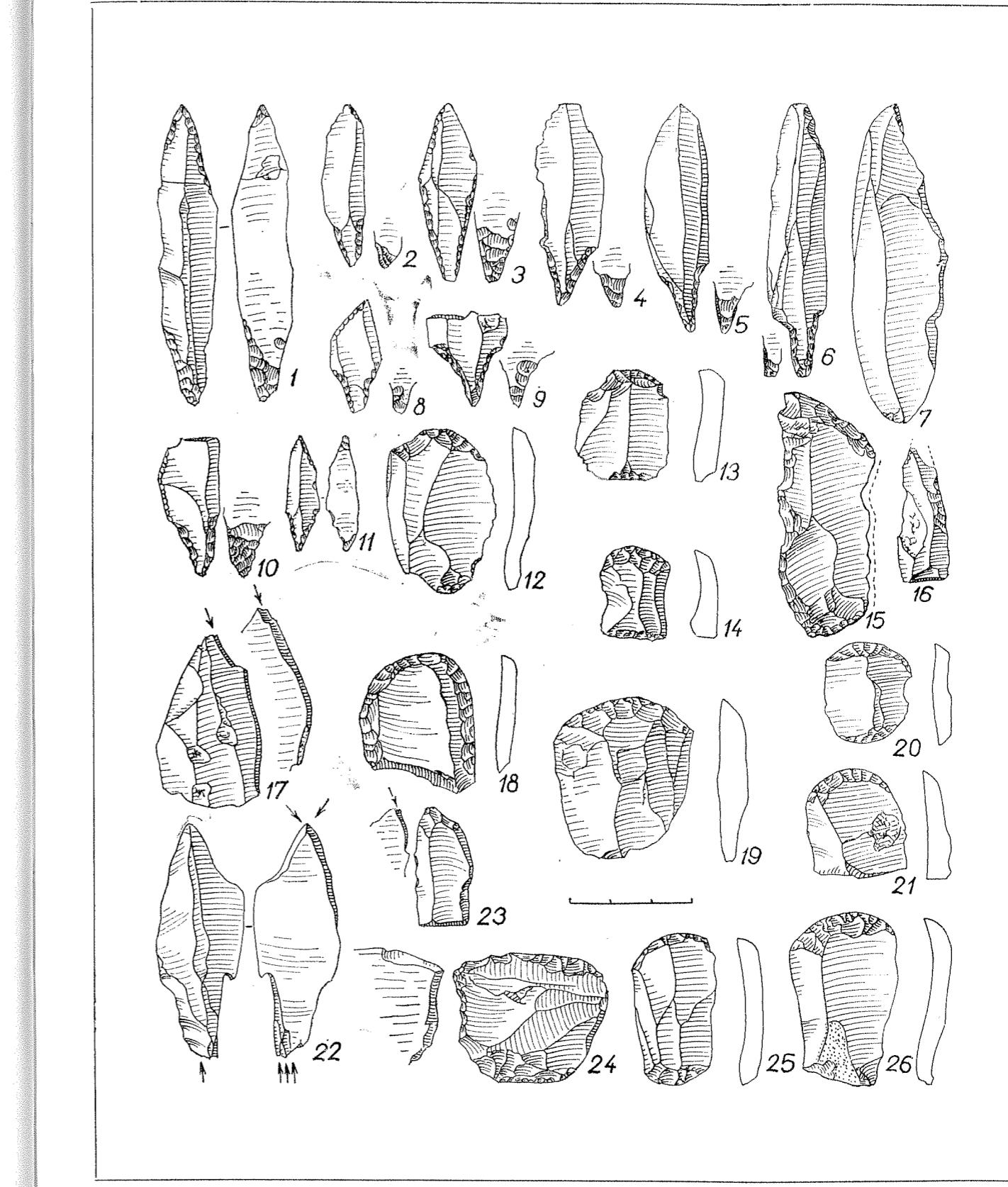

Рис. 40. Орудия стоянки Пувочай 1б

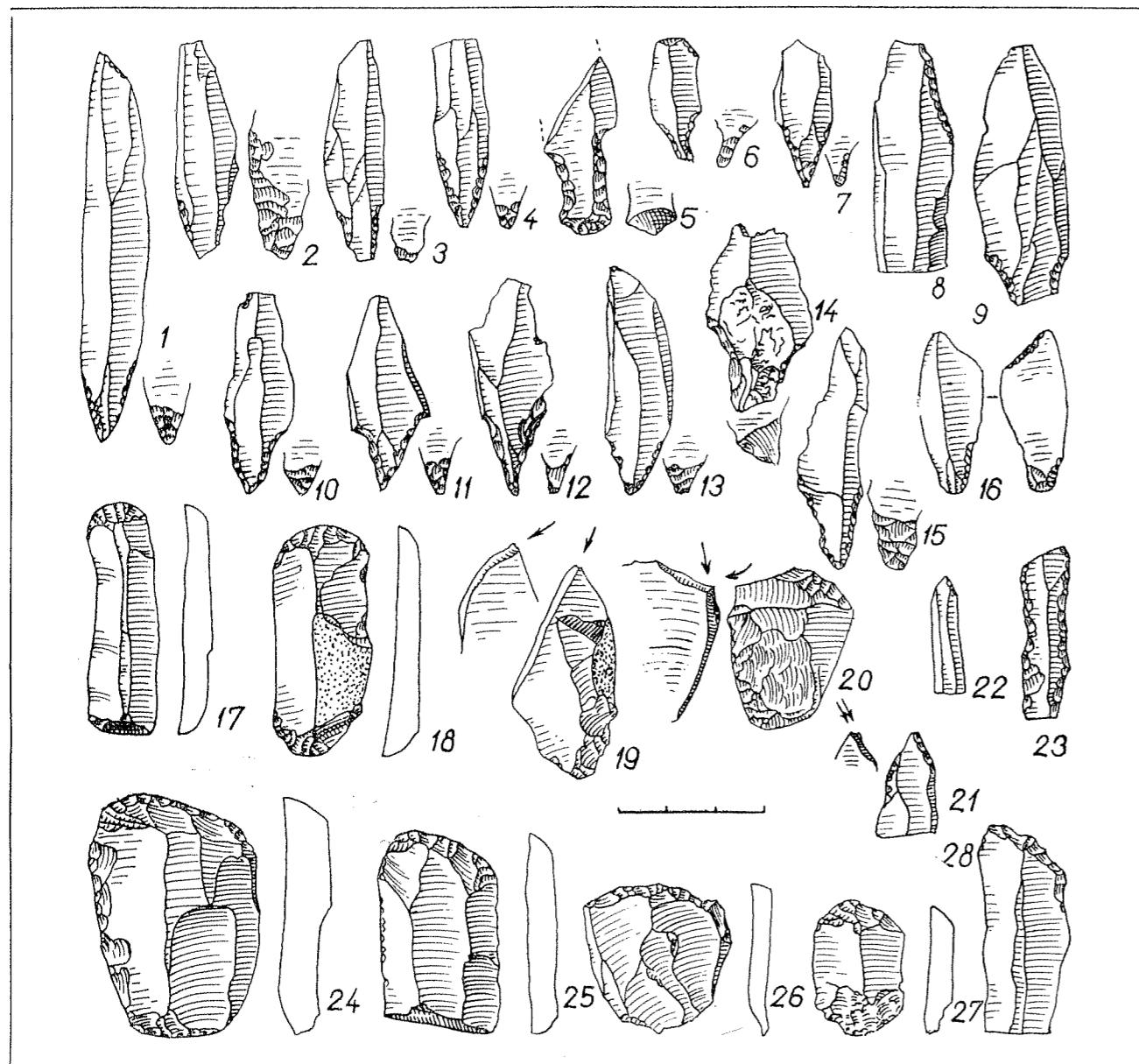

Рис. 41. Орудия стоянки Пувочай 1д

но в инвентаре не обнаружено никаких вещей, которые принадлежали бы другим культурам или эпохам. Во время обследования место расположения стоянки было покрыто слоем серого лесного песка, в котором и лежали все находки. Безусловно, Эйгуляй 1С во многом похожа на А, В и Д, но имеет своеобразные черты (которые могут служить основанием для некоторых сравнений): наконечники стрел обработаны более небрежно, чем в ранних стоянках; большое количество простых пластин, ретушированных кое-где по краям; немало различных специализированных изделий; все резцы имеют ретушированные вер-

шины; обнаружен лишь один скребок — короткий, широкий, довольно правильной формы, с крутыми лезвиями (рис. 44, 1—13).

На высоком берегу Немана, на третьей надпойменной террасе находилась позднепалеолитическая стоянка Ивонишкес (Пренайский р-н). Здесь найден наконечник свидерского типа, покрытый толстой голубой патиной, длинные ретушированные пластины, также с патиной, и несколько крупных изделий — скребок и топорообразные орудия, которые пока трудно точно отнести к какому-либо определенному периоду.

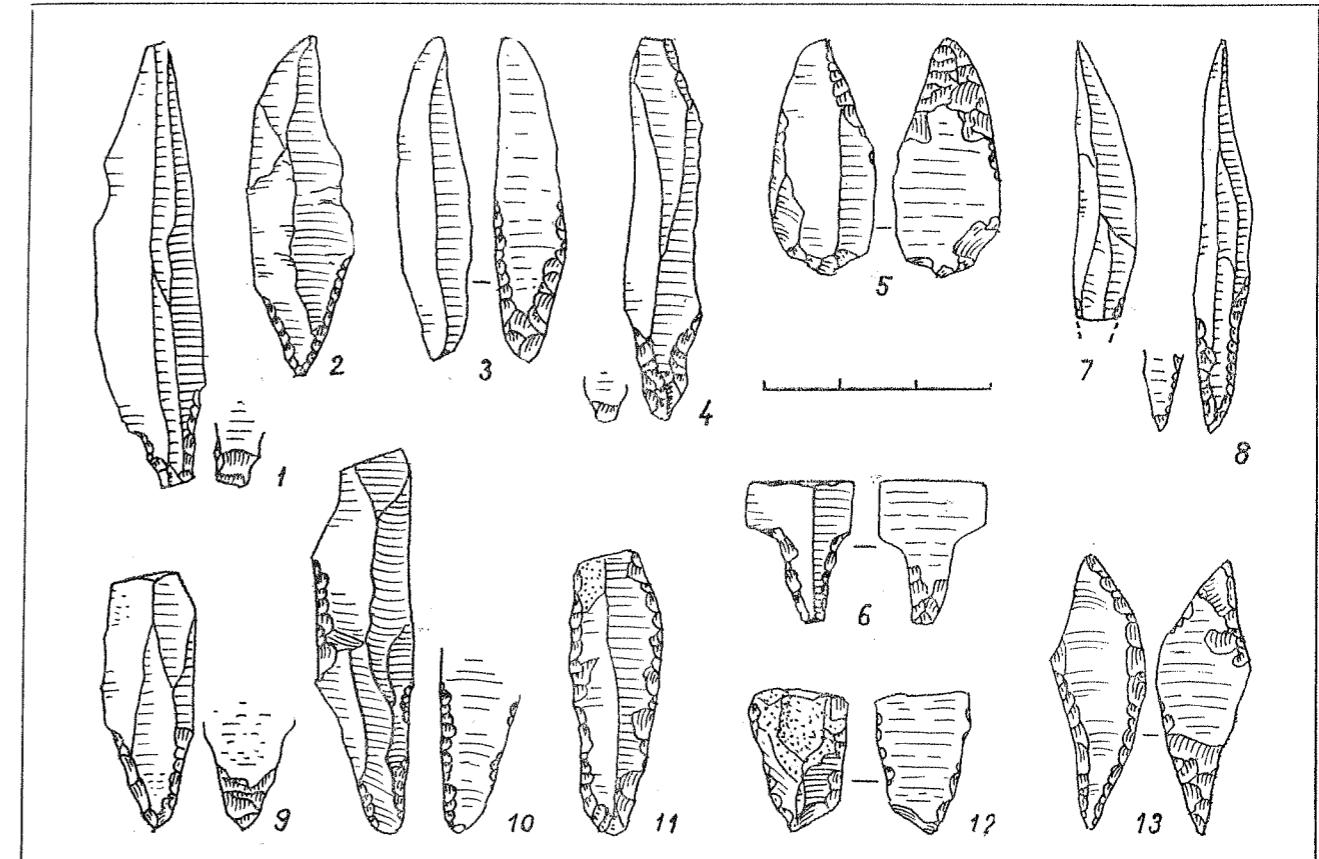

Рис. 42. Орудия стоянки Акму

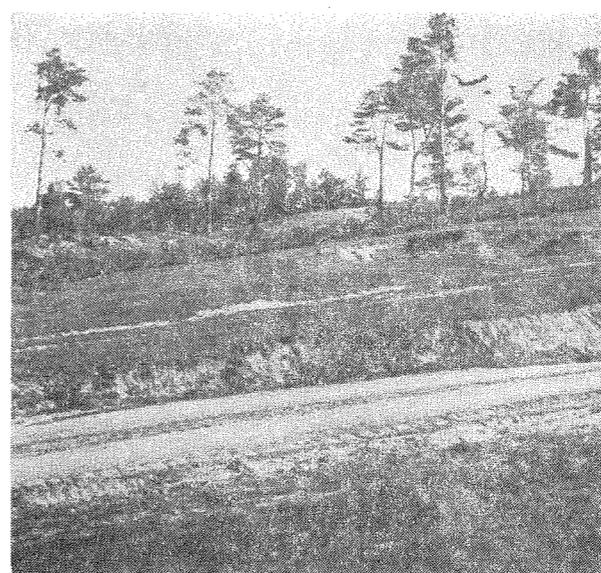

Рис. 43. Вид стоянки Эйгуляй 1С

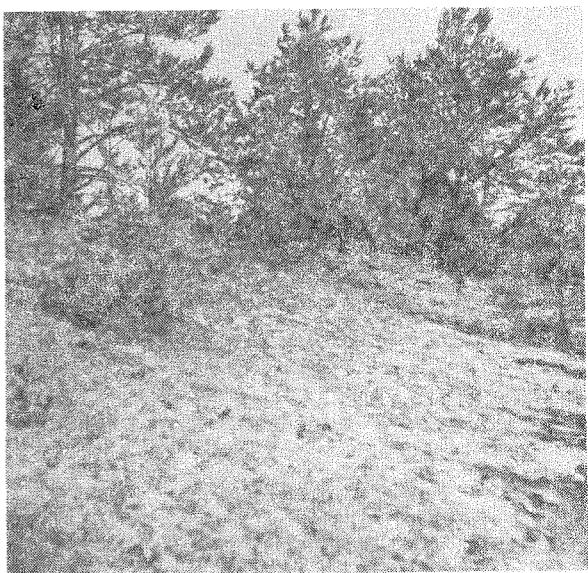

Рис. 45. Вид стоянки Эжяринас I

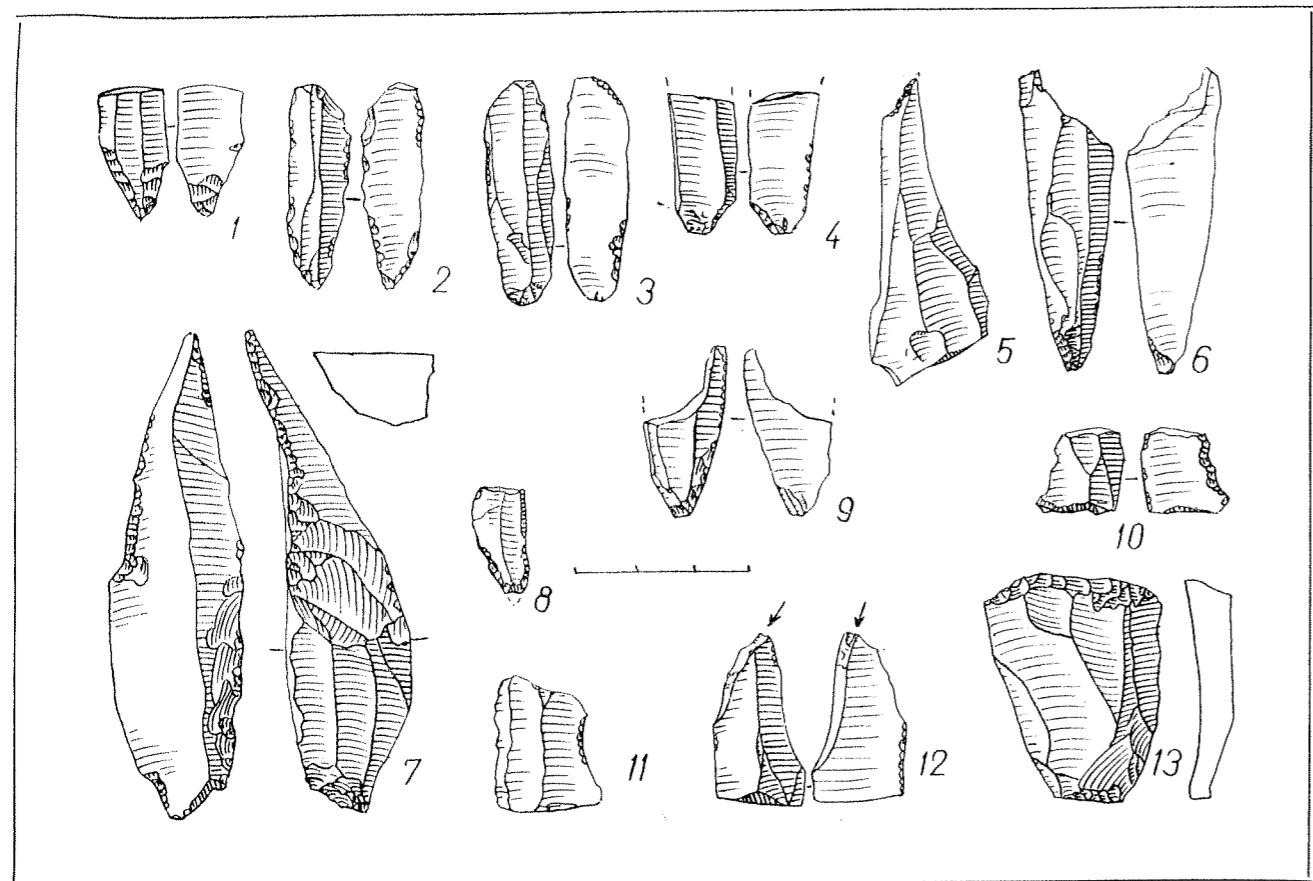

Рис. 44. Орудия стоянки Эйгуляй 1С

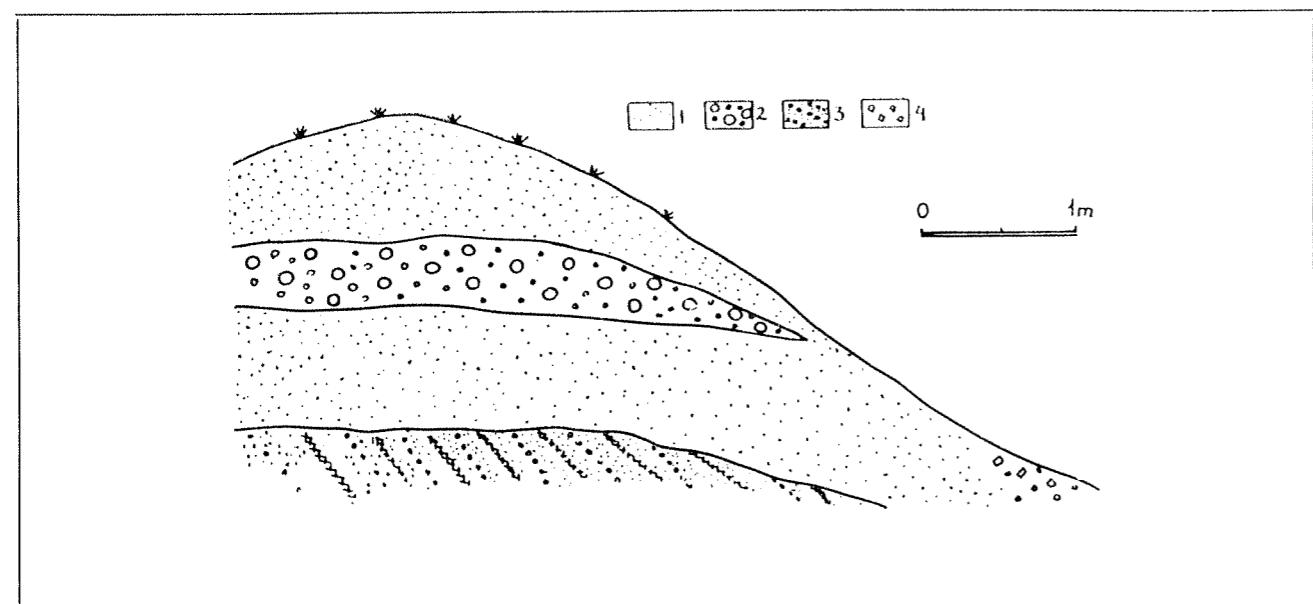

Рис. 46. Эжяринас. Разрез песчаного вала у стоянки № 1:
1 — мелкозернистый песок, 2 — гравий с конкрециями кремня, 3 — железистый косо-полосатый песок с гравием, 4 — кремневые находки стоянки.

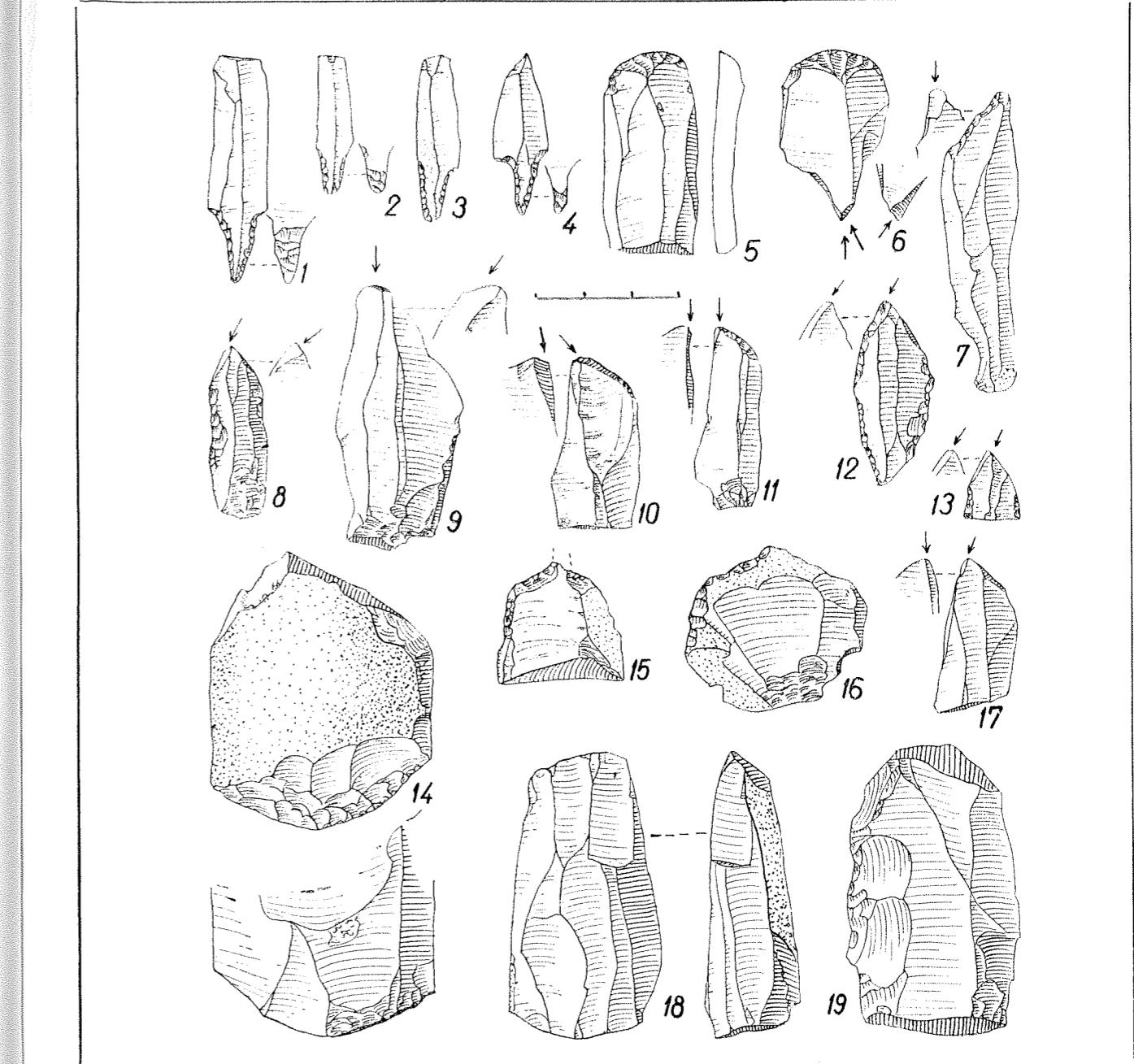

Рис. 47. Орудия стоянки Эжяринас 1

Примером небольших стоянок II группы могут служить три стоянки Эжяринас (Алитусский р-н), расположенные на третьей надпойменной террасе Немана (Jablonskytė-Rimantienė, 1966^a, стр. 87—109). Скопление Эжяринас 1 (рис. 45) обнаружено на довольно крутом склоне, возвышающемся на 18 метров над современным уровнем озера-болотца. Находки залегали в слое желтоватого песка толщиной в 15—20 см, рассеянные на площадке длиной 10 м и шириной 20 м, окаймленной с запада и севера песчано-галечным валом (рис. 46).

Почти все находки этого скопления покрыты белой патиной (рис. 47). Однако маленькие размеры наконечников и других изделий наталкивают на сравнение с аналогичными изделиями позднейших палеолитических стоянок. Скребки представлены двумя экземплярами. Обнаружен один скребок-резец. Резцов же сравнительно много — 20 штук. Все они очень сходны — клиновидные, серединные

или боковые, некоторые ретушированы. (Разумеется, делать статистические выводы на основе небольшого количества находок в данном случае невозможно.)

Как и в других стоянках Эжяринас, здесь обнаружены 4 топорика, ретушированные с одной стороны, а с другой только сколотые. После просмотра изделий в лупу (х8) убеждаешься, что они использовались именно как топорики. Характерным признаком существовавшей здесь мастерской являются 74 целых

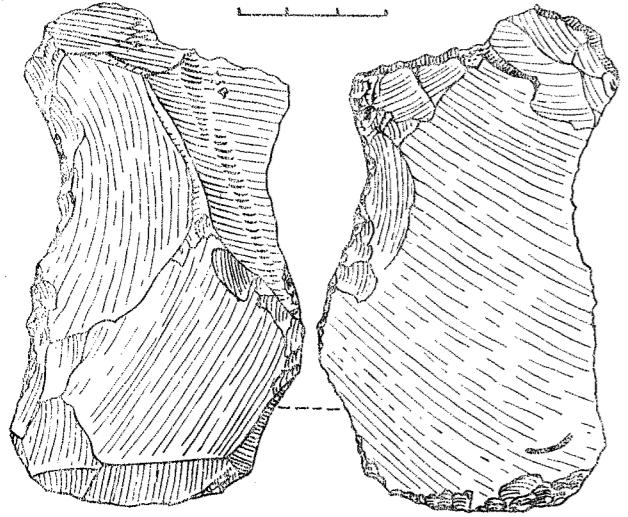

Рис. 48. Топорик с перехватом стоянки Эжяринас 4

нуклеуса и остатки еще 244-х. В большинстве они продолговатые, призматические, двухплощадные. Остальные — неправильные, одноплощадные. Некоторые нуклеусы ретушированы по бокам и использованы в качестве скребков. Найдены также крупные скребки, похожие на аналогичные изделия стоянок I группы.

Очень близки друг к другу находки скопления Эжяринас 4 и 14. В скоплении 4 наконечники стрел довольно позднего типа, хотя и имеют невыделенный черешок. Изготавливались они тут же на месте, о чем свидетельствует большое количество заготовок в виде длинных правильных, иногда ретушированных пластин. Число резцов и скребков почти одинаково. Скребки небольшие, продолговатые; один из них — двухконечный. Резцы клиновидные, сделаны при помощи резцовых сколов. Два из них серединные и один боковой. Нуклеусы и крупные изделия (рис. 48) очень близки к соответствующим находкам из первого скопления.

Наиболее ранним среди свидерских скоплений Эжяринас, по-видимому, было 14-е, поскольку на его инвентаре не заметно никаких следов влияния прибалтийского мадлена.

Это скопление находилось выше остальных. С двух сторон его окружали невысокие валы, в которых слой кремнистого гравия был покрыт песком, нанесенным ветром. Почти все находки (рис. 49, 50) лиценены патины. Наконечники стрел фрагментированные, небольшие, с невыделенными или незначительно выделенными черешками, ретушированные свидерской ретушью с оборотной стороны или по краям. Сохранилась только одна ретушированная вершина наконечника. Из 9 скребков 2 крупных, не очень правильных форм. Остальные — небольшие, продолговатые, правильные формы; иногда имеют по краям ретушь; один из скребков двойной. Резцов обнаружено вдвое больше (18 экз.). Среди них четыре крупных, один из которых изготовлен из нуклеуса. Резцы в большинстве изготовлены из довольно крупных пластин. Они — клиновидные, серединные или сформированы при помощи скола и ретуши рабочего угла. Особенна правильную форму имеют крупные изделия, значительная часть которых изготовлены из нуклеусов.

Нуклеусов здесь найдено 50 штук. В большинстве они продолговатые, двухплощадные; 8 имеют краевую ретушь и употреблялись, несомненно, в качестве скребков. Кроме того, обнаружено 9 больших скребков, изготовленных из крупных кусков кремня. Близки к ним и два крупных скребка-резца. Особенно интересен топорик с зауженными боками и веерообразным лезвием. Его довольно выпуклая поверхность покрыта коркой, боковые выемки ретушированы только с лицевой стороны. Лезвие с обеих сторон носит следы использования топора по его прямому назначению. По своей форме он близок к суженным топорикам других поздних свидерских стоянок, а также к суженным нуклеусам стоянок I группы, таких, например, как Эйгуляй 1 Д.

Большинство известных ныне стоянок II свидерской группы находится в окрестностях поселка Мяркине (Варенский р-н). Культурный слой здесь сохранился лишь в редких случаях, поскольку стоянки располагались на высоких песчаных берегах, подверженных выветриванию. Кроме того, эти места неоднократно заселялись и в более позднее время. Так, например, много находок этой группы обнаружено на холме Максимонис 1, на песчаной вершине третьей надпойменной террасы Немана. Там же находилось большое число изделий, относящихся к другим культурам и периодам каменного века. Такая же картина наблюдалась в стоянке Мяркине — на голом холме у берега Немана, отделенном от стоянки Максимонис речкой Страуя, — и в других местах.

Интересные свидерские стоянки II группы

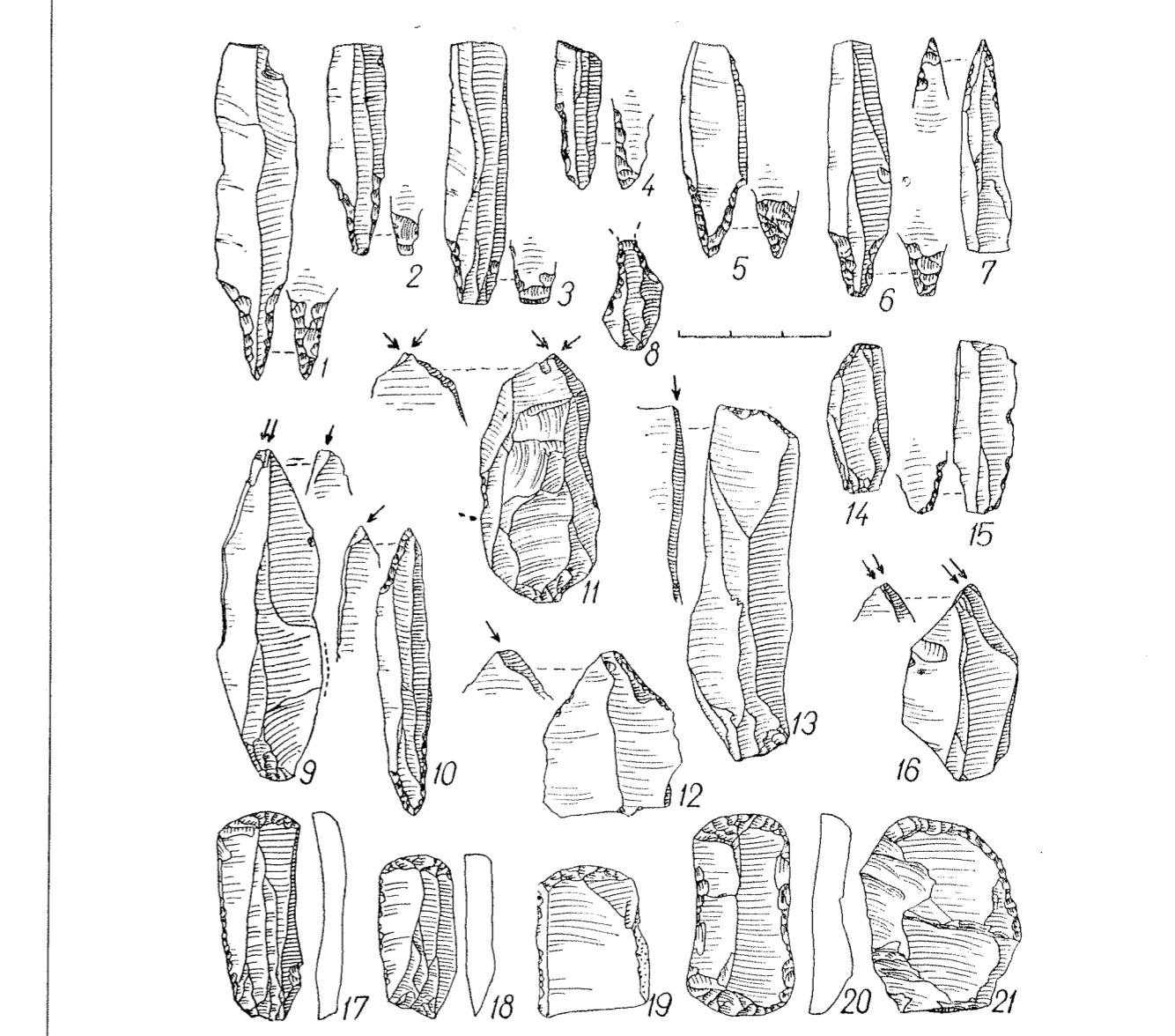

Рис. 49. Орудия стоянки Эжяринас 14

концентрировались на высоких берегах озера Глинас, неподалеку от Мяркине. На высоком западном берегу этого озера, у дороги в деревню Бингяляй, возвышаясь на 20 м над современным уровнем воды, расположена стоянка Глинас 1. Место это подвергалось сильному выветриванию. Находки встречаются на обширной площади. Среди палеолитических находок значительное место занимают свидерские наконечники стрел (рис. 51, 1—6). Большинство их изготовлено из тонких пластин и тщательно обработано. Один из наконечников (рис. 51, 1) очень напоминает более поздний (эпипалеолитический) наконечник, найденный в Памяркине (Варенский р-н) (рис. 86, 1). Характерные на-

конечники II периода — с очень острым концом и широкой серединой — встречаются и здесь. Помимо их, имеются также толстые наконечники грубой работы, указывающие на конец палеолита (рис. 51, 3, 5). Почти все скребки — маленькие, круглые. Только один скребок большой и широкий (рис. 51, 7—12), обработанный тщательно довольно плоской ретушью по низу оборотной стороны. Резцов найдено два (рис. 51, 13, 14). Из них только один можно с уверенностью отнести к палеолиту.

Нуклеусы стоянки Глинас 1 (целых там обнаружено 5 экземпляров) двухплощадные, в поперечном сечении представляют трапецию. Один, по-видимому, изготовлен из кремневой

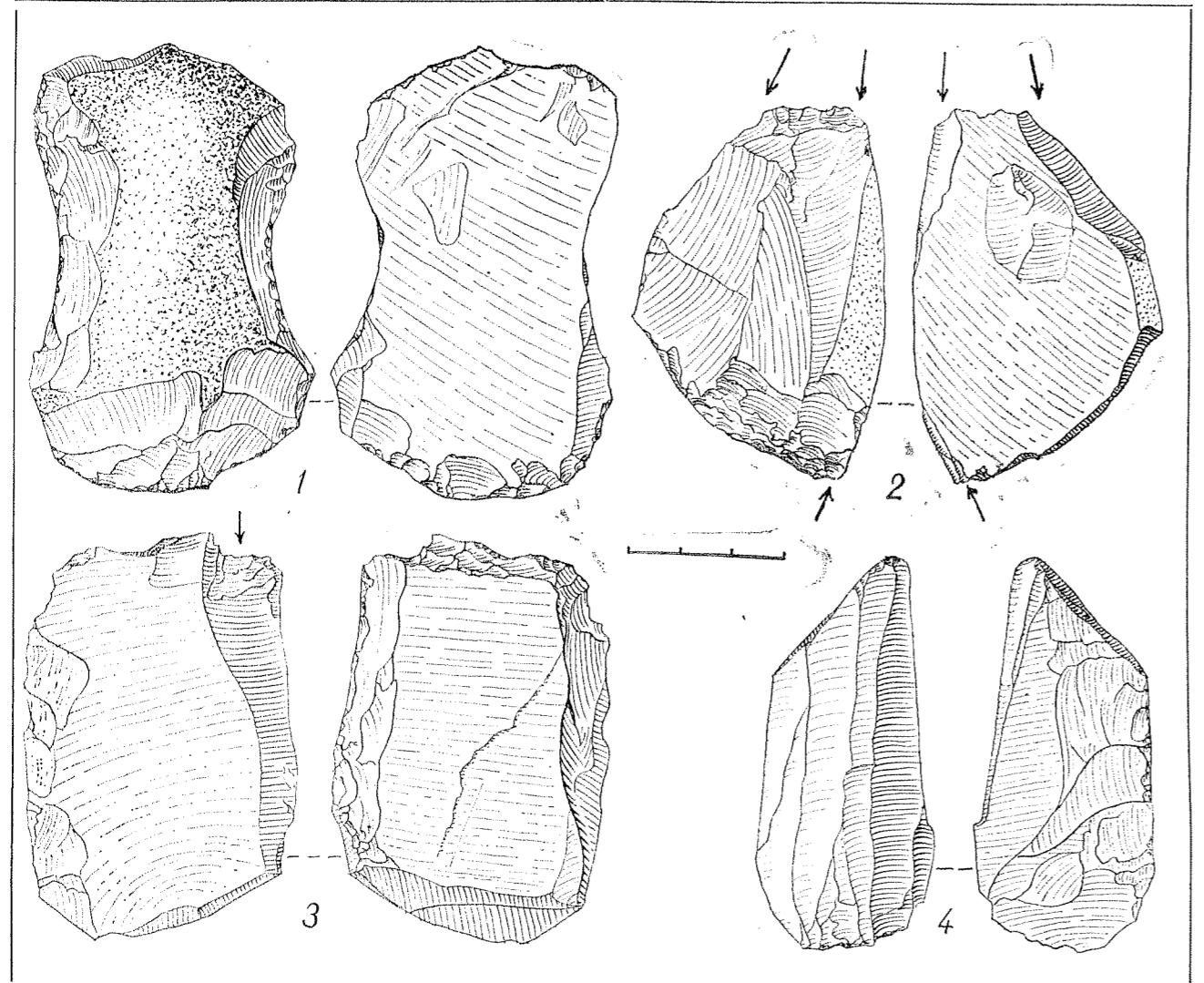

Рис. 50. Орудия стоянки Эжеринас 14

округлой конкреции с корой (рис. 51, 15), остальные спереди несколько сплющены. Наиболее интересен большой плоский нуклеус (рис. 52). Его основания скосены уже не одним ударом, а преднамеренно выровнены сколами. Такая форма нуклеуса является переходной к овальным топорикам, как это наблюдалось и в стоянках комплекса Эжеринас. Заслуживает упоминания также небольшая стоянка Глинас 3, находящаяся на расстоянии около 1 км от озера в лесу. Площадка ее невелика. Культурный слой здесь тоже подвергся выветриванию. Немногочисленные находки относятся к одному периоду. Это в большинстве — наконечники стрел (рис. 53, 1—9) с чуть выделенными черешками, ретушированными свидерской или краевой ретушью со спинки и с брюшка. Там же найдены два нетипичных наконечника, изготовленных из пластин. Сле-

дует упомянуть изделие (рис. 53, 3), очень напоминающее наконечник стрелы, однако служившее, вероятно, другим целям, так как его вершина толще, чем у наконечника, и представляет в поперечном сечении треугольник. Кроме того, на стоянке найден один боковой резец и довольно сильно сработанный отбойник (рис. 53, 8, 9).

Свидерская стоянка конца палеолита Мардосавас 3 (Варенский р-н) расположена на верхней террасе р. Мяркис, за деревней Мардосавас, в лесу у дороги в Пувочай. К сожалению, в ней не обнаружено ни одного наконечника, однако остальной инвентарь (рис. 54, 1—14) позволяет дать стоянке весьма определенную характеристику. Он содержит 11 серединных резцов, имеющих изредка ретушь у рабочего угла, один неправильный резец, небольшой скребок, тоже небольшое изделие,

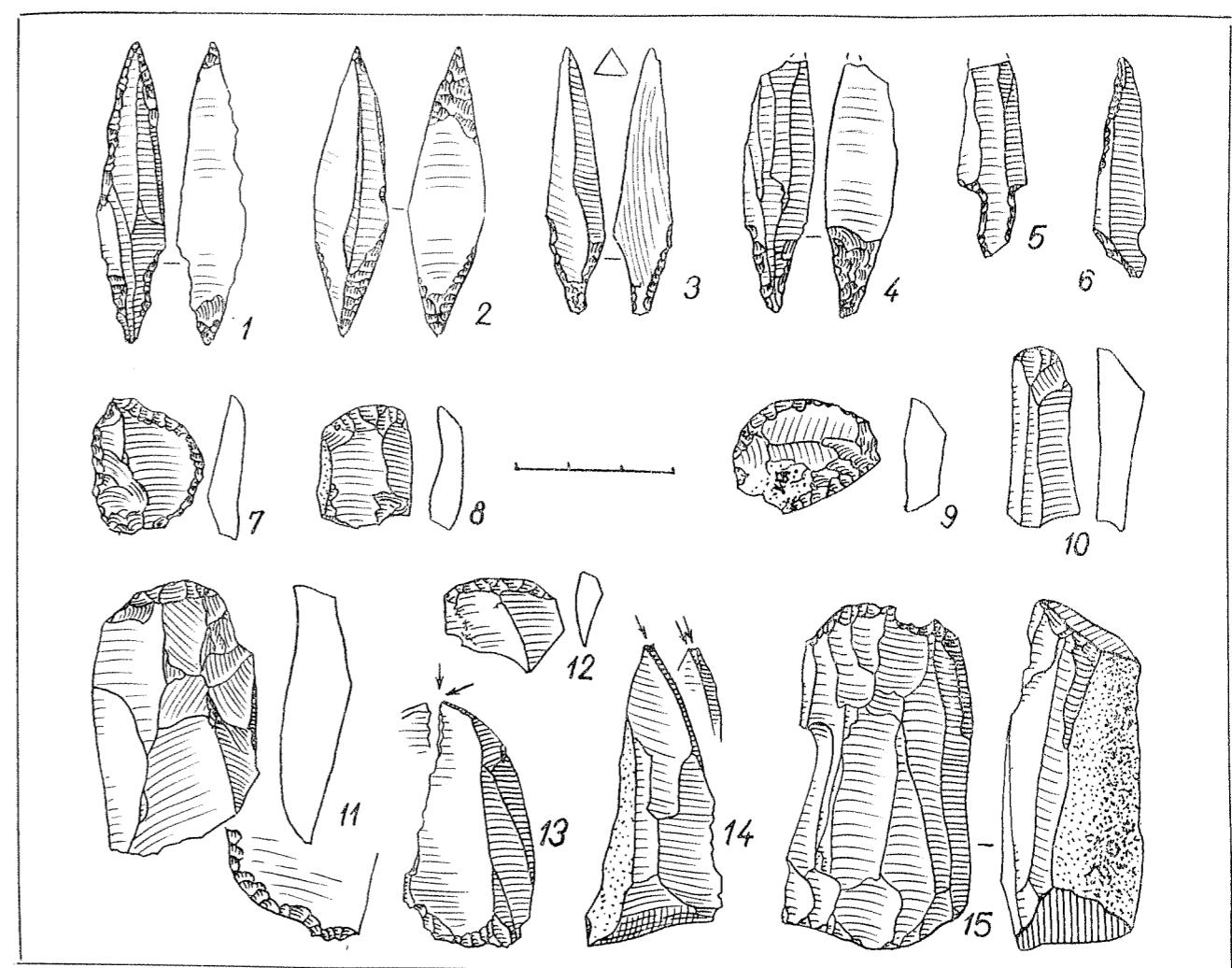

Рис. 51. Орудия стоянки у оз. Глинас 1

ретушированное кругом, плоский, довольно крупный двухплощадный нуклеус, а также ретушированные пластины и отщепы. Найдено

много резцовых сколов. Все это говорит о том, что здесь была мастерская резцов.

Ко II группе свидерских стоянок следует отнести и те, в которых единственным представителем данной культуры является своеобразный наконечник дротика, сопоставимый с находками таких стоянок II группы, как, например, Пувочай (рис. 40, 7; 41, 8, 9).

К стоянкам с наконечником дротика относится и Эжеринас 11 площадью около 10×8 м, расположенная на третьей надпойменной террасе. Почти все находки здесь покрыты толстой белой патиной. Найденный на стоянке наконечник дротика (рис. 55, 1) довольно широкий и крупный, ретушированный со спинки только у острия. Все другие изделия, обнаруженные в Эжеринасе 11, характерны для позднего прибалтийского мадлена.

Аналогичный наконечник дротика был найден на стоянке Глукас 3 (Варенский р-н), находившейся в лесу, к северу от ручейка,

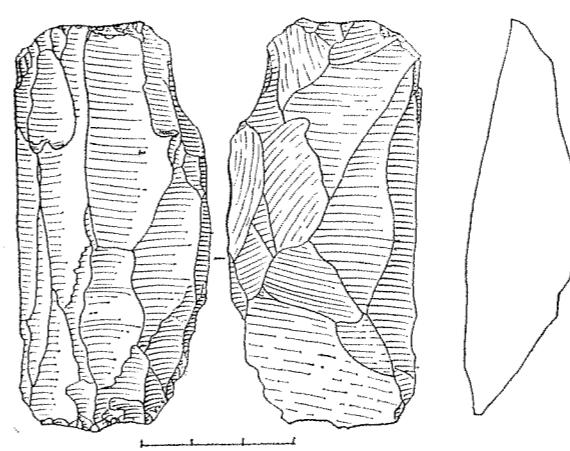

Рис. 52. Нуклеус стоянки у оз. Глинас 1

соединяющего озера Глукас и Варенис, на песчаном склоне. Здесь были обнаружены мелкие, плохо обработанные изделия позднего неолита и между ними — наконечник дротика, явно выделяющийся своей патиной и вертикальной ретушью. Его острия вершина очень слабо ретуширована, черешок плоский, по одному краю обработан с лицевой стороны, по другому — с обратной (рис. 56). Надо думать, что среди изделий неолита наконечник оказался потому, что на этом месте ранее находилась палеолитическая стоянка.

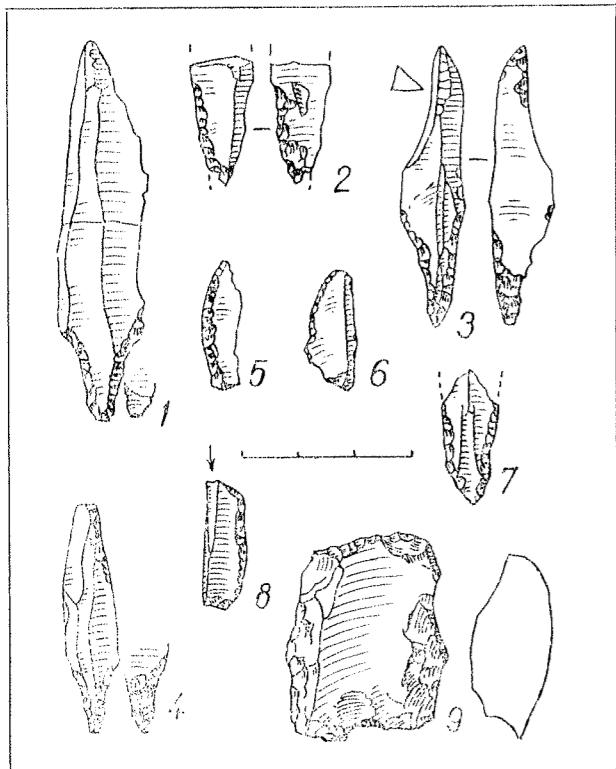

Рис. 53. Орудия стоянки у оз. Глинас 3

Перед тем как подвести итоги, следует и на этот раз сделать обзор материала старых коллекций, отражающих свидерскую культуру в Литве, и, в первую очередь, той части коллекции В. Шукевича, которая была собрана на реке Ула. В стоянках Рудня свидерские наконечники стрел второй группы обычно слабо покрыты патиной или лишены ее вовсе. Они значительно тоньше, ретушь на них мельче, однако среди них попадаются экземпляры и более грубой работы. В целом же большинство наконечников имеет более или менее выделенные острые и длинные черешки, характерные для изделий, уже выходящих за рамки палеолита.

Поздние свидерские скребки в стоянке Рудня весьма разнообразны. Среди них есть

очень крупные, длинные, но встречаются и совсем маленькие. Большинство скребков продолговатые, изготовлены из пластин.

Среди других находок надо упомянуть сверла и шилья, изготовленные из пластин. Те из них, которые сделаны из отщепов, иногда очень напоминают мадленские проколки; разница заключается лишь в том, что оборотная сторона наших изделий покрыта свидерской ретушью. Резцов, как и во всей коллекции Шукевича, в Рудне очень мало. Это несколько комбинированных орудий — скребки с резцами на другом конце.

Большинство изделий Рудни следует увязывать со стоянками II свидерской группы, имея, однако, в виду, что часть их могла относиться уже к мезолитическому (эпипалеолитическому) комплексу, а некоторые наконечники стрел — даже к стоянкам микролито-макролитической культуры.

Поздние свидерские изделия в коллекции Шукевича, имеющие паспорт Кашетос, так же, как и в Рудне, обычно лишены патины. Встречаются наконечники с невыделенным черешком, обработанные по краям и острию мелкой ретушью. Но значительная часть наконечников имеет выделенный узкий черешок и ретушированное острие. Судя по всему, наконечники этой группы (так же как и остальной инвентарь, сопровождающий их) очень близки к свидерским изделиям стоянок II группы, таких, как Пувочай. К этому комплексу относятся и многие мелкие скребки из Кашетос, а также резцы очень щадительной работы — клиновидные, серединные, сделанные из пластин. Скорее всего, к тому же комплексу относится и значительная часть ретушированных пластин.

В археологической литературе также упоминаются свидерские стоянки, известные по З. Глогеру (см. стр. 6).

На левом берегу Немана, у дер. Балташишке (Лаздийский р-н), на второй надпойменной террасе Глогер обнаружил ряд невысоких, подвергающихся выветриванию холмов, протянувшихся примерно на 0,5 км по течению реки. На этой территории, как пишет Глогер, были найдены следы первобытного поселения (Gloger, 1903, стр. 36). Не подлежит сомнению, что в разное время здесь существовали первобытные стоянки.

Часть находок из Балташишке известна нам лишь по рисункам (Gloger, 1903, стр. 37). Среди неолитических изделий здесь встречаются и свидерские наконечники с невыделенным или выделенным черешком. В некоторых из них отражено явное влияние прибалтийско-мадленской культуры. Разумеется, опираясь только на эти сведения, невозможно сказать, какое именно соотношение существовало между

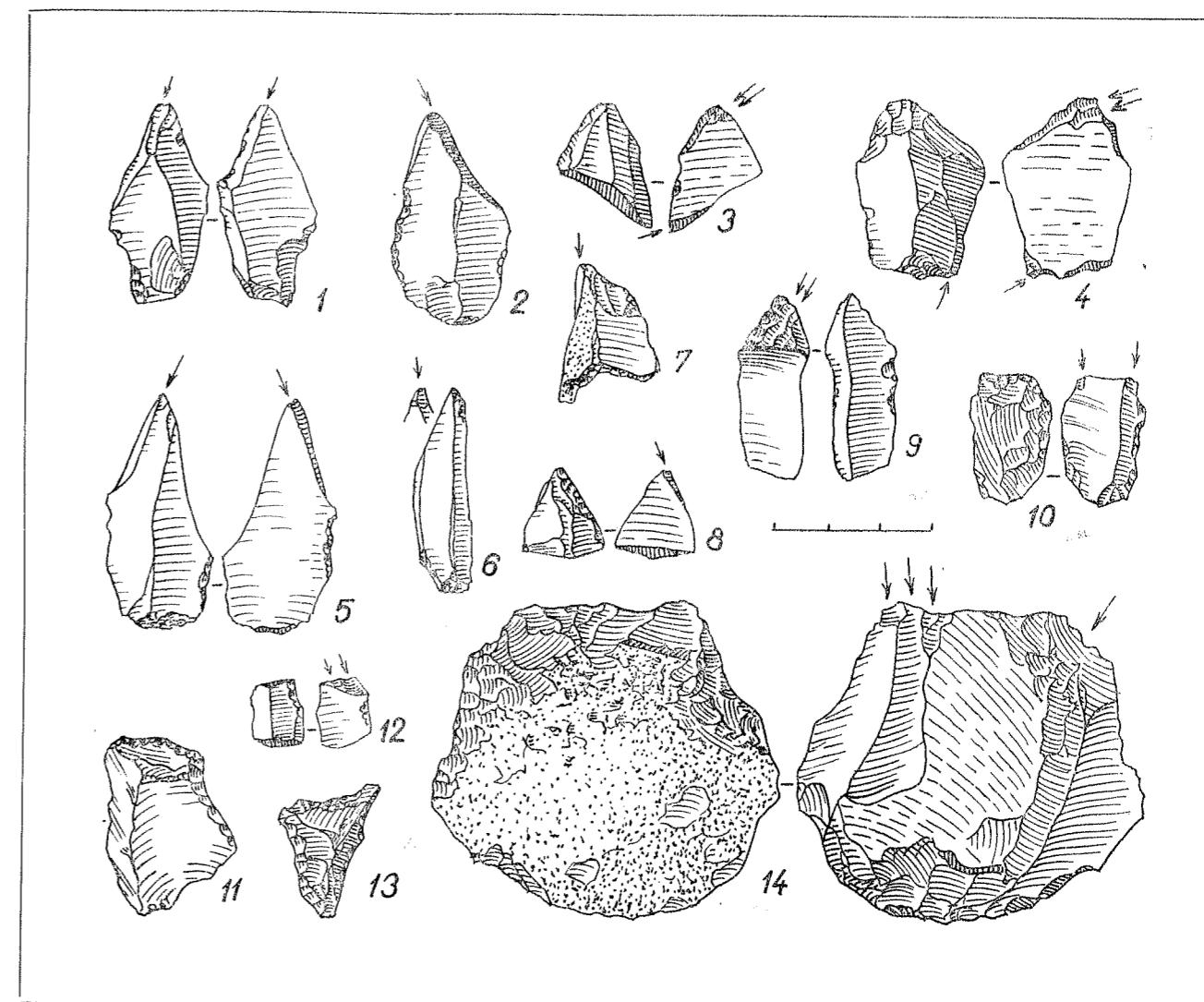

Рис. 54. Орудия стоянки Мардосавас 3

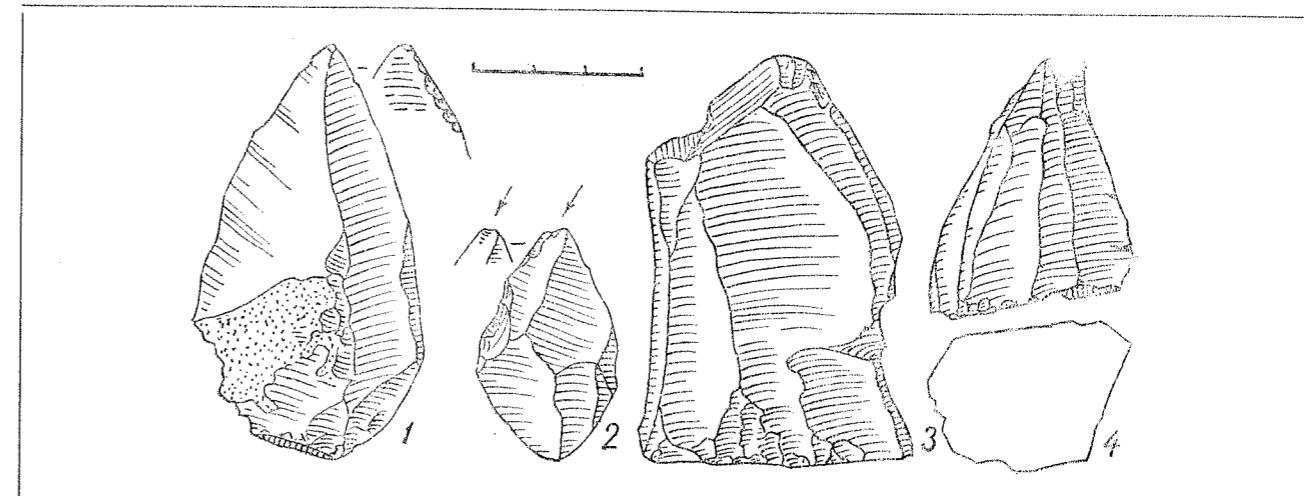

Рис. 55. Орудия стоянки Эжяринас 11

свидерскими и мадленскими элементами культуры в инвентаре отдельных стоянок. Можно заметить лишь, что в коллекции Глогера свидерские наконечники II группы дополняются продолговатыми, довольно широкими скребками.

Небольшое количество находок из Балташик через посредство Русского географического общества перешло из частного собрания М. В. Малахова в фонды Музея института

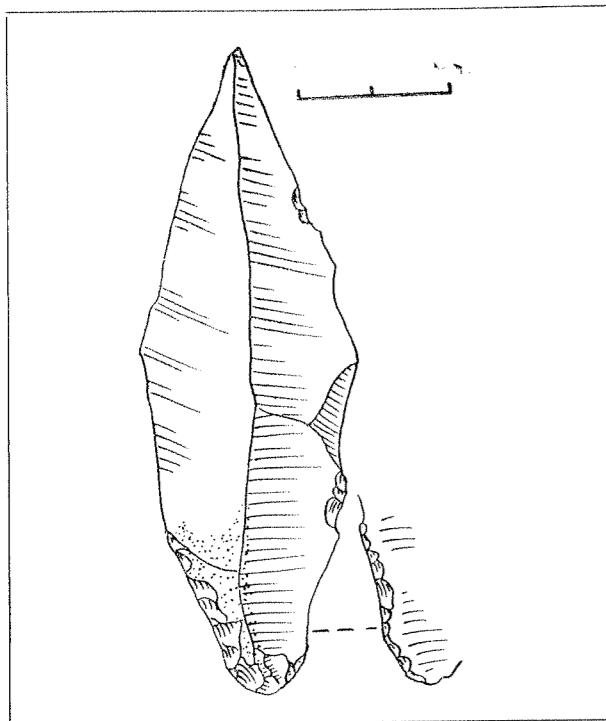

Рис. 56. Наконечник копья стоянки у оз. Глукас 1

антропологии и этнографии АН СССР г. Ленинграда (МАЭ). Среди них есть один резец, напоминающий аренсбургские наконечники. Свидерские наконечники имеют узкие острые черешки; скребки короткие. Кажется (особенно при сравнении с другими явно мезолитическими и неолитическими находками, поднятыми в Балташикке), что упомянутые выше изделия не выходят за рамки палеолита.

Примерно в 0,5 км от Балташикке, ниже по реке, З. Глогер нашел группу стоянок Гайлюнай (Лаздийский р-н) (Gloger, 1903, стр. 38), где в выветренных песках, так же как и в Балташикке, собрал значительное число кремневых изделий. Среди них, как видно из рисунков и описаний, были и свидерские наконечники стрел с черешками, и листовидные наконечники эпохи бронзы. Материалы, собранные Глогером, попали в музей Польши. Долгое время они наряду с коллекцией В. Шукевича использовались как основные предста-

вители поздней свидерской (плодской) культуры в Литве (например, Krukowski, 1939—1945, стр. 86).

3) Общие черты свидерских памятников Литвы с памятниками соседних территорий

В данном разделе мы рассмотрим, что общего имеют обе выделенные нами группы со свидерскими стоянками, находящимися на территории современной Польши и Белоруссии.

Наиболее близкие параллели для первой из наших групп мы находим в ранних мазовшанских свидерских комплексах (Свидры Вельке, Мариянки-Выглендув), хотя они не всегда совпадают с литовскими по времени. В наиболее ранних мазовшанских свидерских стоянках наконечники имеют совсем невыделенный или незначительно выделенный черешок (Sawicki, 1933, илл. X, XI; Krukowski, 1939—1945, стр. 83, илл. 23; Schild, 1964, стр. 372—373), без ретуши по краям и острию. Этим они напоминают наконечники стоянок Эйгуляй I. Однако из общего комплекса I группы не выпадают и некоторые наконечники, имеющие ретушь по всему краю. Такие же наконечники присутствуют и в комплексе Свидры Вельке I (Sawicki, 1933, илл. X:7, XI:5,6). Этому не противоречит и один наконечник из ясно выделенным черешком из стоянки Эйгуляй I B, так как в ранней группе мазовшанских стоянок, называемой Выглендовской (Krukowski, 1939—1945, стр. 84) или Засветской (Schild, 1960, стр. 44; 1964, стр. 374—375), тоже встречается небольшой процент наконечников с выделенным черешком.

Как мы уже говорили, основной формой скребков Свидры Вельке I являются узкие продолговатые (Krukowski, 1939—1945, стр. 83), такие же как и в ранних стоянках Литвы и Белоруссии. Однако следует отметить, что это отнюдь не единственная форма: уже в ранних мазовшанских свидерских стоянках встречаются короткие скребки, а среди них даже такие, у которых длина почти равна ширине (Sawicki, 1933, табл. XIV:10, 17, 20—23).

Резцы в стоянке Свидры Вельке I большей частью изготовлены из длинных пластин — боковые, изготовленные при помощи скола и ретуши; клиновидные серединные здесь попадаются редко (Krukowski, 1939—1945, стр. 83). Кроме того, встречаются довольно круглые и широкие резцы, например, крупный боковой резец (Sawicki, 1933, табл. XI:14), соответствующий резцу, найденному в стоянке Пиппляй. Резцы, обнаруженные в стоянках типа Эйгуляй, весьма разнообразны. Преобладают клиновидные, сделанные из коротких, толстых и довольно широких пластин. Вообще же резцы ранних стоянок на территории Литвы и Белоруссии близки к более развитым ранним

фазам свидерской культуры, представленным стоянками выглендовского и засветского типа, где найдено сравнительно большое число клиновидных серединных резцов, преимущественно широких, иногда многогранных (Krukowski, 1939—1945, стр. 84).

Других изделий, за исключением длинных, иногда заостренных и подвергнутых ретуши пластин, которые могли быть использованы как наконечники (Sawicki, 1933, табл. IX), стоянка Свидры Вельке I почти не знает. Однако обработанные пластины встречаются во всех

Таким образом, по своим основным чертам и соотношению типов изделий (табл. II^a и II^b) эта группа стоянок Литвы и Западной Белоруссии не выходит за рамки ранней свидерской культуры. Однако по некоторым признакам их следовало бы отнести к несколько более поздней, развитой ступени этой фазы. В пользу такого вывода говорит уменьшение размеров изделий, и в особенности наконечников стрел, появление наконечников с явно выделенным черешком (Эйгуляй 1 B, Свитязь),

Рис. 57. Пути распространения свидерской (1) и прибалтийско-мадленской (2) культур в конце палеолита

ранних свидерских стоянках Литвы и Белоруссии. А в стоянке Эйгуляй I B мы находим также широкую пластину с дугообразно ретушированной спинкой и более разнообразный набор изделий из пластинок, что сближает ее со стоянками выглендовского и засветского типа.

Крупные двухконечные нуклеусы ранних мазовшанских стоянок (Sawicki, 1933, табл. V и VI) ничем не отличаются от нуклеусов стоянок типа Эйгуляй I. Важной и характерной чертой мазовшанских нуклеусов является то, что они иногда применялись как мотыги или даже своеобразные топорики, для чего на них наносилась соответствующая ретушь. В одних случаях они бывали суженными по бокам (Sawicki, 1933, табл. VI:4), в других — с ретушированным сплющенным концом (Sawicki, 1933, VI:3). Нуклеусы тех же типов встречаются и во всех литовских свидерских стоянках I группы.

большее количество коротких, широких, а также серединных клиновидных резцов, разнообразие всего комплекса изделий.

Все это, как мы уже отметили, сближает стоянки Литвы и Западной Белоруссии, вероятнее всего, со стоянками выглендовского и засветского этапов.

Соотношение основных типов изделий I группы свидерских стоянок Литвы представлено в табл. II^a. Но иногда, как уже отмечалось выше, соотношение количества типов не указывает ни на хронологическую, ни на культурную группу, а лишь на специфические особенности данной стоянки. Поэтому во второй строке таблицы даны проценты по отдельным группам изделий.

В те годы, когда Л. Савицкий опубликовал монографию о стоянке Свидры Вельке I (Sawicki, 1933, стр. 1—23), в Польше было известно всего несколько стоянок этого типа, расположенных на сравнительно небольшой терри-

тории между горами Святого Креста на юге, Варшавой — на севере, в долине Вислы и ее притоков. Стоянки, которые бы относились к ранней группе, тогда не знали ни к северу, ни к западу, ни к востоку от этого района (Sawicki, 1933, стр. 20). Позднее С. Круковский (Krukowski, 1939—1945, стр. 89) подчеркивал, что стоянки первой группы известны только по материалам северо-польской низменности, т. е. южной Мазовии. Согласно С. Круковскому, в области балтийских морен подобных стоянок не обнаружено.

Таким образом создавалось мнение, что ранняя группа свидерских стоянок была связана с территорией, лежащей к югу от области обледенения. Отсюда делали вывод, что стоянки этой группы существовали в то время, когда территория, лежащая к северу от балтийских морен, была еще необитаемой.

Однако современное состояние археологических открытий требует пересмотра этой концепции. Кстати, пересмотр не противоречат и новейшие данные о хронологии ранней свидерской культуры.

Зону ранней свидерской культуры можно значительно расширить за счет северных и северо-восточных территорий. Что касается Литвы, то, судя по материалам, имеющимся на сегодня, ранняя свидерская культура пришла сюда с юго-запада (рис. 57), не захватывая при этом ни области Мазурских озер, ни литовского Занеманья. Распространялась она по Неману и его восточным притокам, достигнув слияния рек Неман и Нярис (Вилия), а также местностей, расположенных несколько ниже этого слияния. Дальше к западу, несомненно, в то время кочевали потомки мадленской культуры. На северо-востоке свидерская культура охватывала бассейн р. Мяркис.

Северо-западная Белоруссия пока что бедна находками, которые можно было бы отнести к I (ранней) группе свидерских культур. Крайним пунктом в этом направлении считается стоянка у озера Свитязь (Гурина, 1960, стр. 126—128, илл. 1; 1966, стр. 31, илл. 10).

Таким образом, ранняя группа свидерской культуры занимала на северо-востоке сравнительно небольшую компактную территорию, тесно связанную с Мазовией. Территория современной Литвы и Западной Белоруссии входила в ядро, в котором сформировалась свидерская культура.

Наряду с этим имеются данные о влиянии ранней свидерской культуры на местные памятники восточной Белоруссии. В таких стоянках, как Подлужье III, вместе с материалом местного происхождения появляются свидерские наконечники стрел и другие изделия (Будько, 1966, илл. I). Предлагалось даже выделить соответствующую группу стоянок в от-

дельную свидерско-гренскую культуру (Будько, там же).

Надо полагать, что в рассматриваемый период связей между населением Литвы, Западной Белоруссии и жителями Восточной Белоруссии (бассейн р. Сож) не было. Свидерское влияние проникало на восток, по-видимому, через Полесье.

Как уже указывалось, у нас нет прямых фактов, которые позволили бы точно датировать раннюю фазу свидерской культуры. Л. Савицкий, интерпретируя геологические данные, относил ее к периоду между Куяво-Мазурской и Померанской стадиями (Sawicki, 1936, стр. 38). С. Круковский связывал зарождение свидерской культуры с интерстадиалом Вюром II и Вюром III (Krukowski, 1939—1945, стр. 81). Однако более поздние исследования (Schild, 1960, стр. 7—64; 1964, стр. 363—382) показали, что первую ее стадию можно относить не ранее, чем к аллерёду или концу среднего дриаса¹.

Как показывают литовские геоморфологические данные и наблюдения за морфологией комплекса находок, представители ранней свидерской культуры (I группы) должны были начать заселение территории Литвы именно в конце аллерёда.

В позднем дриасе носители свидерской культуры расселились уже на широком пространстве. Ко времени прихода в Литву представителей II группы, здесь уже жили потомки носителей культуры I группы, инвентарь которых имел многие черты, более близкие к первой группе, чем ко второй. Следовательно, часть литовских свидерских стоянок, которые по характеру изделий можно было бы отнести к I группе, существовала позже, отражая местное развитие культуры, примером чего является стоянка Скаруляй 1.

Распространение II свидерской культурной группы, по-видимому, следует считать второй культурной волной на территории современной Литвы. Кстати, она была намного интенсивнее, чем первая. Кое-где ее можно увязать с передвижением населения, в других случаях это лишь культурное влияние, привносимое иногда

¹ Свидерские стоянки до сих пор встречались лишь на речных террасах и дюнах, что затрудняет их точную датировку. Однако в распоряжении археологов имеются косвенные данные, при помощи которых удается увязать свидерскую культуру с датами, полученными методом радиоуглеродного анализа (Chmielewska, Chmielewski, 1960) и стратиграфией пещер (Векилова, 1961). Для датировки большое значение имеет также сравнение развития свидерской и других культур.

По системе Р. Шильда (Schild, 1960; 1964²) можно выделить три основных типологически-хронологических группы: 1) раннюю, совпадающую с первой половиной аллерёда; 2) среднюю — с серединой аллерёда до начала позднего дриаса; 3) позднюю — поздний дриас. Все эти три стадии вмещаются в промежуток между 9950—8000 гг. до н. э.

через посредников и проявляющееся в виде некоторых новых элементов в старых культурных комплексах.

Представители II свидерской группы расходились различными путями и образовывали культурные центры, сохранявшиеся во многих местах вплоть до мезолита. В Литву они могли проникнуть по Западному Бугу, Нареву, Неману. Вторая свидерская группа, как и первая, занимала юго-восточную часть Литвы, а в Белоруссии — верховья Немана (Исаенко, 1966, стр. 23).

К юго-западу от Литвы свидерские стоянки II группы концентрируются в области Мазурских конечных морен у г. Элк (Gaerte, 1933, стр. 239; Engel, 1935, стр. 137—138, карта IV). На их палеолитический характер указывают не только форма некоторых изделий, но и обстоятельства, при которых они найдены. Стоянки находятся на так называемых континентальных дюнах, неподалеку от больших озер, многие из которых ныне успели превратиться в торфяники (Engel, 1935, стр. 137, илл. 29, 28A, B, C).

Второй путь шел в Полесье с юго-запада, достигая Припяти, верховьев Днепра, восточной границы Белоруссии (Исаенко, 1966, стр. 23; Polikarpowitsch, 1935, 75, илл. III). Здесь мы также находим стоянки, характерные для позднего палеолита: Пульм, Орехово, Нобель, Ополь. Почти все они, как и в Литве, расположены на возвышенностях, и по ассортименту и форме изделий близки к литовским стоянкам II группы. Например, находки стоянки Нобель (Исаенко, 1966, стр. 44—45, илл. 8) многим напоминают находки Пувочай, а ее топорики близки к топорикам свидерских стоянок Эжяринас.

Однако рядом с чисто свидерскими стоянками II группы мы знаем и стоянки с явно аренсбургскими чертами, привнесенными из таких стоянок Польского Полесья, как Станковиче I—V, Ополь или Береза (Исаенко, 1966, илл. II).

Значительное число типичных стоянок II свидерской группы (поздних) обнаружено в бассейне р. Сож (Поликарпович, 1957^a, стр. 5—29; 1957^b, стр. 44—148). Они сходны со свидерскими стоянками северной Украины — Смячка 14 у Новгорода-Северского (Рудинский, 1928, стр. 84—91, илл. V—IX). Как уже упоминалось, эту территорию связывал с основной областью распространения поздней свидерской (плудской) культуры путь, ведший по Припяти. Это видно по находкам Полесья (Кухаренко, 1962, стр. 8, илл. I: 1—6, 14, 16, 17), которые очень близки к польским и литовским.

Для полноты картины надо упомянуть и третий путь — на северо-запад, по которому в

конце палеолита распространялась свидерская культура. Люди, шедшие этим путем, начали его, видимо, от возвышеностей Малой Польши или южной Мазовии, так как наряду с местным, балтийским кремнем употребляли кремень шоколадного цвета из окрестностей Лисогур (Kostrzewski, 1955, стр. 15—16). Путь их вел из средней Польши вниз по Висле, где в результате образовалась Великопольская культурная группа. От Литвы ее отделяло обширное пространство без следов свидерской культуры, заселенное, по-видимому, носителями поздних мадленских прибалтийских культур (Engel, 1935, стр. 143, карта IV). Свидерские поселенцы нашли на балтийском побережье, вероятно, издавна живших здесь носителей мадленских культур. Вот почему чисто свидерские стоянки встречаются здесь редко. Преобладает же смешанная культура (см. стр. 83), характеризуемая нами как III группа свидерской культуры.

К основным чертам II (плудской) группы Л. Савицкий относит (Sawicki, 1933, стр. 19—20, илл. 23—24), во-первых, употребление разных сортов кремня (что, собственно, характерно только для территории Польши, и то не всей); во-вторых, численное преобладание конечников с выделенным черешком; в-третьих, появление заостренных пластин с ретушированной спинкой; в-четвертых, постепенное сокращение числа боковых резцов и увеличение количества клиновидных и с выгнутым плоским концом; в-пятых, изменение формы скребков (они становятся короче, приближаясь к азильским типам).

В последнее время Р. Шильд пытался использовать азильские элементы для уточнения датировки свидерских стоянок. Он пришел к выводу, что нижняя плудская культура, в том виде, в каком она встречается, например, в стоянке Смячка 14 (на севере Украины), где тарновских (т. е. азильских) элементов еще немного, могла относиться к середине аллерёда, а верхняя плудская, судя по количеству азильских элементов, по крайней мере, — к границе аллерёда и позднего дриаса. Однако по Шильду, основной период существования плудской культуры совпадал с поздним дриасом (Schild, 1960, стр. 41—42). Такие же данные можно получить, изучая соотношение плудских и аренсбургских элементов.

Соотношение числа основных типов изделий отражено в табл. III^a и III^b таким же образом, как и в табл. II^a и II^b. При сравнении этих таблиц видна разница между обеими группами, хотя всех различий, таких, как значительное уменьшение размеров изделий и появление некоторых новых форм, таблица, естественно, отразить не в состоянии.

В свое время, опираясь на геоморфологические данные, Л. Савицкий отнес II группу свидерской культуры к иольдиевому периоду, который считал концом палеолита в Польше. По Савицкому, II группа была синхронна началу культуры Люнгбю в конце французского мадлена (Sawicki, 1933, табл. IV). К иольдиевому периоду (пребореалю) обычно относили и литовские находки свидерской культуры II. Господствовало мнение, что свидерская культура в Литве была мезолитической (Antoniiewicz, WI., 1935, стр. 34).

Данных для геоморфологического определения возраста и хронологии II (плудской) группы было очень мало. В стоянке Свидры Вельке находки II группы лежали там же, где и находки I группы — под нижним слоем ископаемой почвы, в верхней части песка древних дюн. Кроме того, они встречались и несколько выше по склону, отдельно от других находок, что давало возможность уверенно выделить весь их комплекс (Sawicki, 1933, илл. I).

С. Круковский пытался установить хронологию плудской культуры по стоянкам, наиболее удаленным к северу, и выдвигал предположение, что ее можно отнести к аллэрёду или к трансгрессии Вюрма III (Krukowski, 1939—1945, стр. 88).

Косвенные данные, полученные в последнее время радиоуглеродным методом, помогают уточнить хронологию плудской культуры. Найдки в дюне Витув, относящиеся к этой культуре, лежали в 6-ом слое, над так называемым витовским комплексом (5-й слой), радиокарбонный возраст которого 10815 ± 160 лет (т. е. 8055 ± 160 лет до н. э.) (Chmielewska, Chmielewski, 1960, стр. 133—141). Отсюда плудский комплекс витовской стоянки мог относиться к самому концу позднего дриаса или даже к пребореалю.

Кстати, комплекс упомянутой стоянки выглядит очень поздним. Наконечники стрел маленькие, с выделенными черешками, однако имеются и довольно широкие, с выемкой. Все они со стороны спинки покрыты свидерской ретушью. Резцы очень разнообразные. Скребки мелкие, короткие и широкие (Chmielewska, Chmielewski, 1960, илл. 3:17—33; Chmielewska, 1962, илл. 3:1—14).

Таким образом, взяв за основу приведенные данные и дополнив их топографией и стратиграфией литовских стоянок II свидерской группы, мы можем предположить, что ранней датой появления II группы в Литве (а также и во всей северной области ее распространения) допустимо считать границу аллэрёда и позднего дриаса; основным же временем ее существования здесь был поздний дриас.

Свидерская культура в самых различных вариантах встречается в Литве также в раннем мезолите, а некоторые ее отголоски — в течение всего мезолита.

В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАДЛЕНСКОЙ И СВИДЕРСКОЙ КУЛЬТУР

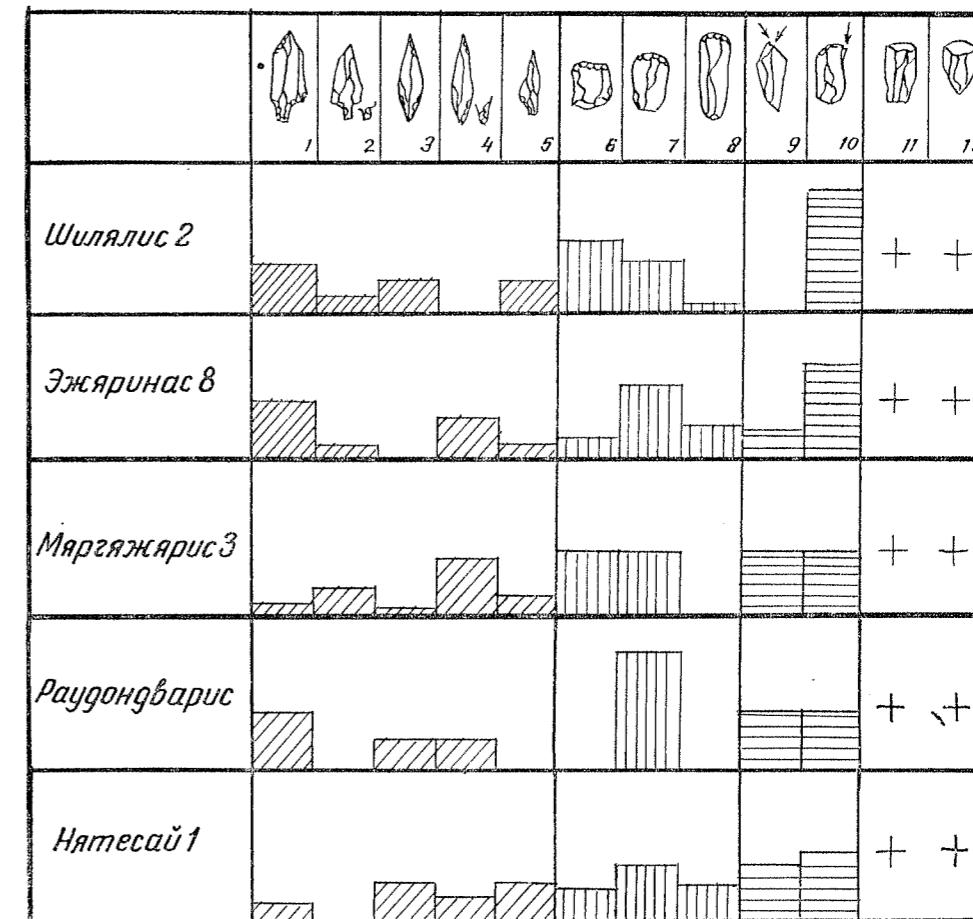
Какова же в Литве степень воздействия свидерской культуры на мадленскую или наоборот? Ответить на этот вопрос с помощью статистических методов пока, к сожалению, невозможно (табл. IV). Приходится оперировать материалом небольших стоянок, а отсюда количественные данные о характере находок не могут считаться опорными. Принадлежность стоянок к мадленским, подвергнувшимся влиянию свидерской культуры, или наоборот, устанавливается с учетом совокупности всех обстоятельств.

Определяя критерий, по которому мы устанавливаем влияние той или иной культуры, надо отметить, что свидерская приносит с собой прежде всего технические новшества, а мадленская — новые формы изделий. Уже поэтому трудно определить силу свидерских влияний простым подсчетом свидерских изделий.

В первых своих фазах влияние свидерской культуры было весьма ограниченным. Она принесла скол длинных пластин с призматического двухплощадного нуклеуса и ретуширование некоторых изделий свидерской ретушью с оборотной стороны. На более поздних стоянках комплекс находок дополняется некоторыми свидерскими типами изделий — продолговатыми скребками и топориками с перехватом.

Влияние мадленской культуры сказалось на изменении формы наконечников стрел: они укорачиваются, становятся шире, выделяется черешок. В самых ранних стоянках, которые мы относим к свидерским, испытавшим мадленское влияние, встречаются лишь единичные наконечники — широкие, иногда с выемкой, ретушированные по краям.

Судя по топографическому расположению стоянок, можно заметить, что свидерская культура стала оказывать влияние на мадленскую раньше, чем мадленская на свидерскую. Уже на второй надпойменной террасе мы открываем мадленские стоянки, носящие признаки свидерских влияний, — обстоятельство, характерное для конца аллэрёда, — а затем и на третьей террасе — явление, типичное для позднего дриаса. Свидерские же стоянки, подвергнувшиеся влиянию мадлена, встречаются только на третьей надпойменной террасе, при обстоятельствах, соответствующих позднему дриасу. Эту разницу во времени отчасти отражают и статистические данные о соотношении типов изделий (табл. IV).

Количественное соотношение между основными типами изделий некоторых мадленских комплексов с элементами свидерской культуры и свидерских комплексов с элементами мадленской культуры

1) Мадленские стоянки с элементами свидерской культуры

Среди стоянок, в которых инвентарь является чисто мадленским, а свидерские влияния отражаются на нем еще весьма незначительно, следует упомянуть Кашетос 16 — на краю склона верхней террасы правого берега р. Ула, в небольших песках слева от дороги Кашетос — Варена. Скопление невелико — стоянка существовала в один короткий промежуток времени.

Все находки здесь более или менее покрыты толстой сине-белой патиной (рис. 58). Наконечник стрелы близок к аренсбургским типам — довольно короткий и широкий. Единственный свидерский признак — соответствующая ретушь на оборотной стороне черешка. Найдена также заготовка аналогичного наконечника, только что начатая обработкой. Пять резцов довольно массивные и почти круглые,

типовидные для мадленских стоянок. Продолговатый скребок толстый, маленький, не характерный для свидерских стоянок. Крупный, широкий боковой клиновидный резец тоже представляет форму, широко известную в литовских мадленских стоянках. Нуклеус — двухплощадный, но очень короткий и широкий, вследствие чего практически более близок к одноплощадным мадленским нуклеусам, чем к свидерским. Других изделий очень мало: части четырех нуклеусов, какое-то мелкое изделие с выемкой, 5 ретушированных отщепов и несколько обработанных пластин.

Другим примером является стоянка Шиллиас 2 вблизи слияния рек Неман и Нявежис, на второй надпойменной террасе Немана (рис. 4), примерно в 800 м от современного берега и на 16 м выше уровня воды. Поверхность террасы — песчаная, с вымытым крупным гравием. Именно в этом слое песка и гравия и

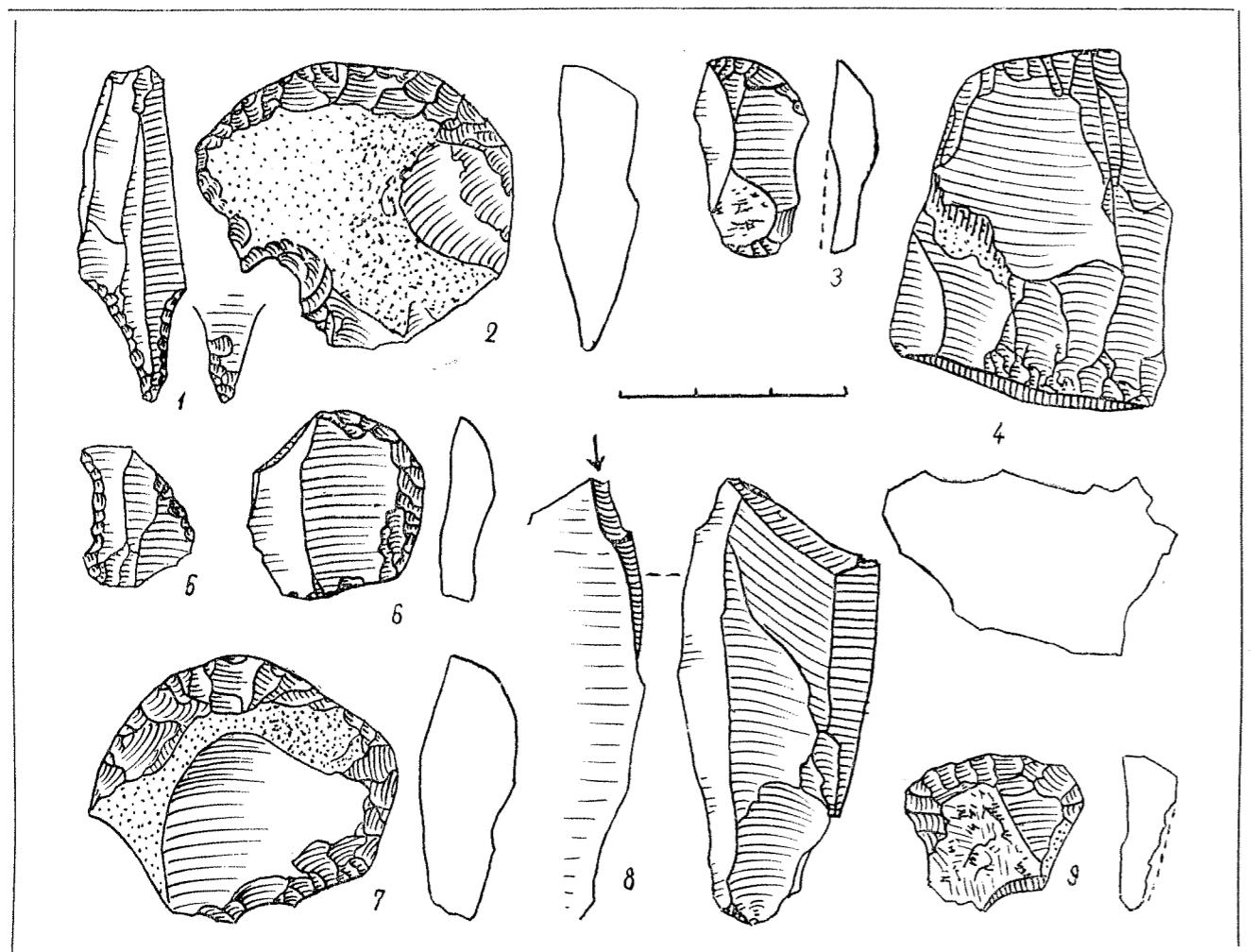

Рис. 58. Орудия стоянки Кашетос 16

обнаружены кремневые изделия. Почти все они концентрировались на краю террасы. Часть их найдена смытой вниз по склону. Стоянка занимала площадку приблизительно $50 \times 30\text{ м}^2$; существовала она короткий промежуток времени.

Изделия, изготовленные из темно-серого местного кремня, покрыты толстой белой или голубоватой патиной (рис. 59). Наконечники стрел представляют собой довольно характерные образцы прибалтийского мадлена, но со свидерской ретушью на оборотной стороне чешечка наконечника и с более узкой и удлиненной формой пера (рис. 59, 1—4, 7). Маленький, неправильный ланцетовидный наконечник (рис. 59, 6) и микролиты (рис. 59, 5), обнаруженные на стоянке Шилялис 2, характерны и для других литовских мадленских стоянок. То же самое можно сказать и о скребках (рис. 59, 11, 12, 14—16, 20—28), в большинстве коротких и широких. Встретившиеся здесь длинные

скребки не имеют характерной свидерской узкой формы. При этом все скребки изготовлены не из отщепов, а из пластин, хотя и широких. Кроме них, найдены длинные и короткие двойные скребки. Неретушированные концы скребков обычно несколько сужены и выровнены по поверхности.

Резцов (рис. 59, 10, 17, 19) обнаружено немного. По характеру они ближе к аренсбургским, чем к свидерским — в большинстве короткие, почти четырехугольные, небольшие. Только один из них сделан из толстой пластины. Среди других орудий достойно упоминания несколько изделий специального назначения, изготовленных из отщепов (рис. 59, 13, 18).

Влияние свидерской культуры наиболее ярко (если не считать свидерской ретуши на одном наконечнике) проявляется в нуклеусах — характерных двухплощадных, призматических. Пластины с одной стороны, как правило, скользили в поперечном направлении, а с дру-

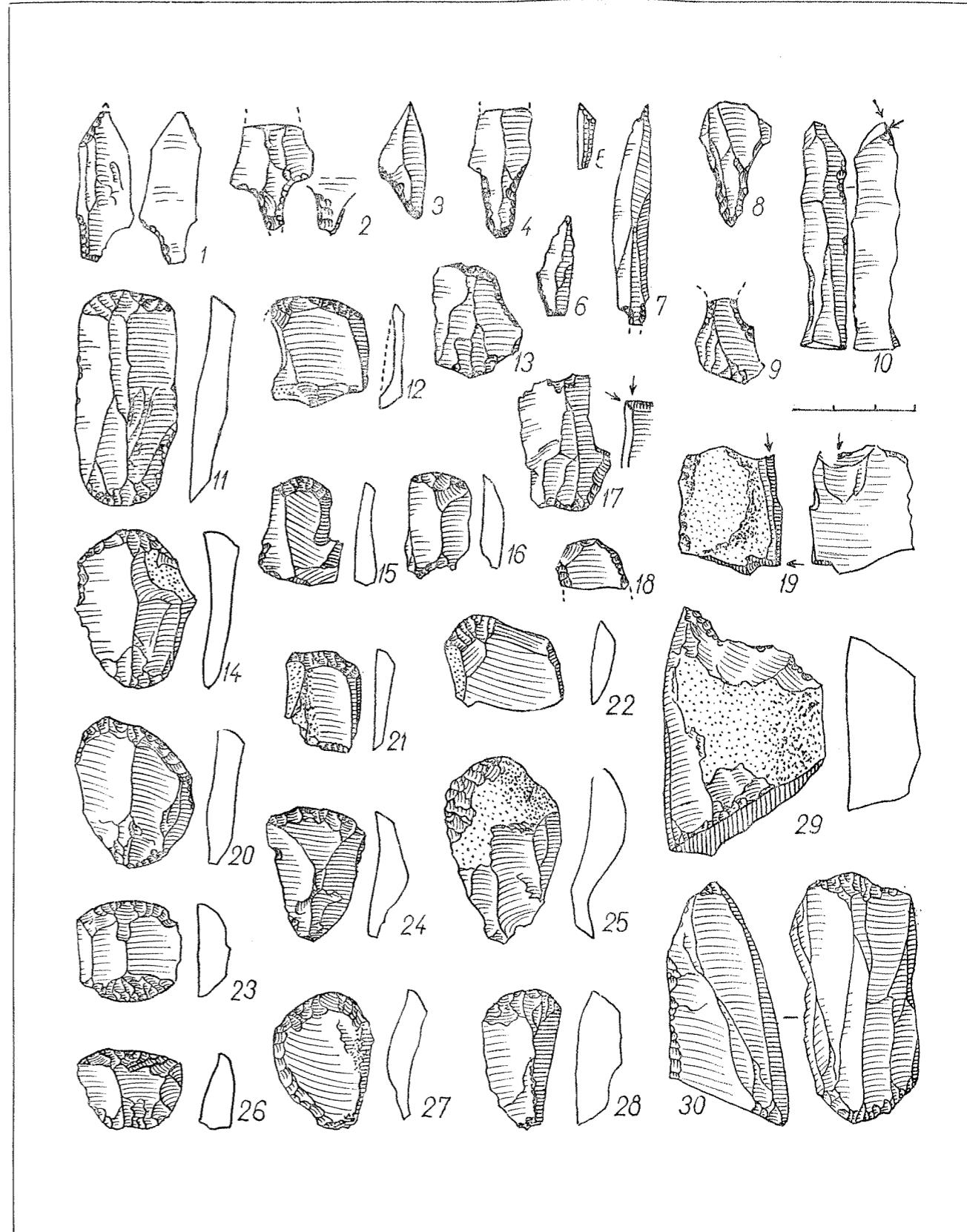

Рис. 59. Орудия стоянки Шилялис 2

гой — в продольном. Площадки нуклеусов обычно скошенные. У оснований и часто по бокам имеются следы ретуши (рис. 59, 30). Кроме того, в стоянке обнаружены специальные крупные, похожие на нуклеусы изделия, на поверхности которых преднамеренно оставлена корка кремня, и только концы косо сколовы и отретушированы (рис. 59, 29).

Аналогичным примером может служить и стоянка Мяргяжарис 3 (Варенский р-н) — на небольшой возвышенности, поросшей мхом. С западной стороны к ней подступает небольшой торфяник — заросшее озеро, из которого вытекает речка Мяргяжарис. Поверхность возвышенности была когда-то открытой и подвергалась выветриванию. Сейчас ее покрывают мелкие камни. У вершины, на склоне, обращенном в сторону торфяника Мяргяжарис, располагается скопление площадью около $15 \times 15 \text{ м}^2$ с комплексом находок (рис. 60).

Кремень покрыт толстой белой патиной. Форма большинства наконечников стрел характерна для мадлена, однако все они очень мелки, по краям обработаны узкой ретушью, на черешках встречаются свидерская ретушь (рис. 60, 2—5, 7—10, 14). Интересно, что некоторые наконечники, близкие к поздним свидерским типам, этой ретушью как раз не имеют (рис. 60, 1). По большинству изделий Мяргяжарис 3 не отличается от стоянки Шилялис 2 (хотя в последней свидерская ретушь встречается еще реже). Некоторые типы наконечников здесь настолько сходны, что нет никакого сомнения, что обе стоянки существовали в одно и то же время.

В стоянке Мяргяжарис 3 обнаружено некоторое число ланцетовидных наконечников и ретушированных пластин (рис. 60, 6, 15, 16, 20). По-видимому, здесь находилась мастерская по изготовлению наконечников стрел, так как других изделий очень мало. Наконечники в большинстве обломаны (брак производства). Три найденных скребка — небольшие, продолговатые (рис. 60, 13, 19, 21). Пять резцов — разные по форме, клиновидные угловые и боковые (рис. 60, 11, 12, 18). Нуклеусы (рис. 60, 17, 24) в большинстве двухплощадные, узкие и неправильные. Один из них был использован как скребло, рабочей частью которого служила боковая грань (рис. 60, 24). Предположение о существовании здесь мастерской подтверждается наличием значительного числа отщепов, сколовых с поверхности нуклеусов.

Дальнейший этап развития стоянок этого типа представлен скоплением Эжяринас 8 (рис. 61, 62) — наиболее поздней мадленской стоянкой в Эжяринасе. Стоянка располагалась на пологом склоне третьей надпойменной террасы, обращенном к западу, занимая площадь около $30 \times 18 \text{ м}^2$. Находки находились под мхом

в слое ярко-желтого песка толщиной 15—20 см; ниже залегал белый песок дюн. В западной части скопления, под белым песком, на глубине около 40 см обнаружен очень тонкий слой искаемой почвы. В скоплении найдено свыше 23000 различных кремневых отщепов и изделий; почти все они покрыты толстой белой и синеватой патиной.

Судя по восьми обнаруженным наконечникам стрел (рис. 61, 1—7), эта стоянка должна была относиться к периоду, когда мадленская культура слилась со свидерской. Некоторые из наконечников напоминают свидерские (рис. 61, 6, 7), другие принадлежат к мадленскому типу, но плохо обработаны (рис. 61, 1—5). К ним можно прибавить одну острую, слегка ретушированную небольшую пластинку (рис. 61, 9). Мадленские наконечники здесь обработаны той встречной крутой ретушью, которая встречается и в более ранних мадленских стоянках.

Большинство из 13 скребков (рис. 61, 10—14) — продолговатые. О том, что стоянка датируется относительно поздним временем, говорят находящиеся среди скребков очень мелкие экземпляры. Два скребка имеют только узко ретушированные лезвия (рис. 61, 13). Кроме того, обнаружены две заготовки для крупных продолговатых скребков.

Резцов (рис. 61, 15—25) найдено довольно много (18 экз.). Большинство их — из отщепов, некоторые из нуклеусов. По типу преобладают клиновидные, но имеются боковые и даже угловые. Несколько резцов изготовлены при помощи скальвания и ретушь рабочего угла. Обнаружено также несколько атипичных небольших изделий.

Среди орудий труда надо упомянуть и 11 крупных скobelей, изготовленных из нуклеусов, или плоских кусков кремня, относящихся к типу скobelей-резцов (рис. 62, 4, 6). Некоторые из них — просто толстые продолговатые кусочки кремня с круто ретушированными концами. Семь изделий типа топориков почти все — целые. Лишь от одного осталось отколотое лезвие. Топорики образованы путем ретуширования некоторых нуклеусов по бокам. Такие типы изделий создают впечатление унаследованных от свидерской культуры, также как и плоский нуклеус с перехватом, ретушированный кое-где с обеих сторон. В целом же нуклеусы (284 экз.) в большинстве одноплощадные, плоские (рис. 63). Остальной инвентарь составляет куски нуклеусов (в том числе краевые сколы, сколы с площадками и краев) и более 1500 неретушированных пластин, в большинстве довольно крупных.

Иной характер носит скопление Эжяринас 17 (рис. 64), но и здесь видны следы влияния свидерской культуры на мадленскую,

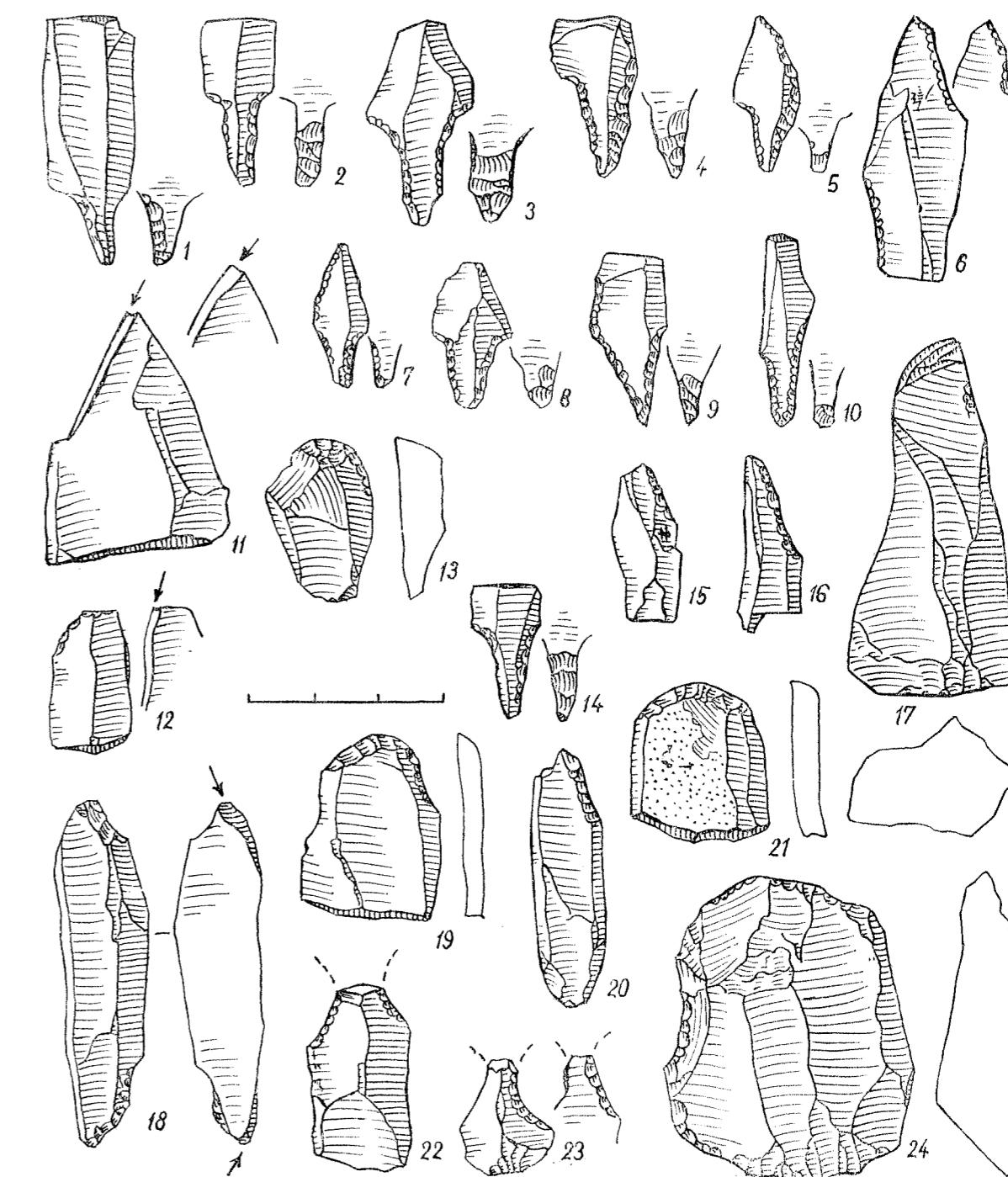

Рис. 60. Орудия стоянки Мяргяжарис 3

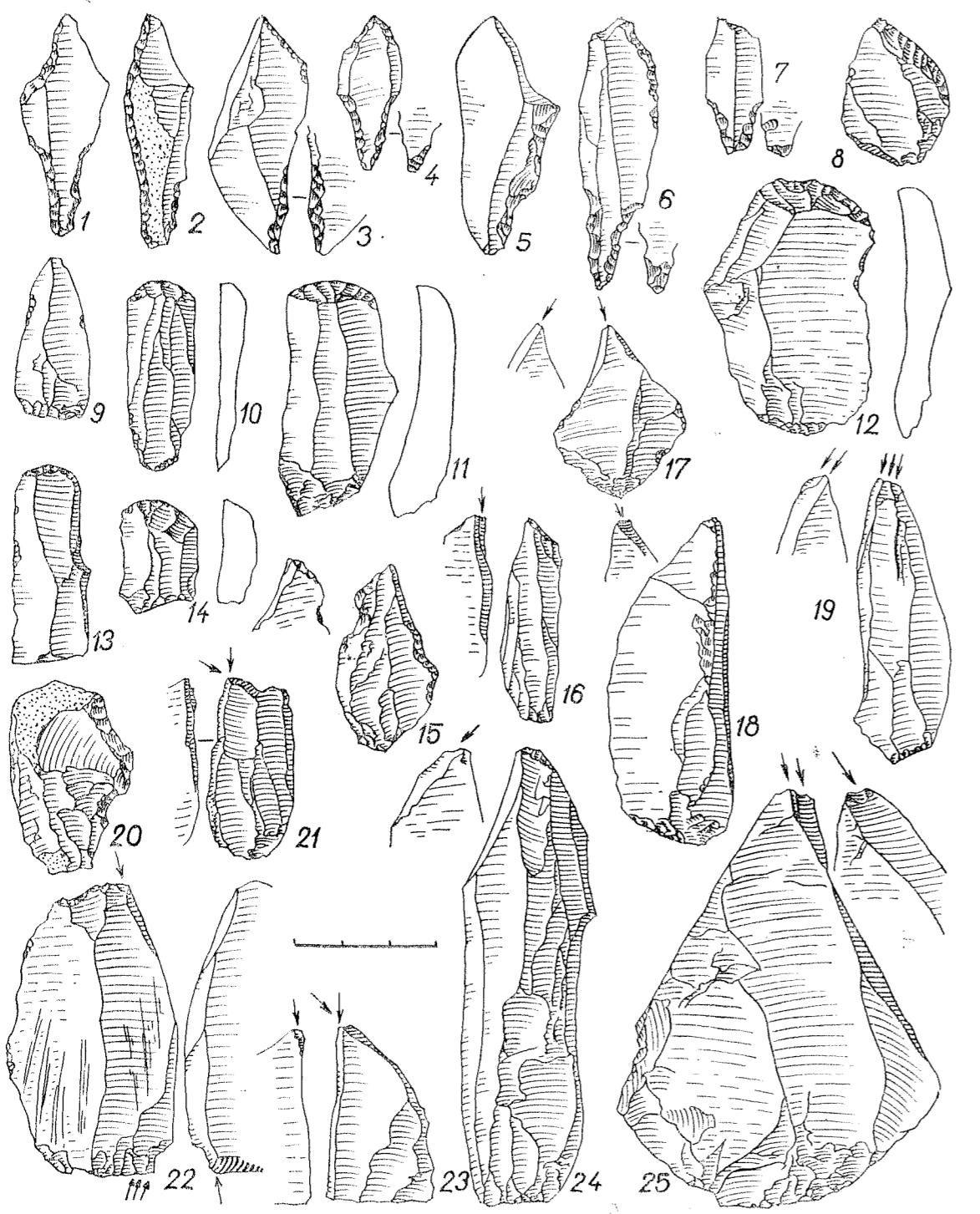

Рис. 61. Орудия стоянки Эжяринас 8

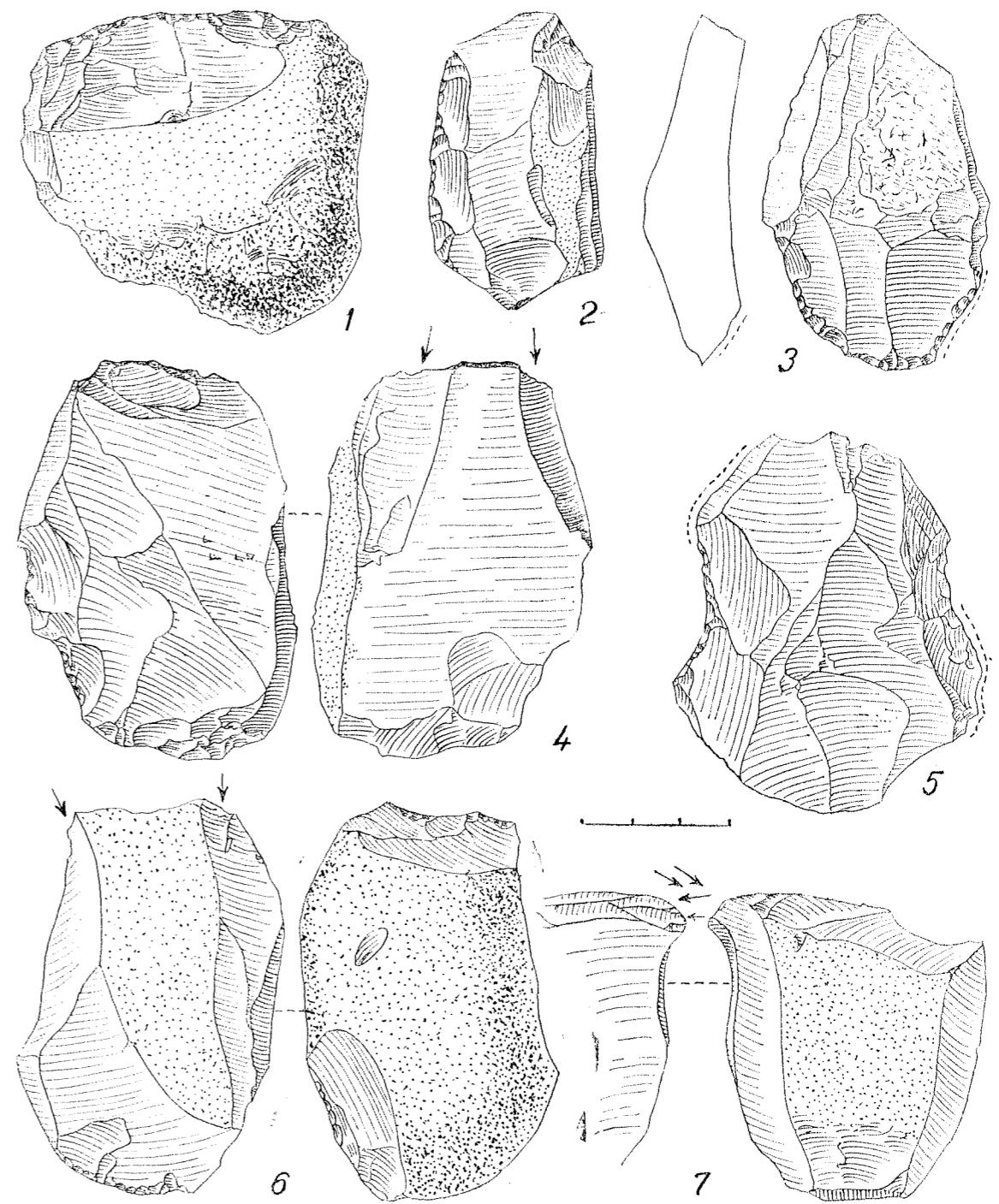

Рис. 62. Орудия стоянки Эжяринас 8

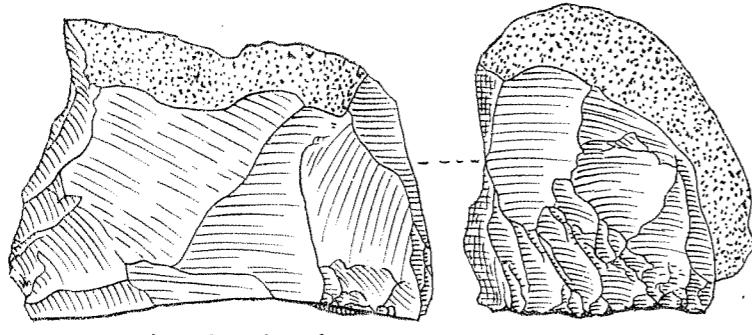

Рис. 63. Нуклеус стоянки Эжяринас 4

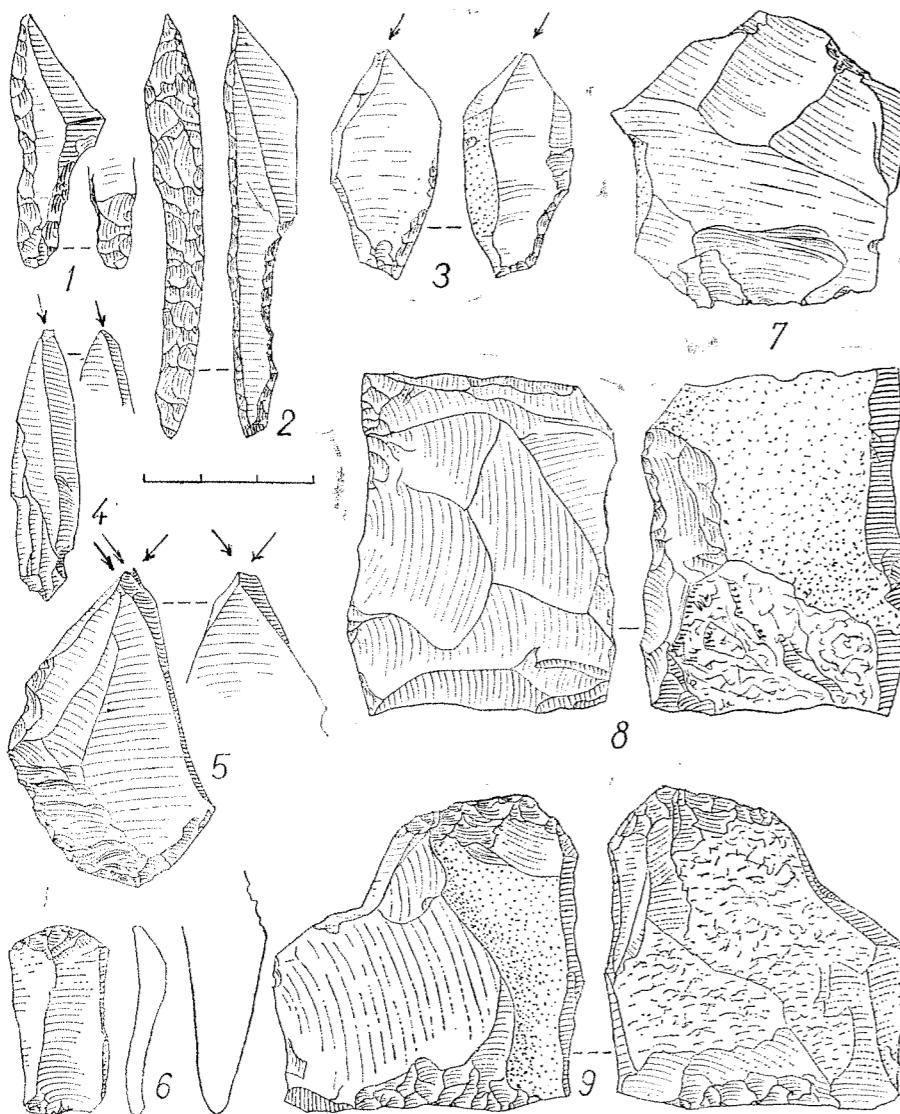

Рис. 64. Орудия стоянки Эжяринас 17

Скопление небольшое, находится в лесу, на третьей надпойменной террасе. Все находки лежали сразу под дерном, в тонком коричневатом слое песка.

Здесь обнаружено около 3000 кремневых отщепов, в большей части необработанных, что дает основание считать стоянку мастерской. Почти все находки покрыты беловато-синей патиной. Для определения их культурной принадлежности очень важны два наконечника стрел (рис. 64, 1, 2). Оба с выемкой, толстые, ретушированные встречной ретушью по краям. Один из них тронут ретушью и с обратной стороны. Наконечники имеют очень длинные черешки. Другой инвентарь не играет сколько-нибудь важной роли в культурно-историческом отношении, но все-таки дополняет наши знания о стоянках этого малоизвестного типа.

Поскольку стоянка Эжяринас 17 имела назначение мастерской, в ней найдено 105 нуклеусов и их частей, а также 230 неретушированных пластин. Нуклеусы в большинстве небольшие, неправильной формы, со следами отжима широких пластин. Прочие орудия труда представлены двумя крупными скребками, сделанными из нуклеусов, и одним изделием типа топора.

Важные мадленские находки, тоже с влиянием свидерской культуры, встречены и в Занеманье (юго-западная Литва), в стоянке Няндринас (Капсукский р-н), разрушенной поздними конскими захоронениями. Здесь обнаружены широкие наконечники с ретушью по краям — мадленского типа (рис. 65, 1—2), а также другие, очень узкие, с черешком — почти свидерского типа, но без свидерской ретуши (рис. 65, 4, 5). Резцы напоминают и мадленские (рис. 65, 6) и свидерские (рис. 65, 3). К этой же группе находок относятся длинная, довольно широкая пластинка (рис. 65, 7), короткие искривленные пластинки, незаконченный скребок и отщепы.

Из старых музеиных собраний следует вспомнить находки со стоянки у озера Дуба, в местности «Сала» (остров). Стоянка располагалась на возвышенности на юго-западном берегу озера в окружении болот (Szukiewicz, 1901, стр. 16), т. е. в месте, характерном для палеолитических стоянок. Болота, представляющие сейчас продолжение торфяника Чапкяляй, образовались в атлантическом периоде.

В Сала обнаружены находки разного времени и различных культур. Мадленские изделия выделяются толстой белой или голубой патиной, вертикальной ретушью и величиной (рис. 66). Наконечники трех видов: широкие, не совсем правильные, с широким же черешком; широкие с длинным черешком и коротким широким пером; ланцетовидные, правда, не-

правильной формы. На наконечниках иногда встречается свидерская ретушь (рис. 66, 1). К мадленским должны быть причислены также и все скребки, покрытые патиной. (Изделия

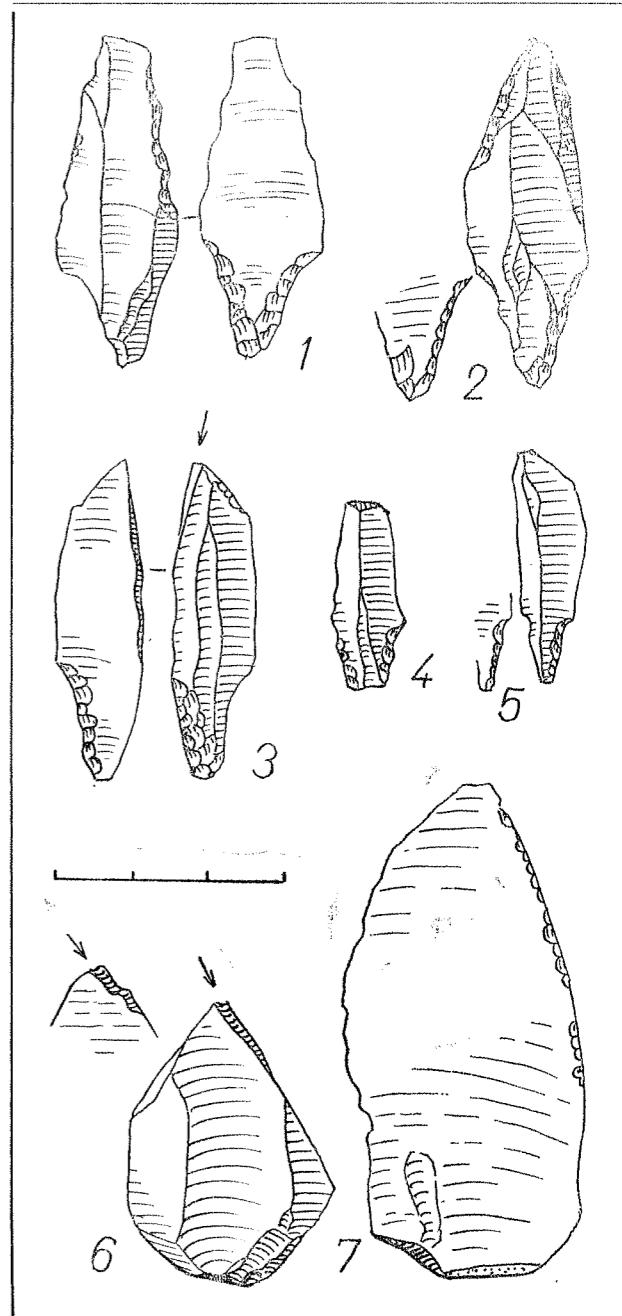

Рис. 65. Орудия стоянки Няндринас

более позднего времени, например мезолитические наконечники свидерского типа, не имеют патины.) Скребки — узкие, длинные, тоже близкие свидерским типам (рис. 66, 7, 8), как это характерно для коллекций В. Шукевича.

Резцы и нуклеусы отсутствуют, за исключением некоторых боковых проколок (рис. 66, 4, 5, 6).

Подобные палеолитические стоянки прибалтийского мадлена, на которых лежит более или

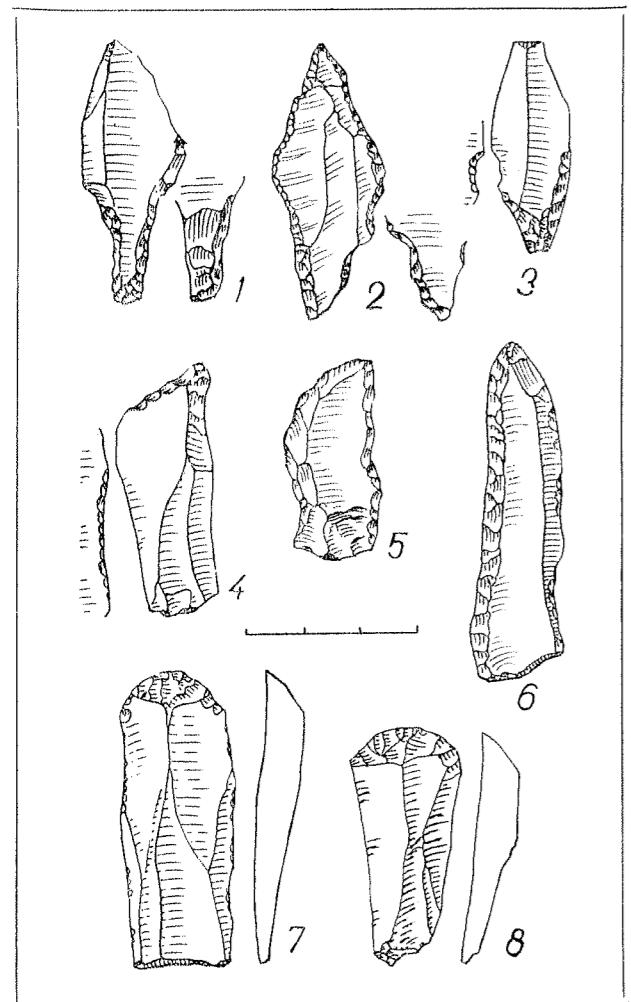

Рис. 66. Прибалтийско-мадленские орудия стоянки «Сала» у оз. Дуба

менее явный отпечаток свидерских влияний, можно встретить в пограничных районах обеих культур. Это — зона, лежащая несколько южнее балтийского побережья, к западу от низовьев Вислы. (На основной территории распространения свидерской культуры можно говорить лишь о некотором влиянии аренсбургской культуры, которое, надо думать, проявилось там значительно позже, чем в Литве.)

В данной зоне, так же как и в Литве, влияние свидерской культуры на мадленскую иногда было очень незначительным — только ретушь на обратной стороне черешка и двухплощадные нуклеусы. Так, например, свидер-

ская ретушь появляется на наконечниках явно аренсбургского типа в северо-восточной Польше, в уезде Елк (Gaerte, 1933, илл. 3^a, 3^b). В Германии ярким тому примером является стоянка Берлин-Тегель (Taute, 1957; Gramsch, 1957; Mey, 1957, 1960, стр. 13, илл. 4), в которой лишь некоторые листовидные мадленские наконечники имеют ретушь с обратной стороны, да и сами наконечники несколько уже, а их черешки выражены не так ярко, как в аренсбургских наконечниках. Все другие типы изделий (ланцетовидные наконечники, двойные скребки, угловые резцы) типичны для аренсбургской культуры.

Другой пример — стоянка Мюнхехофе в Бранденбурге (Hohmann, 1927, стр. 186—207). Здесь обнаружены аренсбургские наконечники стрел, один из которых имеет свидерскую ретушь на черешке. Наряду с ними найдены наконечники свидерских форм, немного ретушированные по краю с обратной стороны и лишь только один наконечник носит на себе настоящую свидерскую ретушь. Прочие находки (ланцетовидные наконечники, короткие широкие скребки и т. п.) сближают эту стоянку с аренсбургскими.

Чем дальше на запад, тем меньше влияние свидерской культуры (Taute, 1968, карта 8). Однако считают, что она оказала определенное воздействие на западно-европейский мадлен VI. Особенно это касается формы наконечников (Breuil, Lantier, 1959, стр. 276). Свидерское влияние в разных стоянках проявлялось по-разному. В результате, однако, единая особая культурная группа не сложилась.

Как мы уже указывали, на современной территории Литвы влияние свидерской культуры на мадленскую проявилось, по-видимому, довольно рано. Стоянку Шилялис 2 можем датировать второй половиной аллера и сравнивать по времени со стоянками Эйгуляй 1 А, В, Д. Топографическое расположение других рассмотренных нами стоянок также указывает, что соответствующий процесс начался во второй половине аллера, т. е. раньше, чем в Западной Европе. Стоянки Кащетос 1б и Мяргяярис 3 и 8 расположены на второй надпойменной террасе; по типам изделий они очень близки к остальным литовским аренсбургским стоянкам. Появление микролитов, имеющих довольно четкие, определенные формы, а также увеличение количества изделий специального назначения, указывает, что Кащетос 1б и Мяргяярис 8, 3 функционировали в самом конце аллера или в позднем дриасе.

К юго-востоку от Литвы влияние свидерской культуры дало себя знать еще раньше. В стоянке Подлужье III у р. Сож (Будько, 1966^в, стр. 34—37) это явление относится ко

делий, хотя при этом еще сохранялся старый местный мадленский субстрат.

Приходится думать, что в периферийных зонах, которых свидерская культура достигла в аллере, шел некоторый культурный обмен, взаимодействие местной и свидерской культур, и что такой процесс мог быть характерным не только для одного ограниченного промежутка времени. Поэтому стоянки с признаками влияния свидерской культуры мы не можем объединить в одну цепь развития, несмотря на то, что располагаем фактами, говорящими о последовательном усилении и углублении такого влияния. Возможно, что эффективность свидерского влияния определяла не хронология, а обычай отдельных племен.

2) Свидерские стоянки (III группа) с элементами мадленской культуры

Как мы уже указывали, влияние мадленской культуры на свидерскую проявилось в Литве несколько позже, чем свидерской на мадленскую. Все стоянки, о которых пойдет речь, находились на третьей надпойменной террасе рек, в слоях, относящихся ко времени не раньше позднего дриаса.

Характерным примером свидерской стоянки, где воздействие мадлена еще слабо ощущимо, может служить Раудонварис 1 (Каунасский р-н). Сейчас она находится на высоте 28 м над уровнем рек Неман и Нявежис и занимает площадку третьей надпойменной террасы (рис. 67). От рек ее отделяет пойма шириной около 450 м с первой надпойменной террасой и II терраса, на которой неподалеку находилась упомянутая нами раньше стоянка Шилялис 2. Часть склона, на котором возникла Раудонварис 1, с запада и востока отделена глубокими оврагами с текущими по ним ручейками. Четвертая терраса Немана от этого места далеко.

В стоянке, на самой поверхности (рис. 68) лежал слой темно-серого песка толщиной 20—50 см, с дерном. Ниже — тонкий, в 10 см (и то не всюду), слой светло-желтого песка, в котором найдены остатки кости, обнаруженными гончарным черепкам, датируемые уже историческим временем. Под светло-желтым песком лежал культурный слой — орнитейнированный песок, на верхнем горизонте которого обнаружены предметы раннего железного века, а в нижнем — позднего мезолита. На 20 см ниже, в слое белого песка, найдены остатки палеолитической стоянки: изделия и отщепы, покрытые толстой патиной.

Основной палеолитический инвентарь стоянки Раудонварис 1 составляют свидерские на-

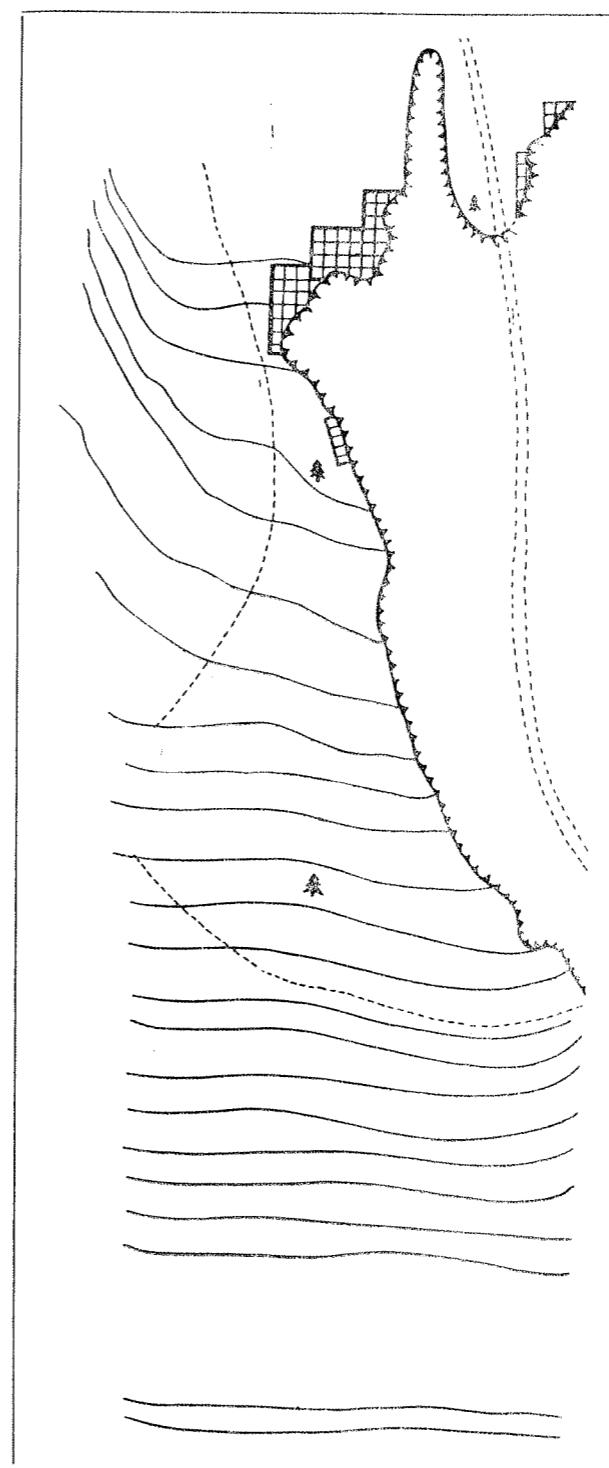

Рис. 67. Расположение раскопа стоянки Раудонварис временам ранней свидерской культуры (конец бёллинга — начало аллера). В раннем слое стоянки Гренск, относящемся к концу аллера — позднему дриасу (там же, стр. 37—42), свидерское влияние уже вполне отчетливо, как в смысле техники, так и в отношении типов из-

конечники стрел, знакомые нам по другим стоянкам (рис. 68, 1, 2). Однако черешки их короткие, тупые, мало ретушированные, близкие к наконечнику из стоянки Эйгуляй 1 С (рис. 44, 1). Сходна и топография обеих стоянок. Надо думать, что они относятся к одному времени и являются более поздними, чем стоянки Эйгуляй 1 А, В и Д. Два фрагмента наконечников с оборотной стороны ретушированы свидерской ретушью. Однако имеются и два наконечника стрел с мадленскими чертами (рис. 68, 3, 5). Один — довольно длинный, узко ретушированный, односторонний, второй — фрагмент наконечника с выемкой. Характер-

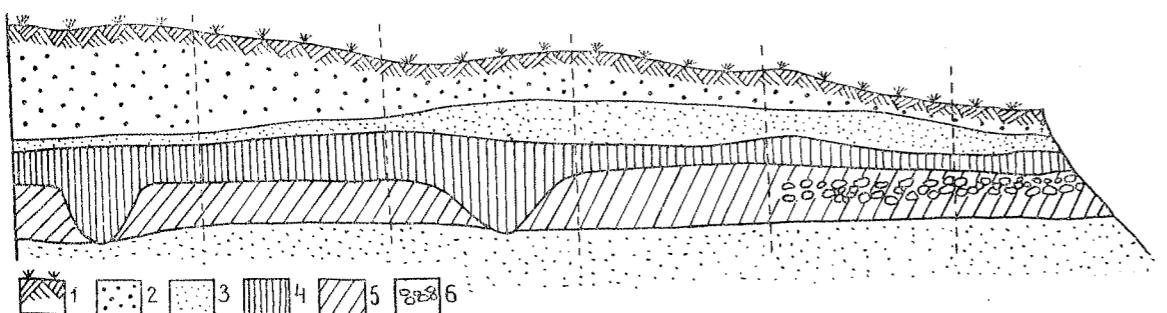

Рис. 68. Разрез и стратиграфия стоянки Раудондварис:
1 — дерн, 2 — темно-серый лесной песок, 3 — светло-желтый песок, 4 — ископаемая почва, 5 — подпочва — железистый песок (в верхнем горизонте — культурный слой мезолита), 6 — камни

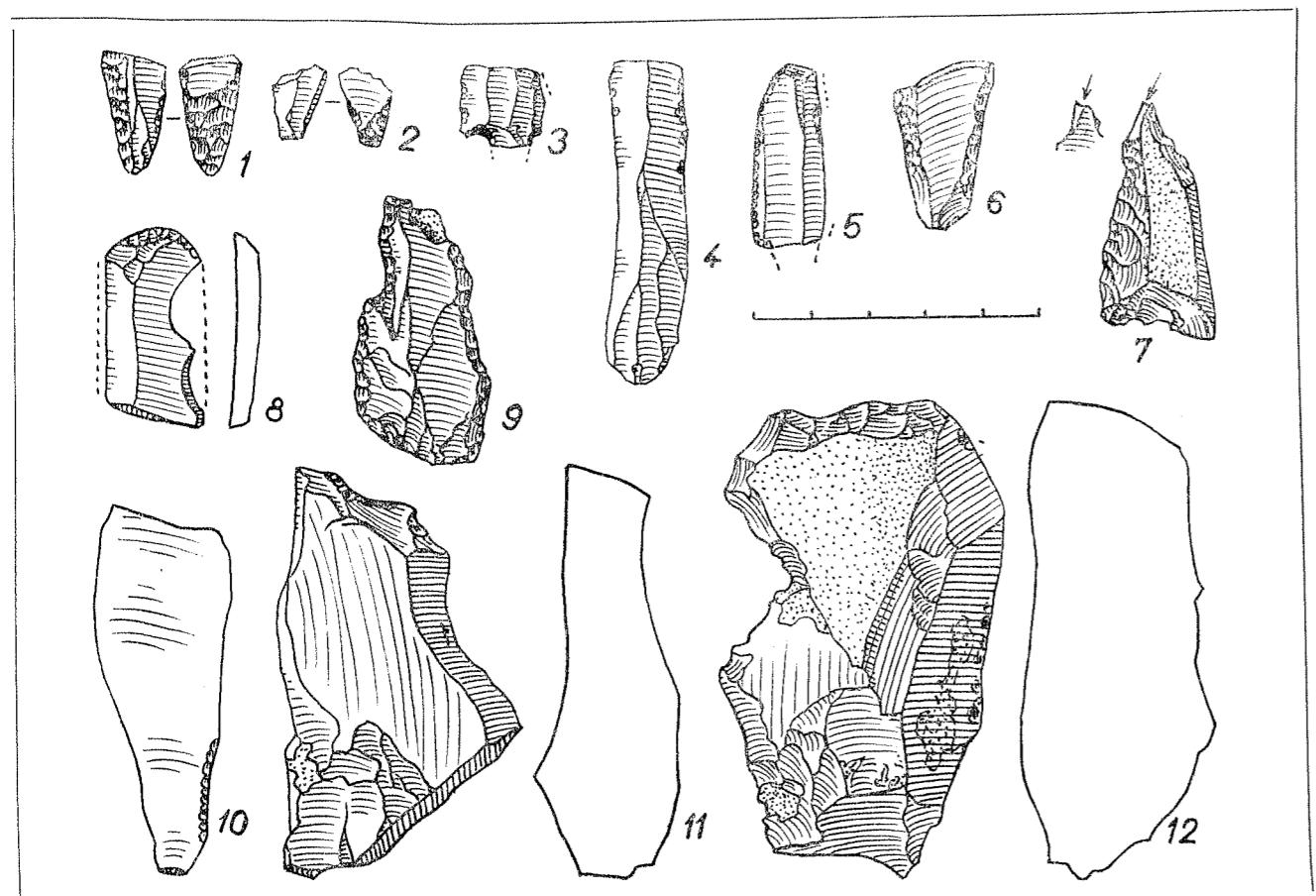

Рис. 69. Орудия стоянки Раудондварис (нижний культурный слой)

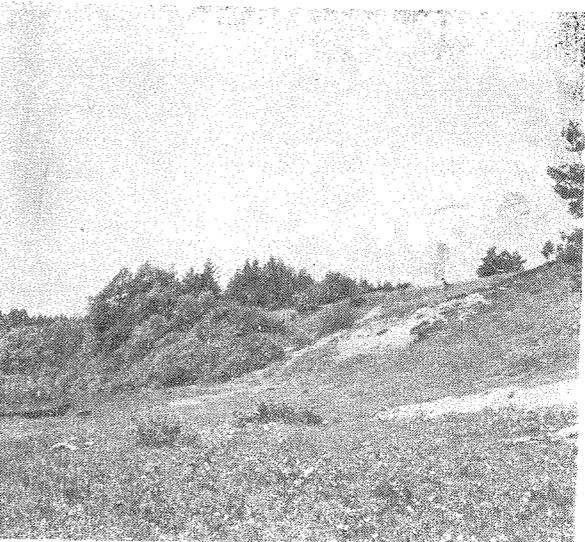

Рис. 70. Вид стоянки Нятесай 1

ными для свидерских типов являются: узкий и длинный скребок (рис. 68, 8) и клиновидный резец (рис. 68, 7); ретушь по краю сближает последний с резцами поздних свидерских стоянок; кроме того, длинные, мало ретушированные пластины (рис. 68, 4, 10). Появление изделий специального назначения, изготовленных из пластин (рис. 68, 9), тоже сближает Раудондварис 1 с более поздними вариантами стоянок свидерской культуры. Наконец, эту стоянку связывают со свидерскими (Эйгуляй 1Д, Пипляй, Эжяринас 1, 14) крупные скобели (рис. 68, 11, 12). Нуклеусы не очень правильные, но двухплощадные, призматические.

К тому же времени принадлежит и нижний слой стоянки Нятесай 1 (Варенский р-н). По месту расположения стоянка несколько отличается от других — высотная отметка ее ниже. Однако при этом нельзя не учитывать, что она находится ближе к верховьям Немана, где высота террас вообще значительно ниже. Нятесай 1 находится у места впадения речки Нятеса в Неман на высоком левобережном яру второй надпойменной террасы (рис. 70). Край ее находится на 14 м выше современного уровня Немана. В северной части площадки Нятесай 1 к Неману спускается уже третья надпойменная терраса, достигающая 20 м над уровнем воды (т. н. гора Виндуге).

На стоянке Нятесай 1 была раскопана площадь в 1315 м², охватившая основную ее территорию (рис. 71), за исключением части, уничтоженной ранее при постройке зданий. Оказалось, что стоянка заселялась трижды. Ранние — палеолитические — находки концентрировались на небольшом участке в северо-восточной части площади (квадраты VII: 11, 12; VIII: 10, 11, 12; IX: 10, 11, 12; X: 11,

12; XI: 12). Они обнаружены в песке на глубине 60—80 см от поверхности. Над песком лежал слой темно-серой ископаемой почвы, окончательно сложившийся в раннем бронзовом веке, но содержащий также и небольшое количество находок времен позднего мезолита (рис. 72). В других квадратах, в особенности юго-западных, палеолитический слой, как таковой, не выделялся, попадались лишь отдельные изделия вместе с мезолитическими, лежавшими в слое ископаемой почвы. Палеолитические очаги выделялись лишь пятнами сажи (рис. 73).

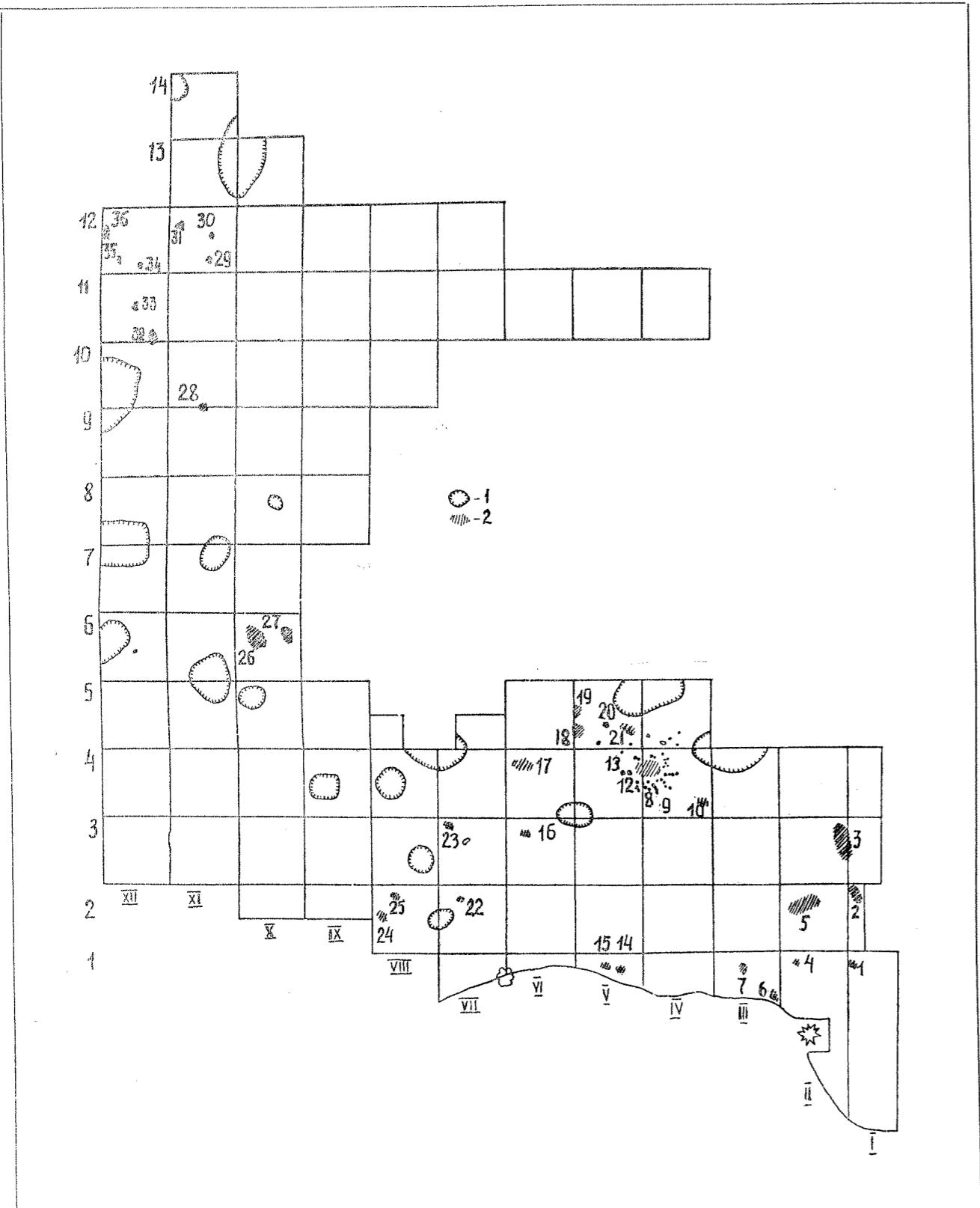
Свидерские наконечники стрел из Нятесай 1 в большинстве имеют невыделенные черешки, покрыты с оборотной стороны свидерской ретушью (24 экз.). Несколько (4 шт.) наконечников имеют незначительно выделенные черешки. Судя по наконечникам с невыделенными черешками, у которых сохранились острия, край их вершины обычно бывает немного ретушированным с лицевой стороны. Иногда ретушь идет по всему краю наконечника (рис. 74, 2) от самого черешка. Только в четырех случаях на верхушке острия с оборотной стороны — следы свидерской ретуши (рис. 74, 1, 3, 8). Наконечники с незначительно выделенными черешками (рис. 74, 4, 5, 13, 20), как правило, еще меньше тронуты свидерской ретушью с оборотной стороны.

Следует упомянуть и три толстых черешка сравнительно более крупных наконечников (рис. 74, 14), лишь слегка ретушированных с брюшком.

Другую группу составляют 14 острий без выделенного черешка (рис. 74, 1—3, 6, 9—11), изготовленных из довольно широких пластин. Три из них ретушированы свидерской ретушью по верхушке с брюшком, остальные — только по краям со спинки. Семь наконечников имеют широкие черешки, ретушированные только по краям (рис. 74, 16—18). Они — небольшие, неправильной формы, слегка напоминающие более поздние мадленские (хвалибоговицкие).

Большая часть палеолитических скребков Нятесай 1 (около 30 экз.) — продолговатые (рис. 74, 25—27). Чаще всего их нельзя причислить к узким: длина примерно в два раза превышает ширину. Изредка скребки имеют ретушь по краям. Приблизительно четверту часть скребков составляют короткие или приближающиеся к круглым (рис. 76, 28, 29); они широкие, хорошо обработаны и напоминают скорее мадленские, чем азильские типы.

Около 30 найденных на стоянке резцов (рис. 75, 1—9) в большинстве довольно узкие и продолговатые, клиновидные — серединные, боковые или изготовленные с помощью скола и ретуши. Некоторые имеют узкую ретушь на

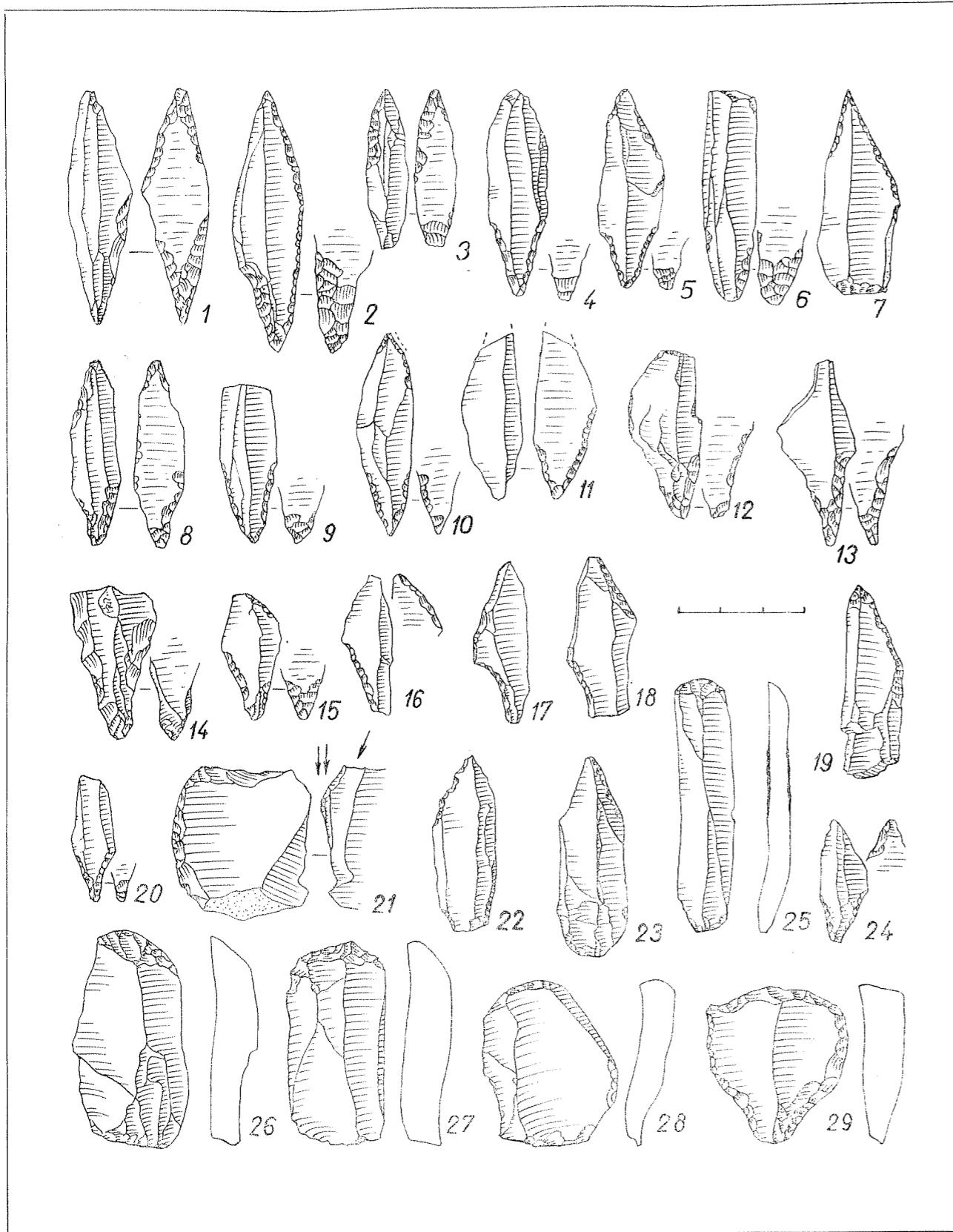

Рис. 74. Орудия стоянки Нятесай 1 (нижний культурный слой)

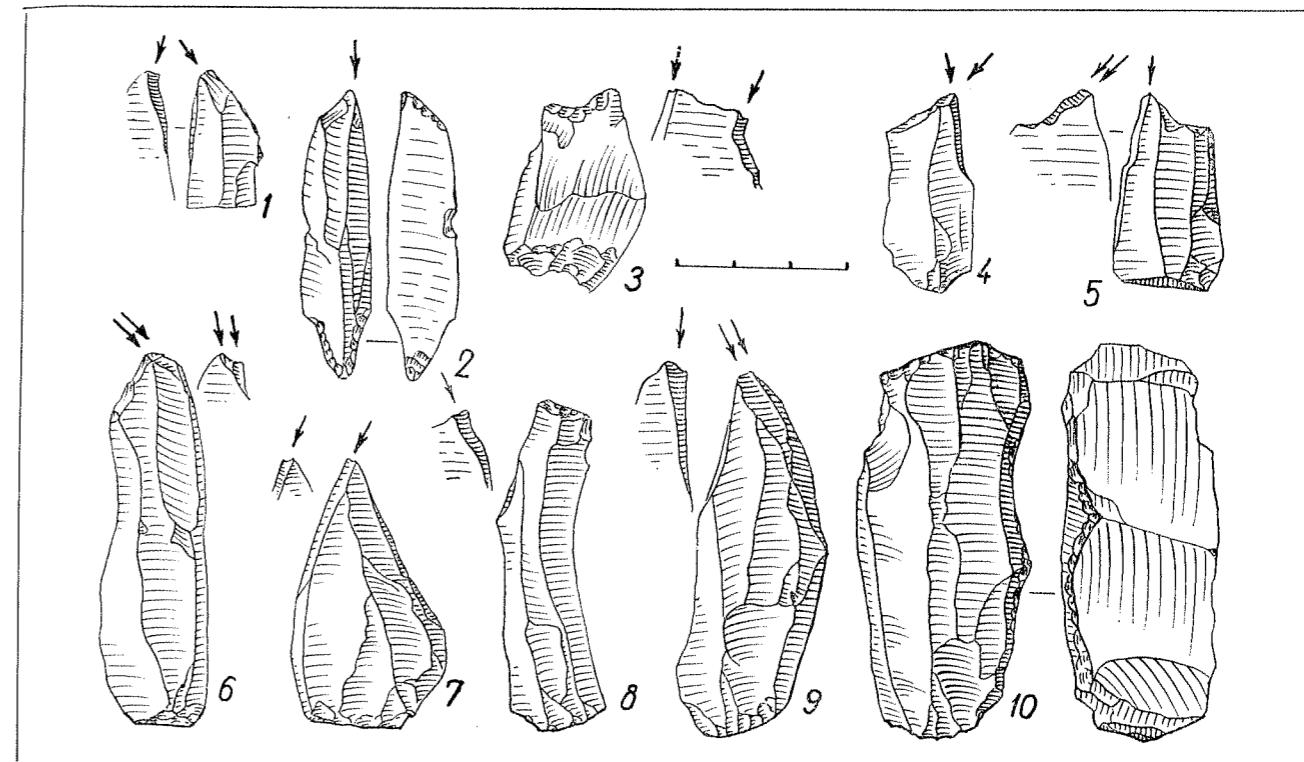

Рис. 75. Орудия стоянки Нятесай 1 (нижний культурный слой)

издавна жившими здесь людьми, для которых была характерна мадленская культура. Поэтому именно здесь и появились разнообразные свидерско-мадленские формы изделий (рис. 76).

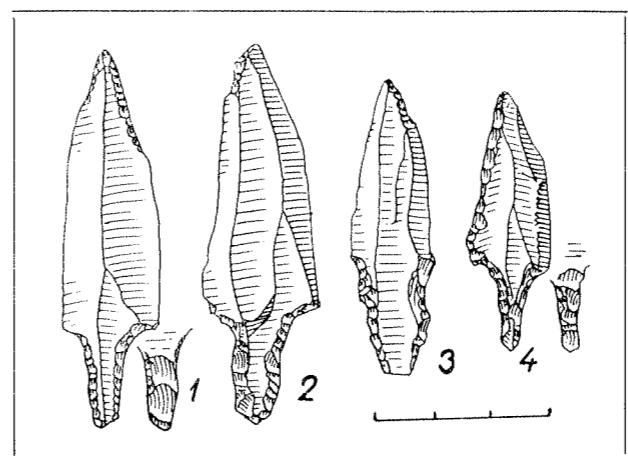

Рис. 76. Наконечники стрел стоянок у пос. Кашетос

Культурный обмен начался довольно рано, пожалуй, в конце аллера.

Среди находок Кашетос достойны упоминания сравнительно крупные наконечники, покрытые толстой белой патиной, ретушированные с лицевой стороны крутой, характерной

для мадлена ретушью, но сохранившие свидерскую ретушь на оборотной стороне. О связях с мадленом говорят также наконечники с толстым широким черешком.

Из других коллекций Шукевича в данном случае нас интересует стоянка Гирайте (Варенский р-н) (рис. 77), где рядом с чисто свидерскими формами изделий (рис. 77, 1, 2) встречаются и такие, которые могли появиться лишь под влиянием мадленской культуры (рис. 77, 6, 7).

Как уже отмечено, влияние мадленской культуры имело несколько иной характер, чем воздействие свидерской. Оно проявлялось прежде всего в форме изделий. Только позже мадленская техника — односторонняя ретушь — начинает применяться при изготовлении свидерских наконечников.

В Литве, насколько позволяют судить современные данные, мадленское влияние проявилось позднее, чем воздействие свидерской культуры на мадленскую. Все стоянки соответствующего типа, обнаруженные к нашим дням, расположены выше стоянок времени аллера. Относящиеся к ним находки лежат не в перемешанном с гравием аллювием, а в песке, нанесенном над аллювием водой или ветром. Скорее всего, подобные стоянки относятся к концу позднего дриаса. Об этом говорят и некоторые типы обнаруженных здесь свидерских

изделий. Например, в стоянках, о которых идет речь, свидерские наконечники стрел такие же, как во II группе свидерской культуры Литвы, т. е. мало ретушированные, с коротким черешком.

Надо заметить, что приблизительно в тот же период — поздний дриас — мадленское влияние проявлялось и в основных областях распространения свидерской культуры (там, где

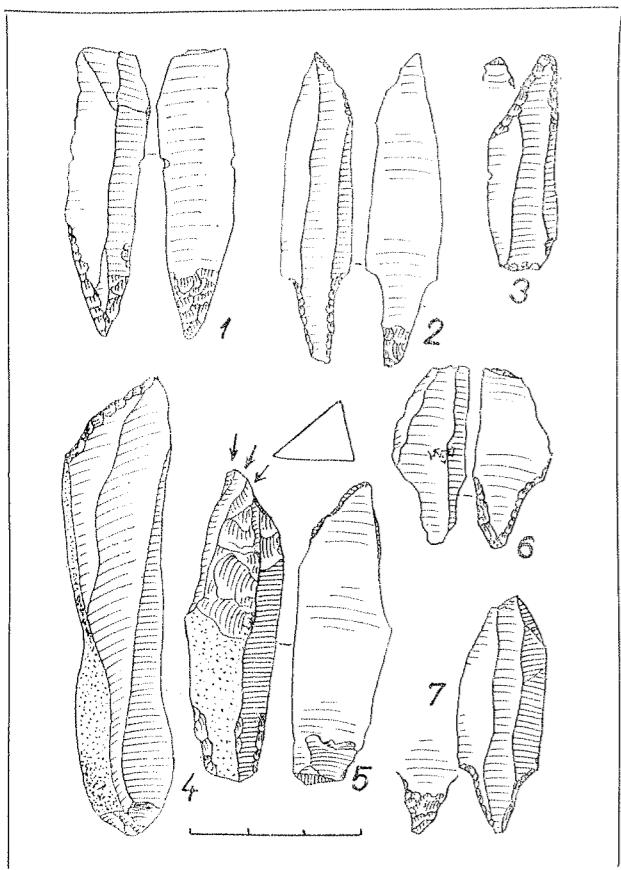

Рис. 77. Орудия стоянки Гирайте

общины со свидерской и аренсбургской культурами рядом не жили), например, в центральной Польше.

В самом конце палеолита или, скорее, уже в начале мезолита, в Польше встречаются свидерские стоянки с ясно выраженным мадленским (аренсбургским) типами изделий. Например, стоянки Станковиче I—IV и др., у Буга, в Подлясьи (Szmit, 1929, табл. 29—40), где обнаружены мелкие аренсбургские наконечники, очень близкие к находкам таких литовских стоянок, как Мяргяярис 3 и др.

Скребки — чаще небольшие, почти округлые, зато имеются клиновидные резцы и двухплощадочные нуклеусы, столь характерные для свидерской культуры. З. Шмит отмечает, что если часть находок, обнаруженных в этих стоянках, можно отнести к палеолиту, то форма большинства их свидетельствует о принадлежности к эпипалеолиту (Szmit, 1929, стр. 107).

В конце палеолита влияние аренсбургской культуры доходит до южных польских областей (возвышенности Малой Польши). Здесь в различных стоянках появляются наконечники, напоминающие мадленские, но имеющие иногда свидерскую ретушь (Kozłowski, L., 1924, табл. 28). Много подобных изделий известно по стоянке Хвалибоговицы¹.

Последние исследования польских стоянок показывают, что аренсбургское влияние наблюдается только в тех из них, которые являются более поздними, чем Свидры Вельке или Пруды А (Schild, 1960, стр. 29). Ярким примером этому может служить стоянка Чихмиана I (Chmielewska, 1957^a, стр. 5—12, табл. I—III), в которой аренсбургских форм еще очень немного. Однако известны и стоянки, существовавшие приблизительно в то же время, как, например, Янушково 12, где аренсбургские формы представлены весьма ощутимо. Такие стоянки считаются моложе плодских, потому что некоторые из найденных в них нуклеусов более близки к нуклеусам, предназначенным для микролитов а сами изделия и отщепы значительно мельче, чем плодские.

Из сказанного следует, что взаимодействие упомянутых двух культур на территории Литвы, а также в других окраинных зонах не было тождественным развитию свидерской культуры в Мазовшанской области. На периферии (в северных областях распространения свидерской культуры), где по соседству обитали племена как со свидерской, так и с аренсбургской культурой, это взаимодействие началось раньше, хотя, вероятнее всего, не в период аллера. По своему расположению на III надпойменной террасе, характеру залегания пластов и типам изделий соответствующие литовские стоянки следует отнести к позднему дриасу. Но только те стоянки, относящиеся к концу дриаса или даже к преобразию (и которые мы причисляем к позднемадленским, подвергшимся влиянию свидерской культуры, например, Мяргяярис 3), представляют параллель таким польским стоянкам, как Станковиче I—IV или Чихмиана I.

¹ Обычно такие стоянки относили к плодской группе свидерской культуры (Krukowski, 1938—1945, стр. 86), но в последнее время они уже выделяются в «зону далеких (западных) влияний» (Schild, 1964^a, стр. 377). В свое время подобные стоянки причислялись к той же свидерской культуре. Л. Козловский даже пытался имя Хвалибоговицкой стоянки дать всей свидерской культуре (Kozłowski, L., 1924, стр. 131—133). Позже название «хвалибоговицкая» стало определением комплекса, содержащего аренсбургский компонент в поздней свидерской культуре (Sawicki, 1933, стр. 18—19; Taute, 1868, стр. 181).

По-видимому, в то же время (к концу позднего дриаса) проявилось некоторое влияние аренсбургской культуры и на припятские стоянки, такие, как Ополь или Береза (Исаенко, 1966, стр. 44, илл. 11). Оно заметно и на

материалах мезолитического верхнего слоя стоянки Гренск (Будько, 1966, илл. 6), хотя в целом гренский инвентарь очень далек от литовских находок: в нем еще жив старый местный субстрат, которого не знала территория Литвы¹.

3. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛИТВЫ

культурных групп в одну цепь развития последовательного в хронологическом отношении.

Такой же сложной была в период аллера и история заселения других приледниковых областей, где рядом жили разные культурные группы. Например, в Западной Европе образовалась своеобразный мадлен горной Германии, кресвельен, шедавиен и др. Несколько вариантов различалось и в плодской культуре: заборетинский, гулинский и др. В зоне Русских равнин также встречаются стоянки, инвентарь и стратиграфия которых показывают, что где-то рядом должны были, по-видимому, существовать общины, употреблявшие иную технику изготовления орудий труда и другие типы изделий.

Группы людей, живших в аллере на территории Литвы, еще почти не знали азильских элементов. Последние являются признаком культур позднего дриаса, усвоенных местными культурами по пути расселения людей. Это — довольно определенный хронологический признак, который в свое время в известном смысле нивелировал культурные группы аллера². Вторым признаком культур позднего дриаса, пожалуй, будет распространение некоторых одинаковых изделий из кости и рога в различных культурных группах, также оказывающие нивелирующее воздействие³.

При установлении хронологии литовских стоянок позднего дриаса и тем самым датировки культур исследуемых групп родовых общин первым критерием был геоморфологический. Мы говорили о расположении стоянок на террасах, об их соотношении с современным уровнем воды, учитывали стратиграфические обстоятельства месторасположения. Попытки связать литовские стоянки с точно датирован-

¹ Имеется в виду территория в современных границах Литовской ССР.

² По наличию азильских (в Польше — тарновских) элементов пытаются датировать некоторые группы мазовшанского цикла (свидерские). Их количество считают хронологическим признаком того или иного периода; высказывается мысль, что они в незначительном количестве появились уже в ранней плодской группе и в большом — в поздней (Schild, 1960, стр. 41—42).

³ Пока, к сожалению, нельзя этого утверждать категорически, так как ни в Литве, ни в других странах мы не знаем палеолитических свидерских стоянок с изделиями из рога и кости. Однако, судя по общей культурной ситуации, такая возможность допустима (Kozłowski, S. K., 1969^a, стр. 120—123) и, несомненно, ее должны будут подтвердить дальнейшие исследования.

ными находками позднего дриаса других стран позволяют заметить, что общие элементы, характерные для широких пространств Европы, проявляются (в различном количестве) также и на территории Литвы. Таким образом, довольно типичной чертой развития культур периода позднего дриаса является отсутствие принципиально новых самобытных культурных групп и в то же время распространение разных культурных элементов среди соседних групп. Эти элементы проникали в Прибалтику иногда из весьма удаленных областей. В первую очередь, мы имеем в виду распространение азиатских элементов. Кроме того, поздний дриас является периодом продвижения к северу макролитических форм орудий.

По своему характеру распространение указанных культурных элементов в позднем дриасе в корне отличается от того, что наблюдалось в аллере, когда на новых местах вдруг появлялись до того неизвестные культуры (что приводит к предположению, что это было следствием переселения отдельных родовых общин, приносивших с собой собственную, уже сформировавшуюся культуру). В позднем же дриасе (или, во всяком случае, в развитой его фазе) из-за сильного похолодания переселение к северу должно было сократиться. В стоянках этого времени значительно чаще повторяются одинаковые культурные комплексы. Приходится думать, что площадь кочевок тогда сузилась. Сохранялись культурные группы, которые можно называть наследием второй половины аллере или начала позднего дриаса. С юга проникали новые элементы культуры, однако без сколько-нибудь значительных перемещений населения. По-видимому, именно с этим и связано появление множества смешанных культур позднего дриаса.

В аллере и позднем дриасе в Восточной Прибалтике выделяются по крайней мере семь крупных культурных групп (3 свидерские и 4 прибалтийско-мадленские), которые допустимо синхронизировать с другими культурами приледниковой Европы соответствующего времени.

Согласно исследованиям, проведенным до сих пор, можно предполагать, что представители различных мадленских культур пришли в восточную Прибалтику с запада по южному берегу Балтийского моря¹. Восточная Прибал-

¹ Выше было отмечено, что в конце палеолита в Литве, как и в других периферийных областях прибалтийско-мадленской культуры, встречаются элементы, корни которых следовало бы искать в культурах периода бёллинга (например, наконечники стрел с выемкой). Это обстоятельство послужило обоснованием предположения, выдвигавшегося некоторыми исследователями палеолита, что корни гамбургской, аренсбургской и других культур следует искать на востоке (Rust, 1944; Ekholm, 1925). По нашему же мнению, учитывая, что между Восточной и Западной Европой лежит область распростра-

тика, включая ныне затопленное южное побережье, принадлежала к основной зоне распространения прибалтийских мадленских культур в аллере и позднем дриасе (рис. 57), оказавших определенное влияние на область свидерской культуры. Это подтверждается хронологией. В области польской свидерской (плунской) культуры влияние северных мадленских культур заметно только в позднем дриасе. Значит, мадленские элементы в польской свидерской культуре (в частности, наконечники широкие, зачастую односторонние, лишенные свидерской ретуши, с явно выделенным черешком) не были унаследованы от старого восточного населения типа Костенок, которое существовало еще до того, как сформировалась сама свидерская культура, а скорее заимствованы от позднего северного или северо-западного мадлена (в первую очередь, культуры Аренсбурга), который появился по соседству только в начале позднего дриаса.

Восточную Прибалтику и южное побережье Балтийского моря объединяют в одну культурную общность также некоторые типы роговых и костяных изделий. Во-первых, это мотыги типа Люнгбю, место появления которых пока не установлено (возможно, что такой центр вообще не существовал); во-вторых, — гарпун. Конечно, гарпун представляет собой широко известное в мадлене изделие, но следует указать, что в Центральной и Восточной Европе западноевропейским гарпунам почти нет аналогий, что, по-видимому, определялось этнографическими особенностями отдельных родовых общин (Замятин, 1960, стр. 84—86).

Культурные группы, представителями которых были родовые общинны, кочевавшие в позднем палеолите по южному побережью Балтийского моря и в Литве, поддерживали между собой некоторые связи и занимали довольно четко очерченную территорию (нисколько, разумеется, это возможно, говоря о палеолите).

Возникает вопрос, какой же характер носила территория кочевок, почему общинны придерживались ее границ и каковы были отношения между отдельными родовыми общинами?

В свое время в археологической науке было распространено мнение, что единственным критерием для решения вопроса о различии культур палеолита и мезолита могут быть лишь конкретные формы хозяйства носителей той или иной культуры, предопределяющие соответствующие формы изделий данной культуры. Таким образом, например, пытались объяснить разницу между инвентарем стоя-

нения свидерской культуры, и сопоставляя культуры периода аллере других территорий, место происхождения прибалтийских мадленских культур следует искать на востоке (Rust, 1944; Ekholm, 1925). По нашему же мнению, учитывая, что между Восточной и Западной Европой лежит область распростра-

нения Причерноморья и равнины средней России (Ефименко, 1953, стр. 603). Однако выяснилось, что в сущности разницы в хозяйстве не было (Замятин, 1951, стр. 133) и что различия в отдельных культурных областях приходится объяснять какими-то другими реально существовавшими отношениями между общинами (Формозов, 1959, стр. 65—66).

Родовые общины палеолита, по-видимому, не были объединены в племена. Экзогамные отношения, наподобие тех, какие мы знаем по Австралии, не требуют объединения, и было бы напрасным искать в позднем палеолите такую категорию, как племя.

Итак, мы должны считаться с этническими особенностями самостоятельных родовых общин. Интересные данные дает наблюдение за величиной и характером литовских палеолитических стоянок. Величина стоянки, количество скоплений, а также возвращение на старое место, оставленное родственными общинами, или поиск новых мест — все это зависело не от того, какое животное было основным объектом охоты, не от способа охоты за ним (кстати, носители всех позднепалеолитических культур охотились на одних и тех же животных позднего ледникового периода), а от обычая отдельных общин.

Однако здесь приходится усматривать и другие конкретные исторические явления. Большие стоянки со множеством отдельных скоплений говорят о том, что люди, останавливавшиеся здесь, не приходили откуда-то издалека, а кочевали поблизости, на ограниченном пространстве, представляя в известном смысле постоянное местное население. Все большие стоянки оставлены носителями свидерской культуры (Эйгуляй I, Скаруляй, Пувочай, Глинас I, Мяркине и др.). Пока что не обнаружено ни одной мадленской стоянки, которая занимала бы значительную площадь и имела бы много скоплений (за исключением стоянок Вильнюс). Как правило, все они маленькие. Правда, встречаются также и небольшие свидерские стоянки II группы, однако их немного. Поэтому кажется, что маленькие мадленские стоянки, имевшие одно скопление, принадлежали небольшим родовым общинам, откочевавшим далеко от основного места своего обитания и не стремившимся вернуться. На таких стоянках культурный слой не сохранялся, но инвентарь оставался чистым, без иностранных примесей.

Кочевая жизнь в палеолите не могла носить повсюду одинаковый характер. Обычай жить большими родовыми общинами часто сохранялся в тех культурах, которые развивались на почве поздних культур охотников за мамонтами. Такой была свидерская культура, возникшая на основе культуры Новы Млын,

которая, в свою очередь, тесно связана с культурами типа Костенок. Поэтому в Польше, северной Украине и южной Белоруссии свидерские палеолитические стоянки бывали довольно большими. Их жители, передвигаясь, достигали северной границы своего распространения — территории современной Литвы. На Западе стоянки прибалтийского мадлена тоже не были классически маленькими. Люди жили в громадных шалаши и не раз возвращались на удобные для них места. В отдаленную восточную Прибалтику отсюда, наверно, приходили лишь отдельные семейства — более подвижные, чем родовые общины, состоявшие из многих семей.

Характерную разницу между двумя культурами позднего палеолита, существовавшими на территории Литвы, можно усмотреть даже в мастерских, например, в Эйяринасе. В свидерских мастерских часто обнаруживаются правильные длинные пластинки наряду с заключенными, но, по-видимому, чем-то не удовлетворявшими мастера наконечниками стрел. Тут же лежат заготовки для скребков, много резцов. Все это может являться доказательством того, что люди здесь жили длительное время и занимались, в частности, изготовлением орудий труда. В мадленских же мастерских чувствуется какая-то торопливость. Ни в одной из них нет правильных пластин-заготовок. Оставлены только ни на что не пригодные отщепы. Очень мало законченных изделий. Создается впечатление, что здесь на месте вообще почти ничего не производилось, и сырье уносились в виде заготовок — ножевидных пластин.

Может быть, именно потому, что в аллере носители свидерской культуры были в восточной Прибалтике, так сказать, местными постоянными жителями (постепенно продвигавшимися на север), жившими большими общинами, они и оказывали столь значительное влияние на маленькие группы носителей мадленских культур, истинных кочевников. И только много времени спустя, в позднем дриасе, носители мадленских культур стали оказывать какое-то ощущимое влияние на своих соседей, так как уже более или менее здесь обжились.

На взаимообщение родовых общин влили известным образом и природные условия. Наибольшую неоднородность инвентаря мы наблюдаем в стоянках аллере — начала позднего дриаса. Следует думать, что в сравнительно теплое время отдельные родовые общины приходили сюда издалека и надолго не задерживались. Это характерно в аллере для культур приледниковой Европы, заселенной охотниками на северного оленя, общины которых еще не имели своих определенных охотничьих

IV. МЕЗОЛИТ

угодий. Климат позднего дриаса ограничил дальние походы, невольно заставив людей больше общаться с соседями. Однако этнокультурная область, которую с несколькими вариантами можно проследить уже в аллере, позже не только не изменилась, но стала еще более компактной, хотя многие отдельные культурные группы еще сохранились. Все более четко вырисовывается определенная территория, на которой шло общение между представителями прибалтийского мадлена и свидерской культуры. На севере эта территория занимала всю южную часть Литвы и современную Калининградскую область. Западнее Одера свидерские элементы менее ощутимы (причем

они появились там, без сомнения, вне прямых контактов). На юге свидерская культура достигла Карпат. На востоке она кончается в западном Полесьи и западной Белоруссии. Носители свидерской культуры, ушедшие в палеолите дальше к востоку, встретились с местным населением, имевшим иное этническое происхождение, и на этой основе образовался особый этнокультурный вариант — Свидеро-Гренская культура.

Первое этнокультурное объединение, хотя и не очерченное еще с достаточной точностью географически, заложило основу для будущего формирования культурно-этнических групп.

1. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Верхней хронологической границей палеолита в Средней и Северной Европе большинство археологов считают рубеж между поздним дриасом и преобреалем. Значительные климатические и геоморфологические изменения существенно повлияли на образ жизни первобытных людей и создали условия для новых культурных движений, положив начало эпохе мезолита (Clark, 1964, стр. 72; Schwabedissen, 1964, стр. 384—385).

В палеоклиматическом отношении мезолит можно разделить на три периода: преобреальный, бореальный и атлантический.

В преобреальном периоде в котловине Балтийского моря произошли большие изменения. Когда ледник отступил из средней Швеции, через образовавшуюся протоку Балтийское приледниковое озеро соединилось с океаном, превратившись в соленое Иольдиевое море (рис. 78).

Уровень Иольдиевого моря был на несколько десятков метров ниже современного, а береговая линия его находилась значительно западнее теперешней. Об этом свидетельствуют находки субаквальных отложений Иольдиевого моря в 30-метровых скважинах на Курской косе.

По геоморфологическим и радиоуглеродным данным, Иольдиево море существовало приблизительно в промежутке между 8000 г. и 7500—7000 гг. до н. э.¹

¹ П. М. Долуханов, суммируя данные Нильсона, Хицумы, Саурамо, датирует период Иольдиевого моря между 8000 и 7500 гг. до н. э. (Долуханов, 1963, стр. 63). По радиоуглеродным измерениям, проведенным в Скандинавии, Э. Фром датирует вторжение соленой океанской воды в пресное Балтийское озеро 8350 г. до н. э. (Fromin, 1963, стр. 49—50, табл. I). М. Саурамо (Sauramo, 1955, стр. 9) и Г. Гросс (Gross, 1958, стр. 85) относят период Иольдиевого моря к 7900—7200 гг. до н. э.

В преобреальном периоде в бассейне Немана произошло третье значительное углубление русла. Наиболее ясно оно выражено только

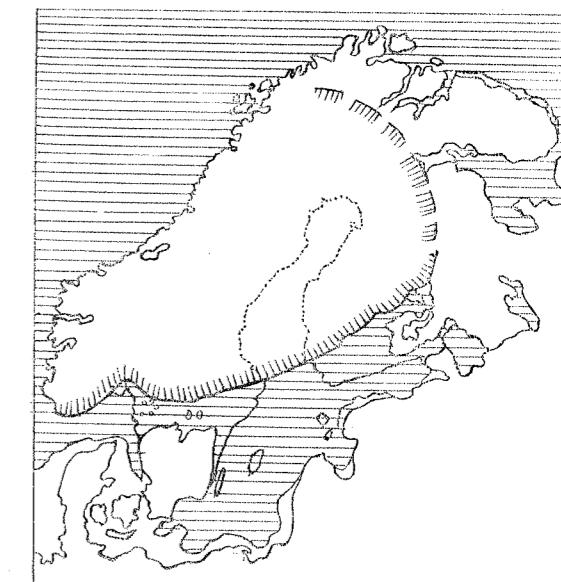

Рис. 78. Иольдиево море (по М. Саурамо)

в низовьях. Выше по течению можно обнаружить лишь боковые перемещения русла. Считается, что к тому времени уже был приподнят базис эрозии, достигший наивысшего уровня в субатлантическом периоде (Басаликас, 1961, стр. 224).

Спад уровня Балтийского моря и углубление низовий Немана определили дальнейшее формирование речных террас. Именно в тот период сформировалась первая надпойменная терраса Немана (Басаликас, 1955, стр. 47; Vasalykas, 1955). Перемещения русла, как и сы-

рой холодный климат, делали новые берега рек далеко не всегда удобными для заселения.

Иное положение было на берегах озер. Потепление климата (по сравнению с поздним дриасом) привело к окончательному исчезновению погребенных глыб мертвого льда. В пребореальном периоде отмечаются резкие изменения уровня некоторых озер¹.

Климат постепенно становился все теплее. Ледники быстро таяли, отступая каждый год на несколько сот метров (Шварцбах, 1955,

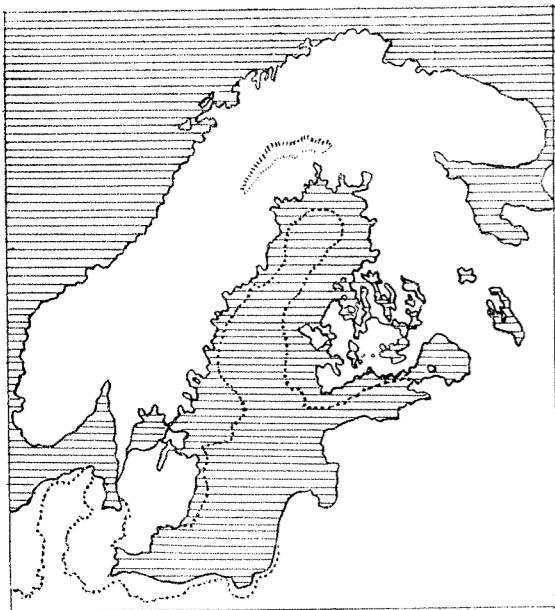

Рис. 79. Анциловое озеро (по М. Саурамо)

стр. 200). В диаграммах анализа пыльцы литовских торфяников значительно возрастает доля деревьев, в особенности березы. В конце пребореального периода увеличивается роль сосны, а также орешника и других широколистевых деревьев (Gudelis, 1958, стр. 87; Гуделис, 1961, стр. 479; Kabailienė, 1959, стр. 480—481).

К концу существования Иольдиевого моря в восточной Прибалтике исчез северный олень, но фауна пополнилась представителями лесной зоны. Иольдиевый период развития Балтийского моря заканчивается отступлением ледников из средней Швеции и поднятием среднешведского порога, отгородившего от океана пресноводное Анциловое озеро. Льды сохранились

¹ Например, на территории теперешней Калининградской области, в озерах Астравишки и Опшруты, в то время сильно упала вода, образовались острова, поросшие затем ивой и обжитые, на что указывают очаги, относящиеся к иольдиевому периоду (Gross, 1937^a, стр. 154; 1958, стр. 153).

только на северной окраине Швеции (рис. 79).

Геоморфологические и климатические факторы действовали так, что стоянки времени Иольдиевого моря мы находим расположеными сравнительно низко по отношению к современному уровню вод. Между топографией стоянок позднего дриаса и иольдиевого периода существует большое различие. Однако выше мы упоминали, что общие условия еще далеко не всегда были благоприятны для заселения берегов рек. Правда, стоянки времен Иольдиевого моря обычно встречаются на первой террасе, но в значительном отдалении от берега реки, у подножья второй террасы. Такая ситуация характерна для всех эннаплеолитических стоянок, о которых пойдет речь ниже (рис. 80). К речному берегу первой надпойменной террасы стоянки приблизились только во время Анцилового озера. Месторасположение стоянок на границе первой и второй террас является одним из основных признаков при проведении грани между стоянками позднего дриаса и пребореала.

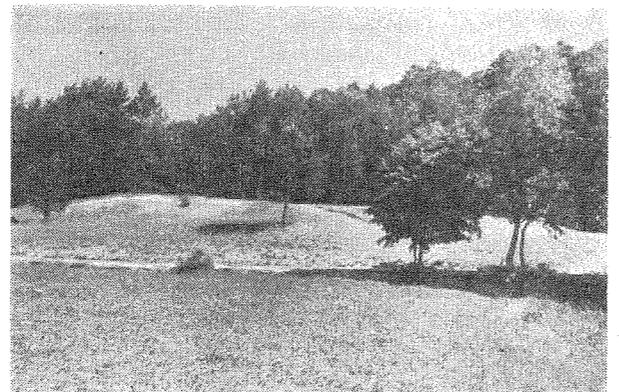

Рис. 80. Вид раннемезолитической стоянки Бруде

Береговые границы Анцилового озера по всей Прибалтике значительно отличались от прежних очертаний. На севере наблюдалось заметное изостатическое поднятие земли, в результате чего берега Анцилового озера оказались на 200 м выше современного уровня моря, а в Эстонии и на Готланде — на 45 м (Серебряный, 1961, стр. 188). В южной Прибалтике берега Анцилового озера, наоборот, не сохранились, потому что оказались примерно на 3 м ниже современного уровня моря (Gudelis, 1955; Гуделис, 1957, стр. 168; 1961, стр. 482). На месте нынешнего Куршского залива в то время еще была суши. Глубоко в море вдавалася южный и юго-западный берега Балтики со всеми островами Датского архипелага (Gudelis, 1958, илл. 29:11; Серебряный, 1961, илл. 2). Как уже упоминалось, на берегах рек Неман,

Рис. 81. Вид раннемезолитической стоянки Паштува

Нярис и др. во время Анцилового озера уже существовала первая надпойменная терраса (Basalykas, 1955) и формировалась пойма.

В соответствующих пыльцевых диаграммах отложений бореального возраста кривая сосны достигает своей вершины, резко поднимается кривая орешника, быстро достигающая своей наивысшей точки (до 92% и выше), больше становится пыльцы широколистенных — липы и вяза. Однако растительный покров в целом был еще относительно слаб, процессы денудации и эрозии шли с большой интенсивностью (Гуделис, 1961, стр. 482—483). Все это показывает, что климат во время Анцилового озера был бореальным; это ранний период потепления (Шварцбах, 1955, стр. 202).

Во время Анцилового озера первая надпойменная терраса заселялась уже повсеместно. Так как человек стремился расположиться поближе к воде, то стоянки этого времени мы находим на самом речном берегу (рис. 81). В конце периода в пресноводное Анциловое озеро вновь врываются соленые воды океана. Поэтому некоторые геологи наряду с Анциловым озером выделяют также Мастоглоевое море; однако оно не оставило какого-либо четко определенного наследства и его трудно датировать в хронологическом отношении (Fromm, 1963, стр. 50).

В начальной стадии Литоринового моря уровень воды оставался невысоким (рис. 82). Даже во время I литориновой трансгрессии он был на несколько метров ниже современного, и это не могло не отразиться на положении стоянок. Во время V пыльцевой зоны, то есть приблизительно в середине V тысячелетия до н. э. (между 6350 ± 240 и 6750 ± 140 лет назад, по К. Шулия, 1967, стр. 232), на побережье Литвы имела место вторая максимальная литориновая трансгрессия. Уровень моря был на

несколько метров выше современного и под водой оказалась часть теперешней прибрежной территории.

Климат стал атлантическим — морским: лето — теплым и сырым, зима — мягкой. Начало атлантического периода выделяется довольно отчетливо. Этот период, охватывающий промежуток между 6000 и 3000—2000 гг. до н. э. (Шварцбах, 1955, стр. 202; Долуханов, 1963, стр. 68; Шулия и др., 1967, стр. 232), — наивысшее потепление послеледникового климата, когда средняя годовая температура превышала современную на 2—3°, а вегетативный период растений был на 3—4 недели дольше нынешнего. В Литве в то время широко распространялись широколистственные леса (Gudelis, 1957; Kabailienė, 1959, стр. 481).

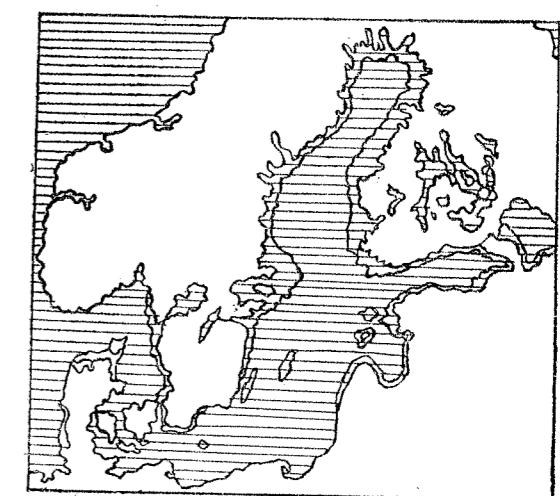

Рис. 82. Литориновое море

В атлантическом периоде окончательно сформировались поймы рек Неман и Нярис (Гуделис, 1961, стр. 485). На их создание оказали влияние значительный спад уровня моря и сдвиги земной коры. Во второй половине периода уровень воды установился близким к современному, земная кора стала подниматься, море отступило.

В это время начала формироваться Курская коса, которую покрыли параболические дюны, поросшие затем широколистенным лесом (Gudelis, 1953; Гуделис, 1961, стр. 483).

Суммируя данные о геоморфологических и климатических сдвигах, можно теоретически определить периоды, к которым относятся стоянки, расположенные на той или иной высоте по отношению к современному уровню воды. Целый ряд соответствующих исходных точек позволяет свести топографию стоянок в хронологическую систему.

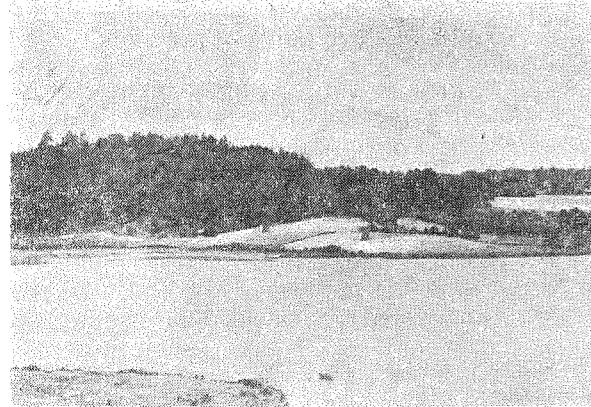

Рис. 83. Вид позднемезолитической стоянки у р. Зансе I

Первый промежуток — от конца позднего дриаса до того времени, когда сформировалась пойма. Он охватывает время Ильдневого моря и Анцилового озера (в климатическом отношении — пребореаль и бореаль). Стоянки располагались на первой надпойменной террасе рек и озер.

В свою очередь, первый промежуток можно разделить на две части: вначале (время Ильдневого моря) стоянки находились далеко от современного речного берега, а в конце (время Анцилового озера) — на самом краю первой надпойменной террасы. При переходе от анцилового к литориновому периоду стали заселяться и возвышения самой поймы.

Второй промежуток — короткий, но в развитии топографии стоянок очень яркий. Это время максимальной литориновой трансгрессии (середина V тысячелетия до н. э.), когда берега рек и озер оказались под водой, став непригодными для заселения, и жители отступили на более высокие террасы (II и III надпойменные) (рис. 83).

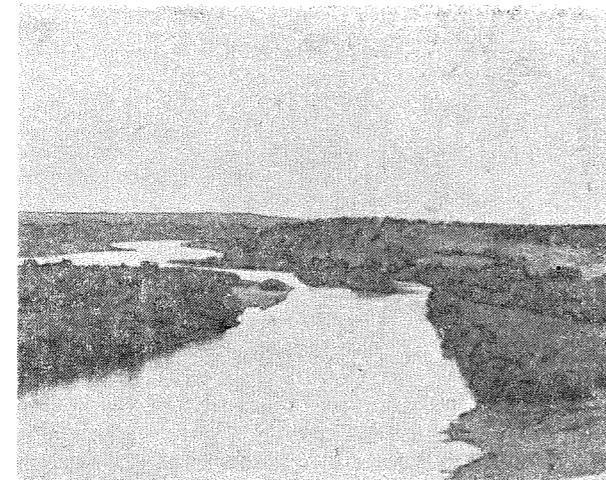

Рис. 84. Вид палеолитических и мезолитических стоянок у пос. Миркинис. На первом плане — стоянка Миркинис I, слева за р. Неман — Йонёниш, гора на заднем плане — Максимонис I.

Из сказанного следует вывод, что в силу действия геоморфологических и климатических изменений мы не можем надеяться обнаружить на территории современной Литвы в одном стратиграфическом разрезе культурные слои всех периодов мезолита. Во всех исследованных стоянках культурный слой мезолита (20—50 см) представляет собой довольно сильно ортштейнированный песок, лежащий на белом песке и покрытый слоем ископаемой почвы. Это ясно видно в стоянках, расположенных на первой террасе и на пойме (рис. 111), а также в тех, которые во время максимальной литориновой трансгрессии возникли на второй и третьей террасах (рис. 118).

2. СУДЬБЫ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ПОСЛЕЛЕДНИКОВОМ ПЕРИОДЕ

а) Эпипалеолитические стоянки в Литве

В течение длинного периода, охватывающего поздний дриас и пребореаль, развитие культуры каменного века в восточной Прибалтике шло без существенных внешних влияний. В пребореале, однако, наблюдалось некоторое своеобразие, заставляющее выделить отдельную культурно-хронологическую группу — эпипалеолитическую, — связанную своими корнями с местным палеолитом (несколько позже в изучаемую территорию вольются новые — мезолитические группы).

Третий промежуток — это период после трансгрессии, когда стоянки вновь спустились вниз, на пойму, но уже не приближались к самому берегу, как это бывало в начале атлантического периода (рис. 84).

Таким образом, в настоящем разделе речь пойдет о тех стоянках, которые в культурном отношении являются прямым продолжением палеолитических. В них пока еще не видно новых — мезолитических черт, хотя возможно, что по времени они могли существовать параллельно с некоторыми мезолитическими стоянками.

Топография эпипалеолитических стоянок одинакова. Равнозначны они и по основным типам изделий, сохрания, однако, специфические местные особенности. Иногда эти стоянки отличаются от палеолитических только тем, что располагаются на первой надпойменной

кой. К северу от деревни Вечюнай, между Неманом и впадающим в него ручьем, на правом их берегу находится поле площадью 200×100 м. Здесь видны перемешанные слои первой надпойменной террасы: коричневатый песок и ископаемая почва. Вся площадь приподнята на 8 м над современным уровнем воды. В стоянке механически перемешаны находки раннего мезолита (эпипалеолита) и позднего неолита. Посередине выделялось небольшое скопление раний стоянки, в котором обнаружены основные эпипалеолитические находки. Кроме того, имеются единичные разбросанные изделия.

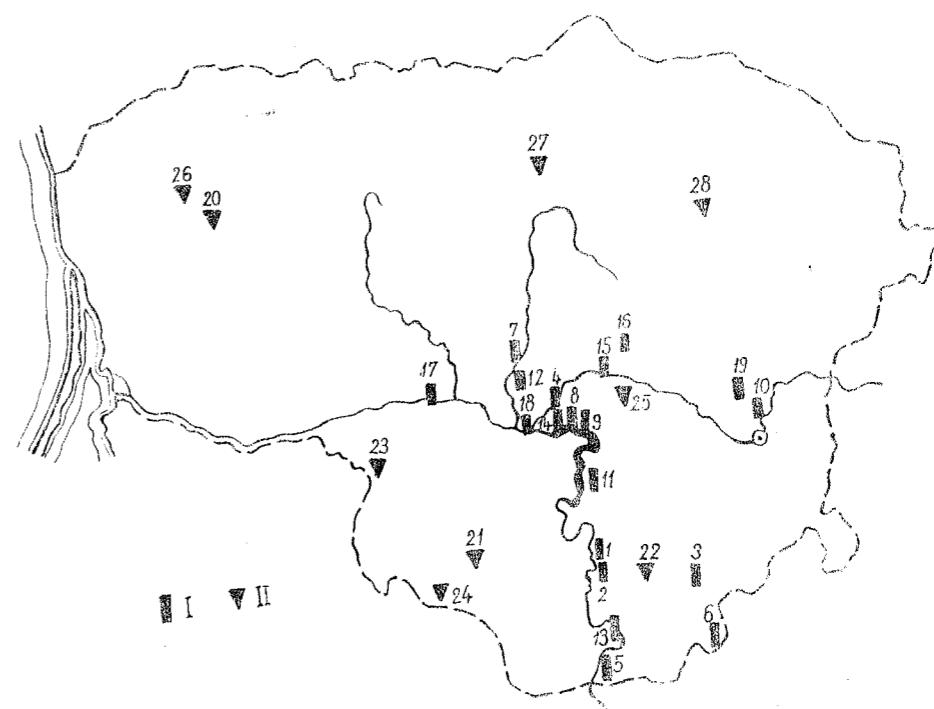

Рис. 85. Распространение эпипалеолитических стоянок в Литве.
I — стоянки с кремневыми орудиями: 1. Алитус, 2. Балкасадис, 3. р. Бяржунис, 4. Драсейкий, 5. Друскининкай, 6. Дубичай, 7. Граужай, 8. Якштонис, 9. Капитонишкес, 10. Крижёйай, 11. Лапайнай, 12. Пакайай, 13. Памяркинис, 14. Радикай, 15. Салиянинай, 16. Самантонис, 17. Велиона, 18. Вярштай, 19. Жалёй. II — костяные-роговые орудия эпипалеолитического типа, упомянутые в тексте: 20. Альседжай, 21. Балсупай, 22. Вукаучишикес, 23. Юнишкай, 24. Камишай (р. Кирсна), 25. Паломине, 26. Платяйай, 27. Пумпенай (р. Истра), 28. Сведасай (р. Яра)

террасе в отдалении от современного берега. Зачастую они размыты или подверглись сильному выветриванию; культурный слой сохранился в редких случаях.

Распространены стоянки очень широко. Значительное число их обнаружено на юго-востоке Литвы, они встречаются и в средней части территории республики, почти до самых северных ее границ (рис. 85).

На юге Литвы хорошим примером эпипалеолита может служить стоянка Вечюнай 2 (Варенский р-н), неподалеку от г. Друскинин-

скими. Основными эпипалеолитическими типами изделий стоянки Вечюнай 2 являются свидерские наконечники стрел. Все они широкие и довольно короткие, с явно выделенным узким черешком, слабо ретушированным с брюшком. Кроме того, обнаружено одно шило со свидерской ретушью, короткие широкие и почти округлые скребки, угловые резцы, много широких ножевидных пластин.

В окрестностях Друскининкай достойно упоминания несколько отдельных стоянок-скоплений у озера Мяльниче (Варенский р-н).

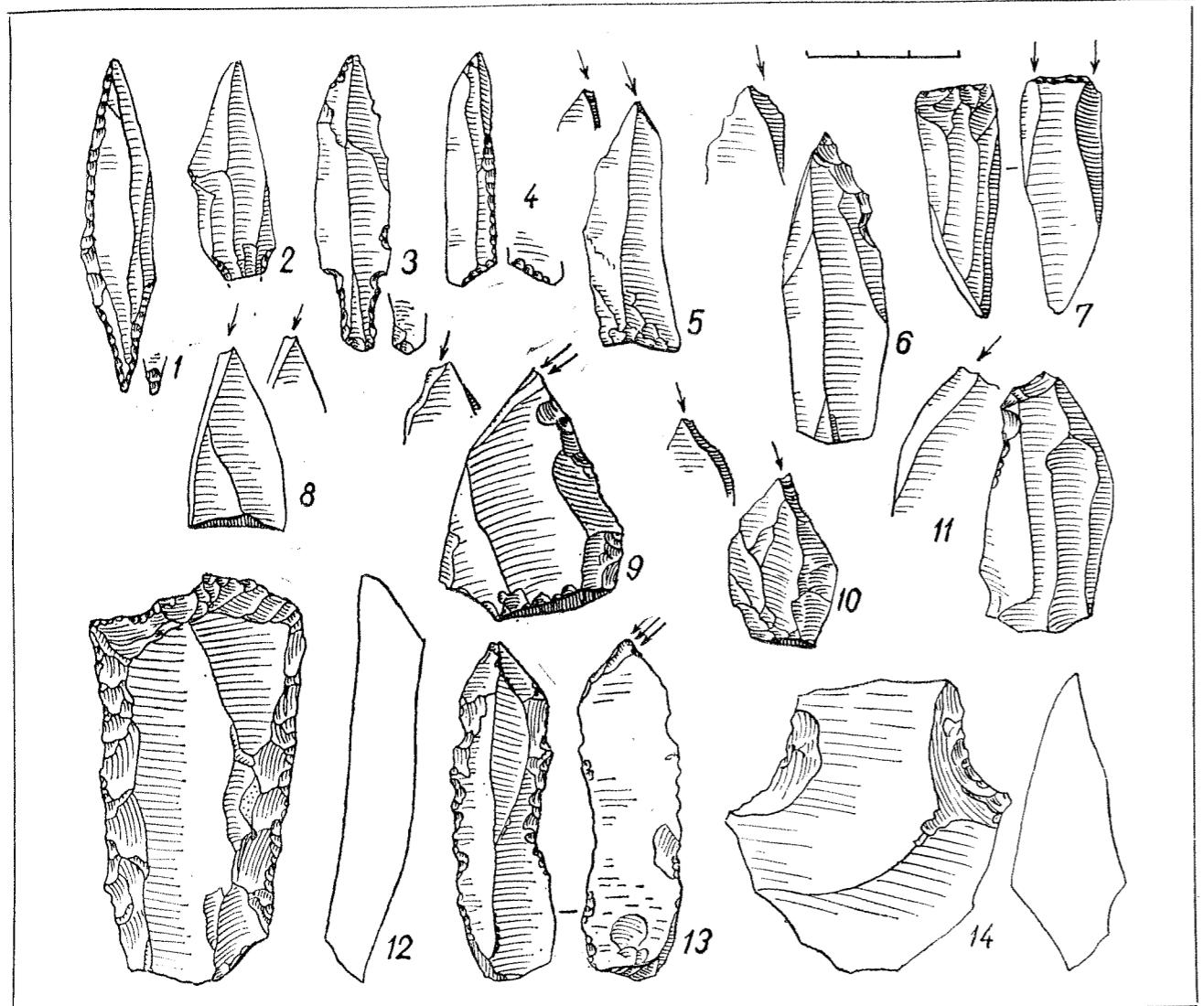

Рис. 86. Орудия стоянки Памяркине

В небольшом скоплении «а», обнаруженном на лугу у ручья, найдено два массивных остряя, шесть разных (длинных и коротких) резцов и 9 довольно крупных и коротких скребков. Комплекс дополняется широкими пластинами с косо ретушированными концами, а также другими ретушированными пластинами и отщепами.

Стоянка Мяльничеле «с» находилась на берегу озера. Среди находок ярко выступает наследие палеолита, однако появляются уже и некоторые мезолитические черты, чему свидетельствует, в частности, один маленький овальный топорик. Прочие находки — это части трех свидерских наконечников, два мадленских наконечника, одно остряе, 7 резцов, 5 маленьких скребков и одно двойное изделие — резец-скребок. Кроме того, найдено 5 скобелей, 8 двухпло-

щадочных плоских нуклеусов, ретушированные пластины и отщепы.

Исходя из того, что скребки относительно мелкие и вместе с ними найден овальный топорик — изделие мезолитического типа, а стоянка находится довольно низко на берегу озера, можно думать, что эпипалеолитические стоянки подобного рода могли существовать тогда, когда по соседству уже жили носители микролито-макролитической культуры, оказавшие некоторое влияние на более древнее население.

Значительное количество эпипалеолитических стоянок обнаружено севернее, в окрестностях Варены и Мяркине. Напротив поселка Мяркине, на первой левобережной террасе Немана, находилась стоянка Памяркине (Варенский р-н). Она занимала значительную

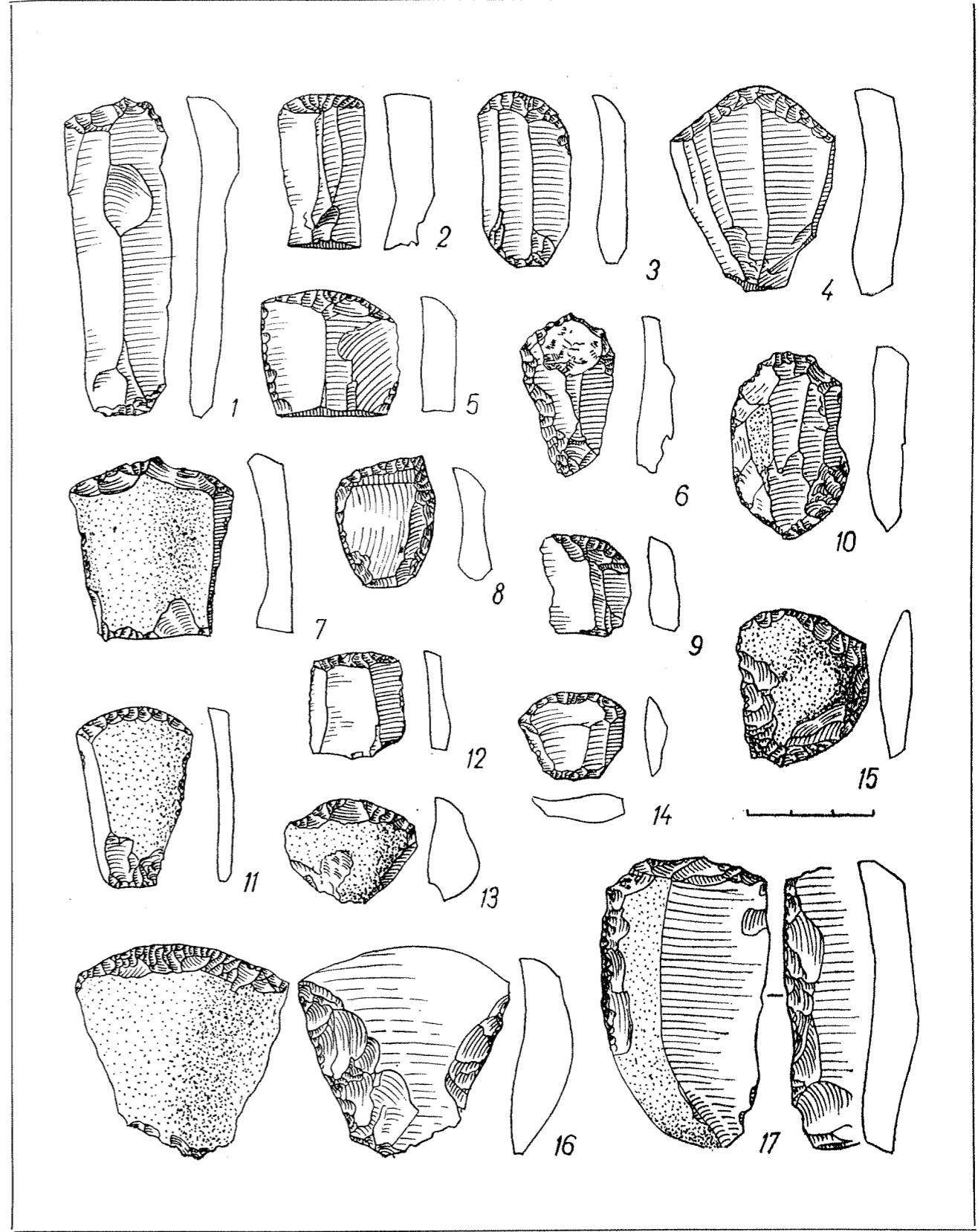

Рис. 87. Скребки стоянки Памяркине

площадь, но была сильно разрушена и слои механически смешаны.

Эпипалеолитические изделия Памяркине отличаются очень тщательной обработкой и крупными размерами (рис. 86, 90). Наконечники стрел соответствуют свидерскому типу, однако почти лишенны плоской ретуши со стороны спинки (рис. 86, 1—3). Они прямые, довольно широкие, с невыделенными, но острыми черешками или с выделенными широкими.

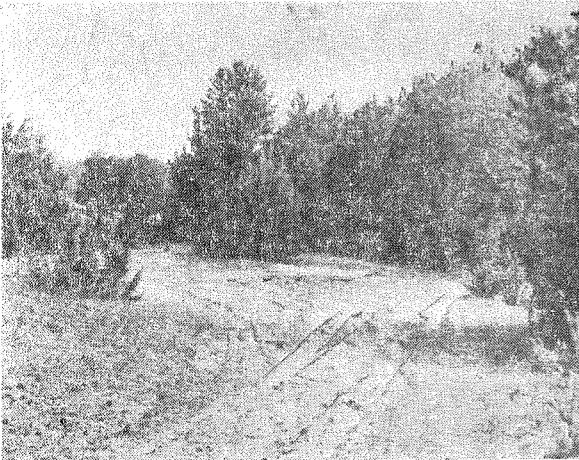

Рис. 88. Вид межозерной стоянки у оз. Глинас

Найдены здесь также ланцетовидные наконечники (рис. 86, 4). Резцы (рис. 86, 5—11, 13) крупные, отчетливые, в большинстве клинообразные, но имеются и изготовленные при помощи ретуши и скальвания. Скребки очень крупные и широкие (рис. 87, 1—17). Среди них имеются и удлиненные, но в большинстве скребки короткие и широкие. Наряду с этим следует отметить, что все нуклеусы, обнаруженные здесь, короткие, в большей части одноплощадочные. Надо сказать и о том, что в Памяркине позже располагалась стоянка ранней группы микролито-макролитической культуры.

Недалеко от Мяркине обнаружена межозерная стоянка Глинас (рис. 88), возникшая на узком перешейке между современным озером и заросшим озерком-торфяником, на небольшой возвышенности первой надпойменной террасы озера. Культурный слой разрушен. Типы изделий очень характерны для эпипалеолита. Среди них — несколько свидерских наконечников и их частей (рис. 89, 1—5); некоторые с невыделенными черешками и, с первого взгляда, очень напоминают палеолитические (рис. 89, 2). Типичным для эпипалеолита является наконечник с выделенным, острым и почти округлым черешком (рис. 89, 1) и длинной ретушью по краю ост-

рия. Некоторые мелкие наконечники (рис. 89, 5) сочетают в себе черты свидерских и мадленских типов. Эпипалеолитические скребки здесь довольно крупные (рис. 89, 8—11), короткие и широкие или продолговатые. Узкая ретушь и форма лезвий говорят за то, что эти скребки уже нельзя причислить к палеолиту. Резцы (рис. 89, 6, 7, 12) же имеют еще

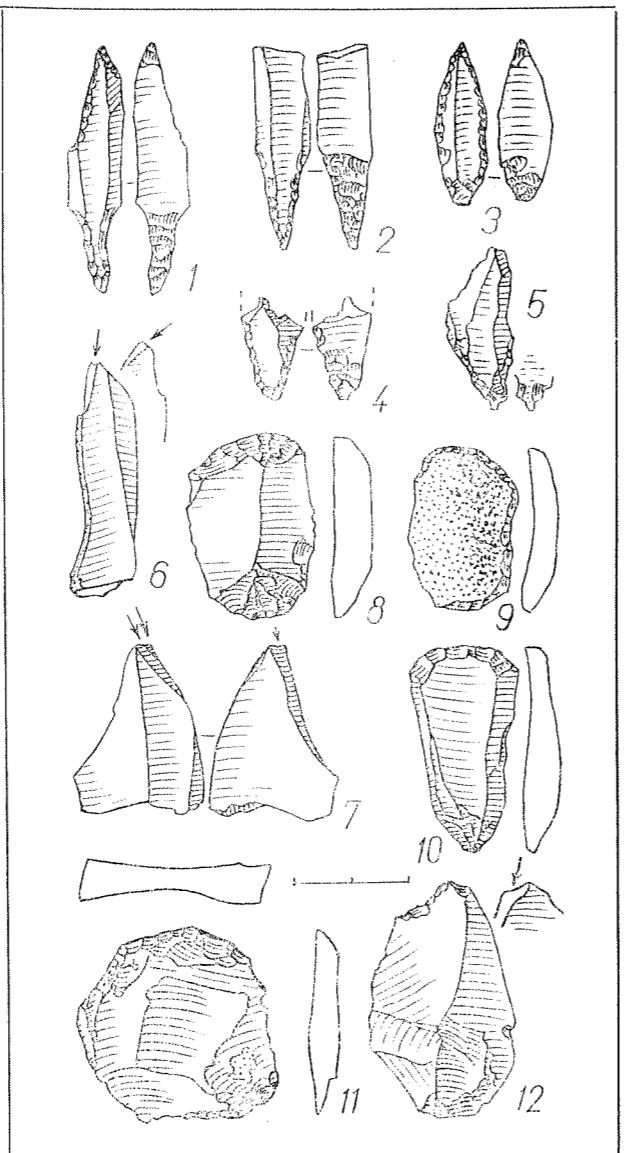

Рис. 89. Орудия межозерной стоянки у оз. Глинас

явно палеолитические формы. Все они — более или менее ясно выражены, клинообразные с ретушью у вершины. Двухплощадочный нуклеус очень близок к палеолитическим. Клинообразное же изделие явно заимствовано из микролито-макролитической культуры.

Эпипалеолитические черты ярко проступают в стоянке Зервинос Зв (Варенский р-н),

расположенной на береговом склоне речки Повильнис, впадающей в р. Ула. Это отдельное скопление, в котором, кроме пластин и отщепов, покрытых патиной, обнаружены три свидерских наконечника: один с острым черешком и длиной ретушью по краю жала, второй — грубой работы, чуть ретушированный с лицевой стороны; от третьего остался

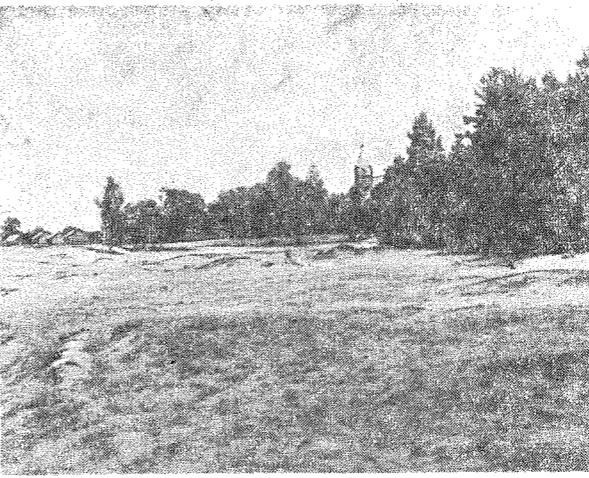

Рис. 90. Вид стоянки Дубичай 2

только черешок, ретушированный с лицевой стороны (Rimantienė, 1964, илл. I, 5, 6). Этую группу дополняет боковой резец. Есть основание полагать, что эпипалеолитические изделия, собранные В. Шукевичем (там же, илл. I, 1—4, 7—10), происходят либо из Зервинос Зв, либо из стоянки той же группы.

У реки Ула (Пелеса) находилась и эпипалеолитическая стоянка Дубичай 2 (Варенский р-н), расположенная на первой надпойменной террасе бывшего озера. Стоянка сильно разрушена (рис. 90), но здесь все же удалось установить следы культурных слоев. Нижний слой состоял из ортштейнированного песка мощностью 20—30 см. Мезолитический инвентарь здесь сохранился без каких-либо примесей. Однако часть его попала в слой ископаемой почвы толщиной в 10—30 см, образовавшийся уже в период культуры шнуровой керамики. На небольшом участке между этими двумя слоями существовал, по-видимому, ныне совершенно разрушенный слой с ранней неолитической керамикой. Все это было покрыто слоем распаханной почвы, в котором подняты отдельные находки каменного и железного веков (рис. 91).

Комплекс находок нижнего слоя Дубичай 2 близок к Максимонису 4 (стр. 118), если не считать различий в наконечниках. И там и здесь большинство составляют ланцетовидные (рис. 92, 4—6) с асимметрично скошенным острием. Иногда наконечники бывают косо ретуширо-

ванными у оснований, напоминая так называемые кривые наконечники (рис. 92, 4). Наряду с такими изделиями встречаются и свидероидные (рис. 92, 1—3).

В кремневом инвентаре еще почти нет признаков микролитизации. Пластины широкие, сильно ретушированные по краям (рис. 92, 8—16). Узкие пластины (рис. 92, 7) встречаются очень редко. Они скальвались, по-видимому, случайно, так как соответствующих нуклеусов здесь нет. Все нуклеусы продолговатые, одноплощадочные, с негативами широких пластин (рис. 93, 6, 8, 9). Большинство скребков — крупные и широкие (рис. 92, 17—21, 27), некоторые почти круглые. Резцы крупные, в большинстве угловые (рис. 92, 22—26, 28—31), изредка попадаются серединные клиновидные. Характерную для этой стоянки часть инвентаря составляют изделия, похожие на скребки (рис. 92, 11, 12, 15), с широко ретушированными краями, а иногда — с острым углом на вершине. Такой же ретушью обработаны широкие пластины и отщепы, использовавшиеся, надо полагать, в качестве ножей.

Среди более крупных изделий здесь встречаются продолговатые ретушеры, представляющие в поперечном сечении трапецию (рис. 93, 3, 4), а также овальные топорики (рис. 93, 1, 2, 5, 10), в большинстве случаев неправильных форм, ретушированные только по бокам и реже — по лезвию.

Судя по расположению находок (рис. 85), таких стоянок в Варенском районе должно было быть довольно много. К сожалению, их топография оказалась неблагоприятной, и это привело к разрушению большинства стоянок.

В юго-западной Литве эпипалеолит представлен несколькими торфяниками, сильно разрушенными стоянками. Одна из них, по-видимому, находилась в Балсупяй (Капуский р-н). В 1903 г. на северной окраине торфяника Галубаляй под двухметровым слоем торфа были обнаружены костяные и каменные изделия, человеческие останки и кости животных; все это было передано музеям¹. В числе находок были часть гарпуна эпипалеолитического типа с двумя редкими зубцами (рис. 100, 2) и часть гарпуна с семью маленькими загнутыми зубчиками. Вместе с ними найдено долото, изготовленное из рога

¹ Судьба находок сложилась крайне неудачно. Часть их, в том числе один гарпун, крестьянин И. Матулявичюс в 1905—1910 гг. передал В. Петарису и Литовскому обществу наук в Вильнюсе. Большинство находок, и среди них костяной кинжал со следами орнамента, не сохранились. Остались только небольшое долото, хранящееся в Историко-этнографическом музее Литовской ССР, и гарпун с мелкими зубчиками — ныне в фондах Каунасского исторического музея (сведения из дневника бывшего Каунасского городского музея, стр. 123).

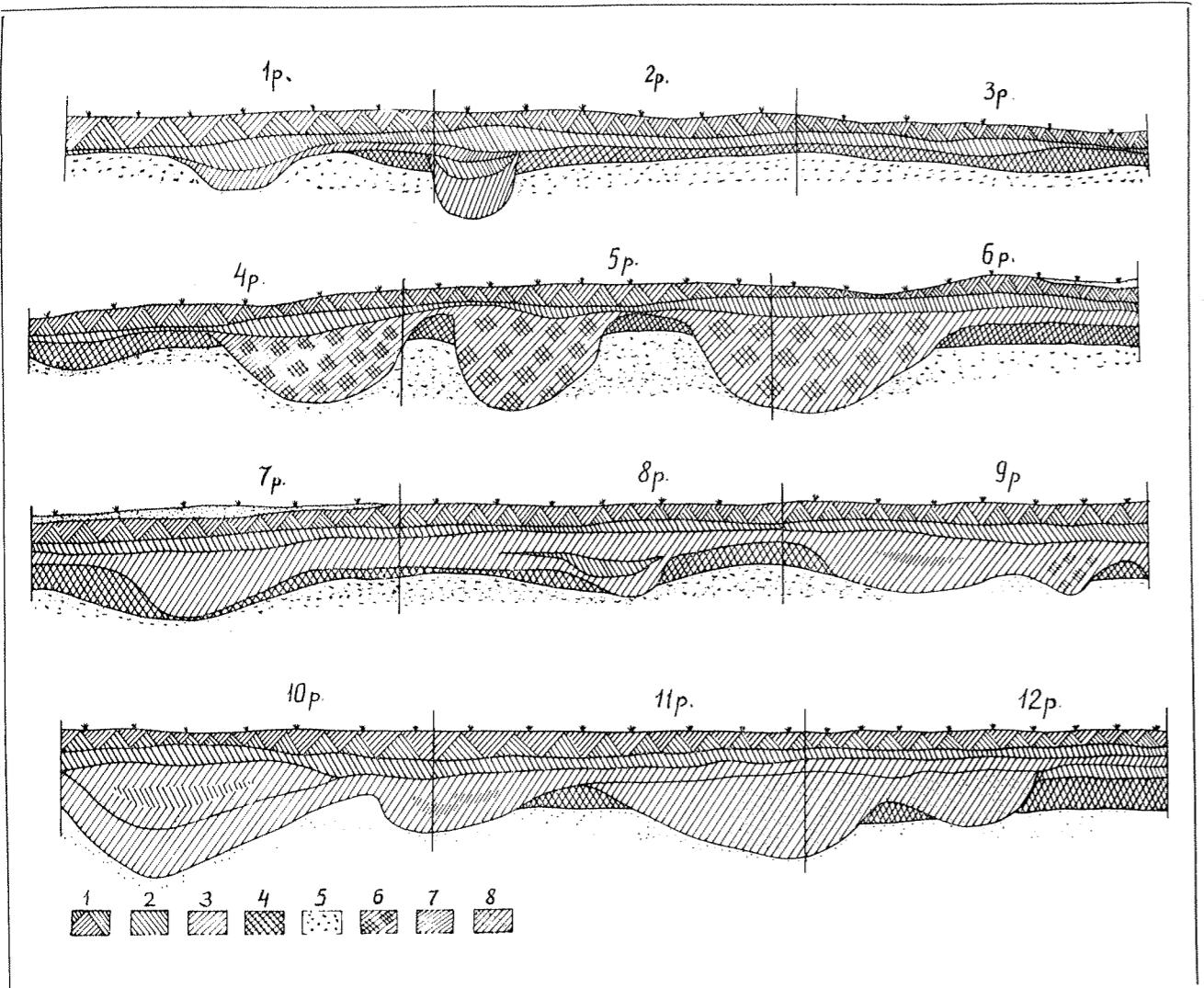

Рис. 91. Разрез и стратиграфия стоянки Дубичай 2:

1 — дерн и перемешанный верхний культурный слой, 2 — мелкозернистый светло-серый песок, 3 — ископаемая почва (средний культурный слой), 4 — железистый песок (нижний культурный слой), 5 — светлый песок, 6 — перемешанный песок — современные ямы, 7 — темный перемешанный песок, 8 — серый песок с органическими остатками

(рис. 101, 1). Записан рассказ местного крестьянина, согласно которому около 1900 г. в торфянике Галубалай были в одном и том же месте обнаружены останки человека и какого-то животного, а между ними — орнаментированный кинжал длиной около полуметра (Ruzinas, 1935^a, стр. 285).

Вторая аналогичная стоянка должна была находиться у р. Кирсна, неподалеку от Камшай (Капсукский р-н). При проведении мелиоративных работ в торфянике, расположенном рядом с речкой (у хутора Якимовичи), на глубине 1,6 м был найден гарпун (рис. 100, 3) с 8 зубцами, изготовленный из рога, и топорик с пробитым отверстием, тоже из рога. Кроме того, в торфе оказалось много костей и рогов разных животных, часть из которых носят

следы надрезов; среди костей — череп щуки. Люди, обнаружившие все это, рассказывали, что там же, в торфянике, находились и кремневые изделия, но ни одно из них в музей не попало. Очень важной находкой здесь была часть черепа человека европеоидного типа (Žilinskas, 1931).

Большинство находок было обнаружено в углублении, вымощенном камнями, недалеко от ключа. Среди них были кости и рога оленя и лося, рога зубра, нижняя челюсть и клык кабана.

Эпипалеолитические стоянки с кремневыми или костяными находками были обнаружены и в центральной Литве. Стоянка Якштонис А (Каунасский р-н), ныне затопленная водохранилищем Каунасской ГЭС, находилась на скло-

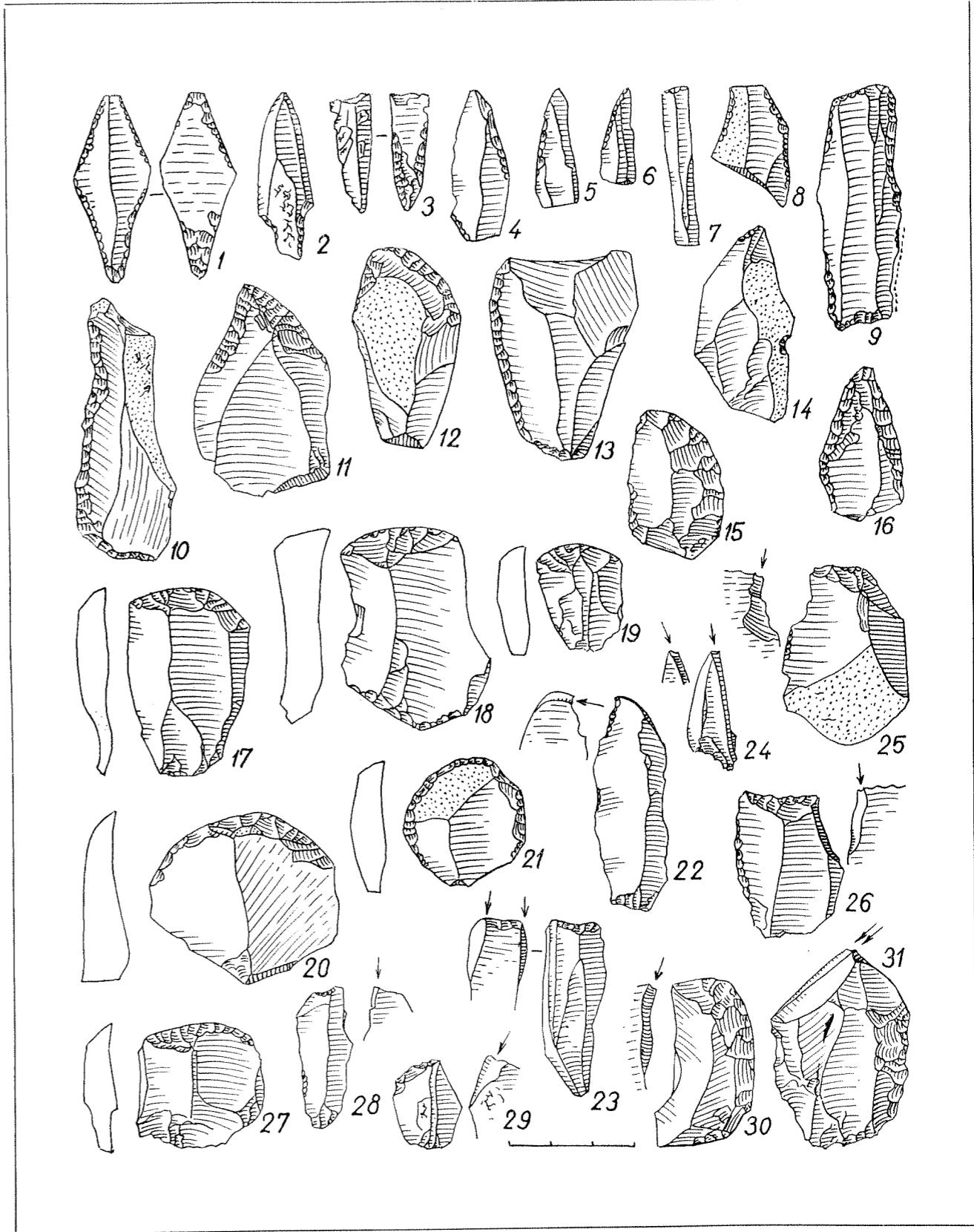

Рис. 92. Наконечники, скребки, резцы и пластинки стоянки Дубичай 2 (нижний культурный слой)

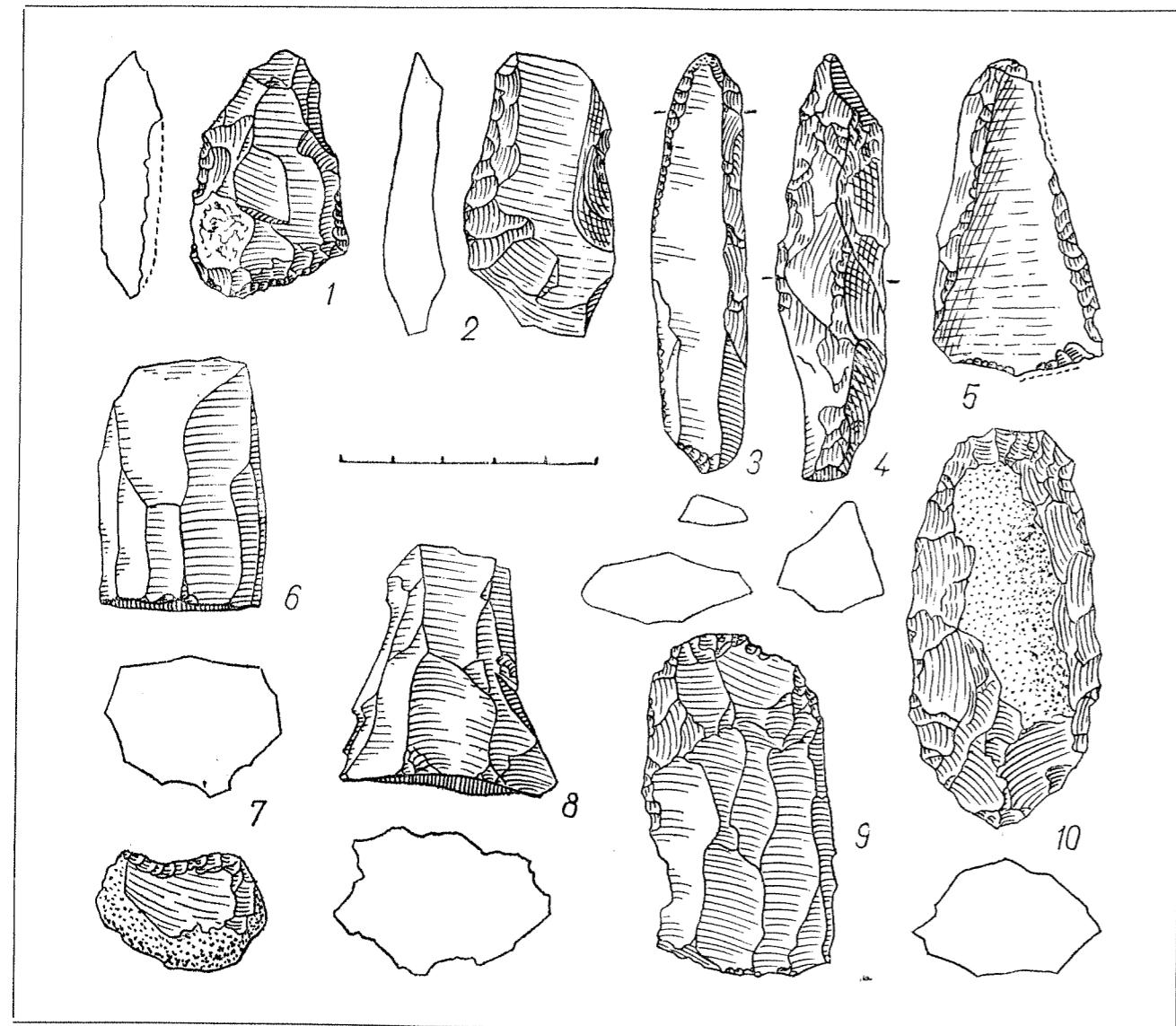

Рис. 93. Крупные орудия и нуклеусы стоянки Дубичай 2 (нижний культурный слой)

не холма, спускавшемся к первой надпойменной террасе Немана, что указывает на ее раннеэпипалеолитический характер. По типам изделий она напоминает междуозерную стоянку Глинас.

Стоянка находилась на мысу между Неманом и речкой Рудмяна. Культурный слой не сохранился. В восточной части, расположенной несколько выше, найдены кремни, лежащие на глубине 1 м от поверхности земли. Почти все изделия (рис. 94) покрыты толстой голубой или белой патиной. Большая часть изделий изготовлена из неровных широких пластин. Найден лишь один узкий, толстый, острый черешок наконечника (рис. 94, 1). Скребки — довольно крупные, с округлым лезвием (рис. 94, 3—7). Однако резцы имеют еще

явно палеолитические формы (рис. 94, 8—11). Обнаружены также двухплощадочные нуклеусы, но большинство их — неправильные, близкие к конусообразным. Среди находок значительное количество отщепов и пластин со слабыми следами ретуши (рис. 94, 2, 12).

Более поздняя, чем Якштонис, стоянка Драсейкий (Каунасский р-н) расположена на правом берегу р. Нярис, почти напротив с. Турженай, на первой надпойменной террасе, там, где она расширяется до 2 км. Стоянка отстоит на 650 м от современного берега и занимает пески площадью 50×70 м. Культурный слой не сохранился. Ранние находки в некоторых местах перемешаны с изделиями позднего неолита или начала бронзового века. Ранние изделия явно выделяются не только типо-

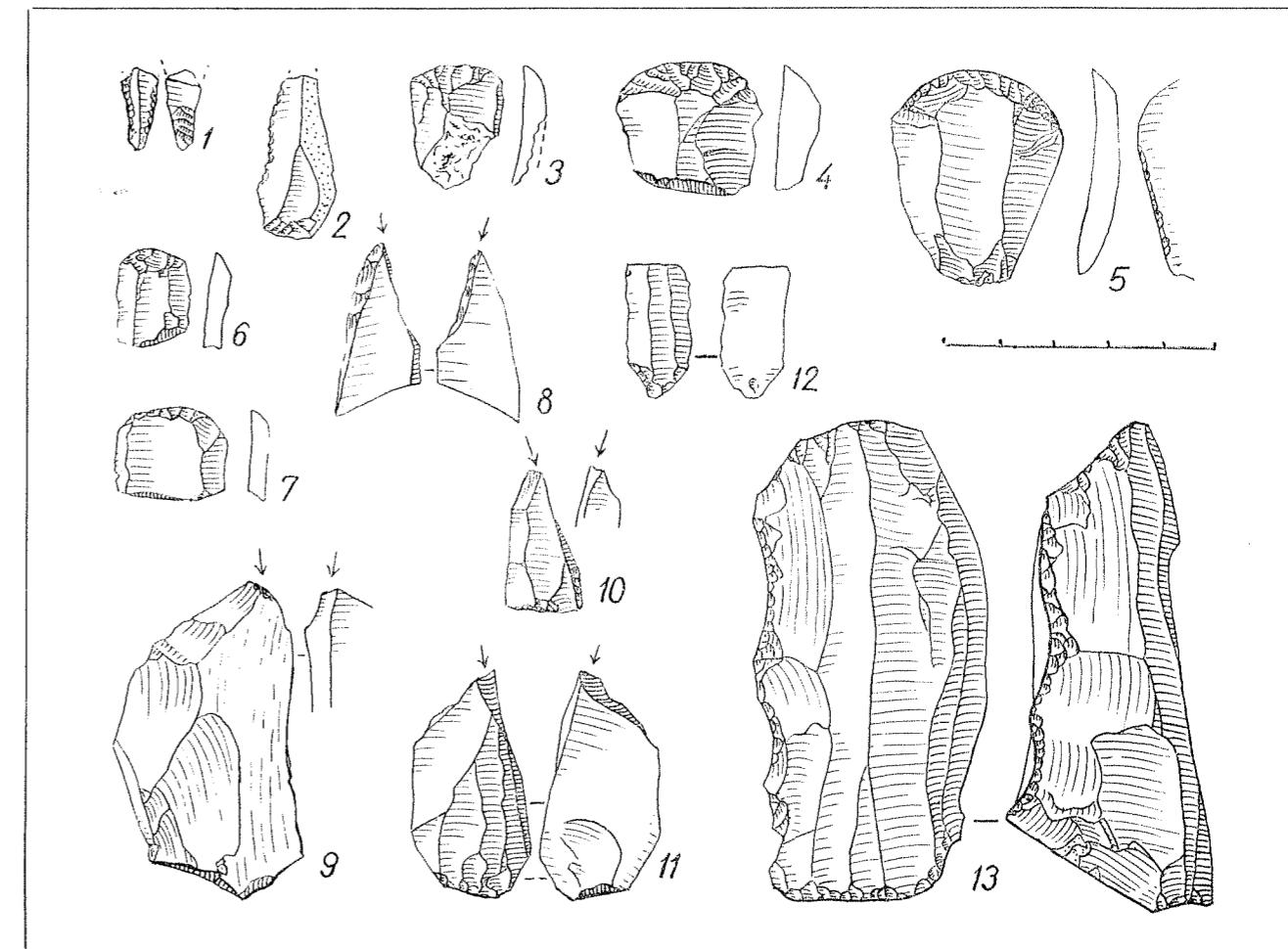

Рис. 94. Орудия стоянки Якштонис

логически, но и по наличию толстой синевато-белой патины, которой более поздние изделия лишены.

Наконечники стрел раннего комплекса стоянки Драсейкий очень разнообразны: встречаются прибалтийско-мадленские (рис. 95, 1), затем с сочетанием свидерских и мадленских черт (рис. 95, 2—7) и, наконец, свидерские наконечники тщательной работы (рис. 95, 8, 9, 14). К данному комплексу относится также, судя по способу изготовления и патине, единственная известная в Литве трапеция этого типа (рис. 95, 13). Очевидно, что наконечники заменились пластинами с заостренными ретушированными остриями (рис. 95, 10, 11, 15, 18, 19).

Среди мезолитических ретушированных изделий (учитывая и ретушированные кусочки кремня неопределенных форм и такие же отщепы) скребки составляют более трети. Удлиненных среди них немного (рис. 96, 1—6). Большинство — довольно крупные, сделанные из толстых отщепов или частей пластин, корот-

кие, широкие, даже округлые (рис. 96, 8—19). Лезвия у всех правильно выгнутые. Обнаружено также одно комбинированное орудие (скребок-проколка) (рис. 96, 7). Значительную часть инвентаря составляют резцы. Среди них больше всего боковых и угловых (рис. 95, 16, 17, 20—25), многие представляют собой тип скобля-резца (рис. 95, 17, 25).

Крупных изделий здесь немного. Среди них наиболее интересным представляется изделие из крупного куска, отбитого от нуклеуса, с ретушью по краям. Большинство нуклеусов — неправильной формы (рис. 95, 24).

Очень сходная с Драсейкий стоянка — Салянинкай 2 (Ионавский р-н) обнаружена несколько северо-восточнее, тоже на правом берегу р. Нярис, у деревни Салянинкай, между I и II надпойменными террасами. Здесь обнаружен наконечник, близкий к мадленским (рис. 97, 1), и несколько ретушированная заостренная пластинка, видимо, выполнившая роль наконечника (рис. 97, 2). Почти все скребки — короткие или округлые (рис. 97, 6—12),

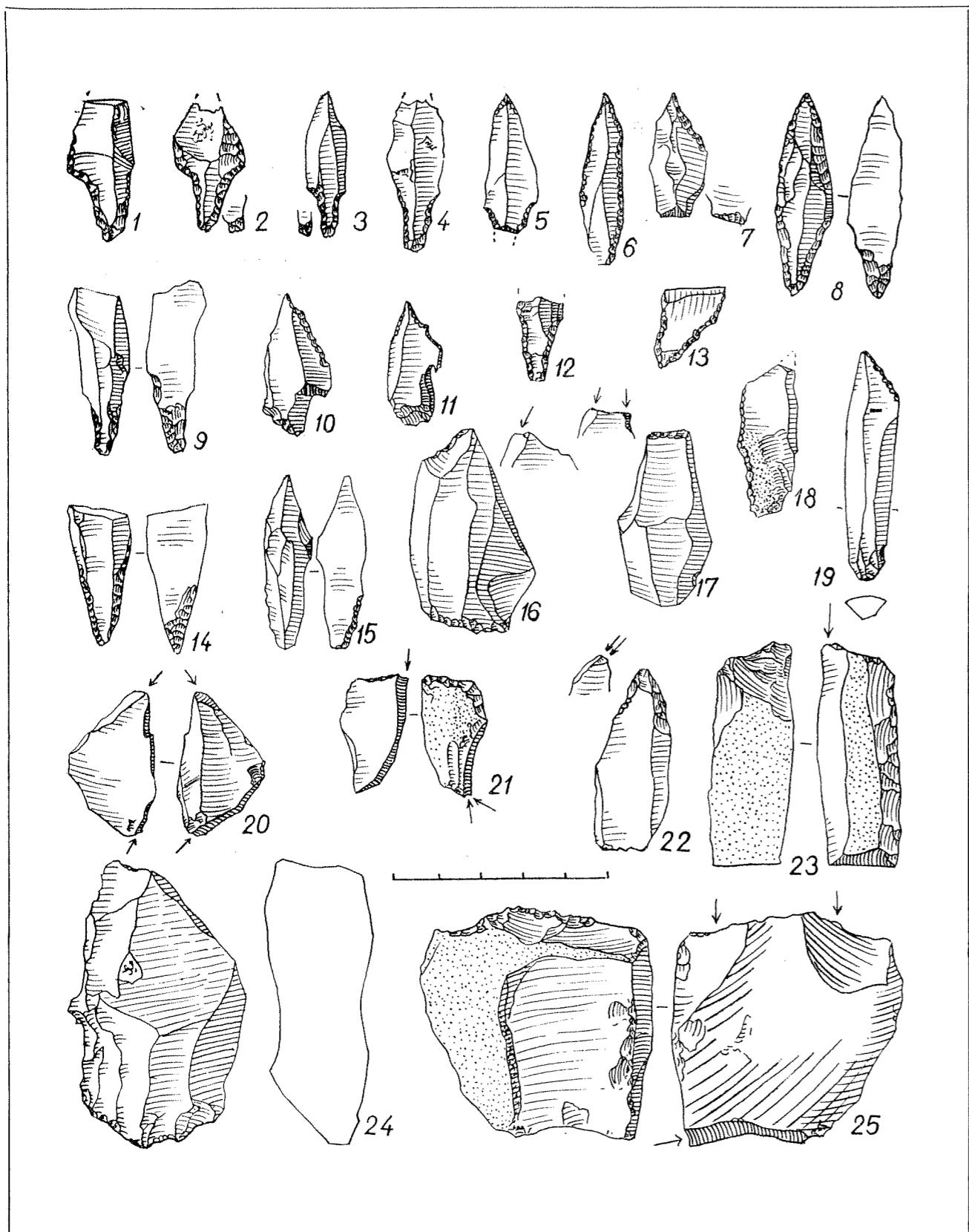

Рис. 95. Наконечники, резцы и нуклеусы стоянки Драсейкай

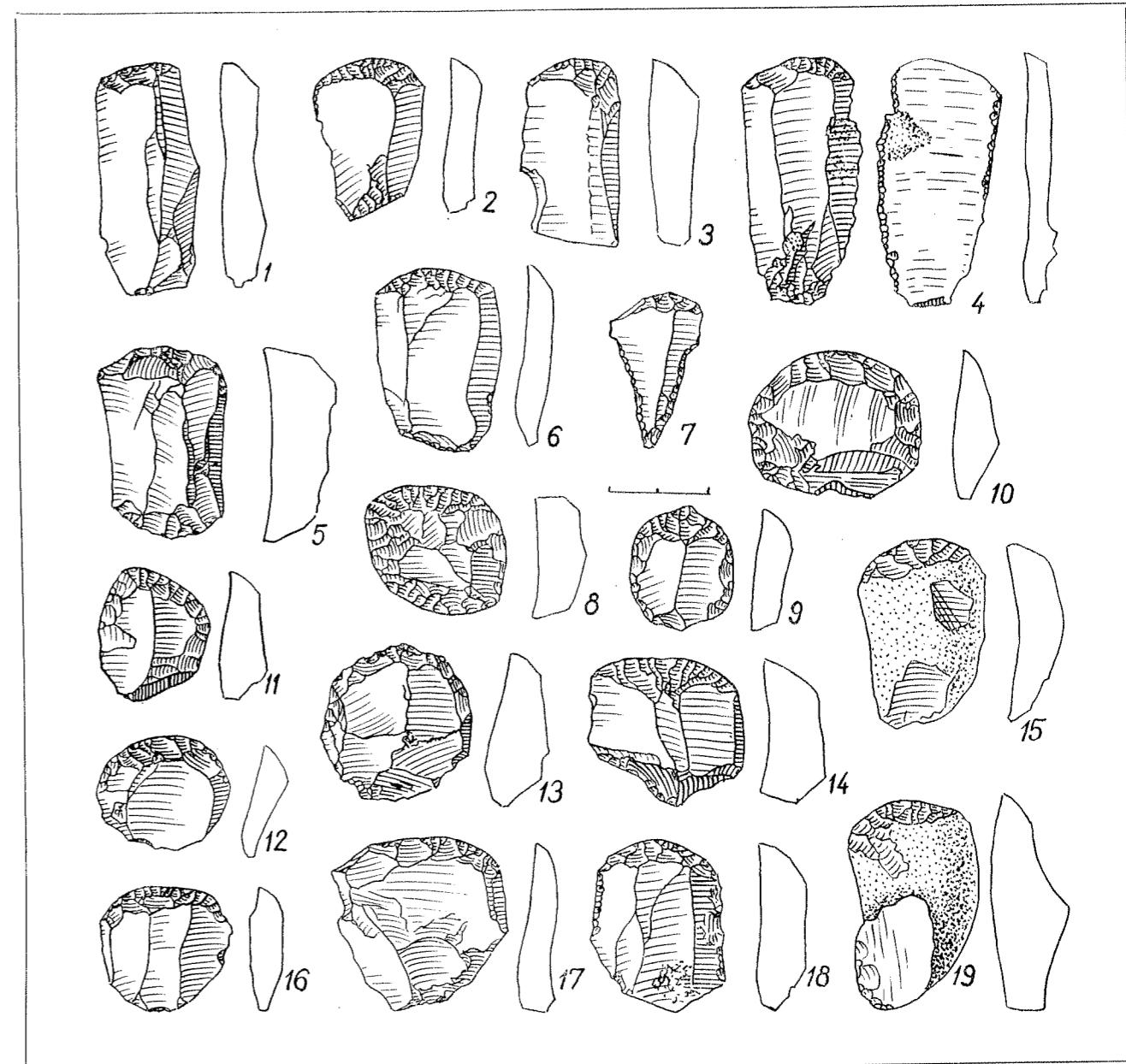

Рис. 96. Скребки стоянки Драсейкай

продолговатый — редкость (рис. 97, 13). Резцы короткие, в большинстве серединные (рис. 97, 3—5).

В стоянке Саляникай 3 отдельные скопления не выделяются, однако встречаются изделия, общий облик которых явно эпипалеолитический. Из инвентаря следует упомянуть три наконечника стрел (рис. 98). Первый — с толстой белой патиной, широкий, с черешком, слегка ретушированным с оборотной стороны, близкий к мадленским типам. Второй сходен с первым, но изготовлен из случайной узкой пластинки. Третий — позднесвидерского типа.

Эпипалеолитические стоянки обнаружены и дальше к северу, по р. Швяントой (восточной)¹. Одна из них — Самантоис (Укмергский р-н), на левобережной первой надпойменной террасе при впадении в Швяントой речки Акуня (Римантене, 1960). Стоянка занимала площадку величиной около 600 м в длину и 200—300 м в ширину. Пески отдалены на 100 м от реки, на севере переходят в болотистый луг, а на востоке — в залежи камней. Эпипалеолитические находки (рис. 99), выде-

¹ Правый приток реки Нярис; устье — в нескольких километрах от города Ионава.

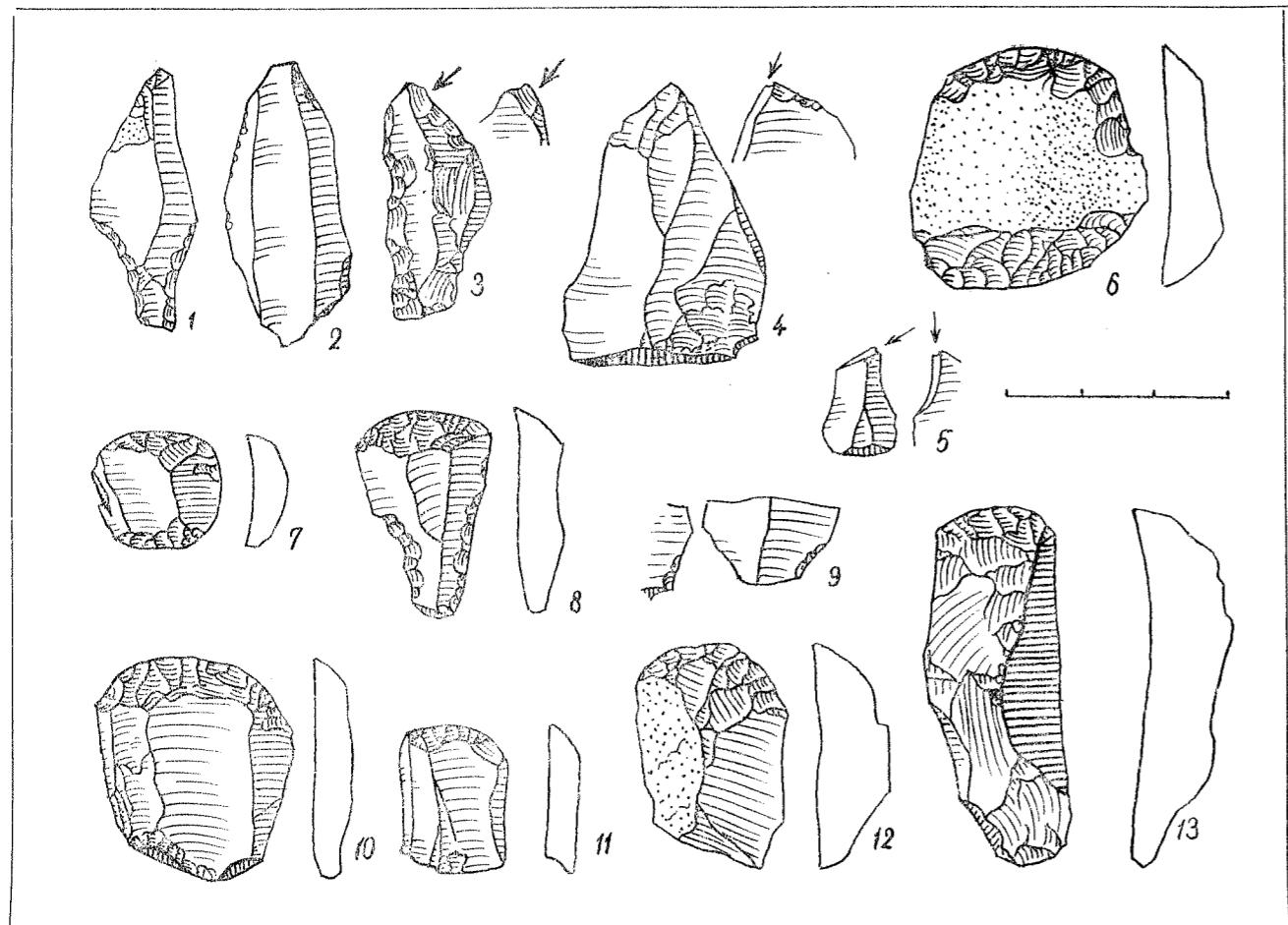

Рис. 97. Орудия стоянки Салянинкай 2

ляющиеся среди изделий неолита толстой белой патиной, концентрировались в южном конце стоянки, у речки Акуния, составляя, по существу, отдельное скопление. Их немного, но они довольно выразительны. Четыре наконечника стрел напоминают свидерские, и мад-

ленские типы. Большую часть инвентаря составляют скребки. Среди них только один длинный. Остальные — короткие, сделанные из широких пластин, напоминающих отщепы. Имеются и двойные экземпляры. Очень много резцов. Два из них — характерного клиновидного типа, серединные. Остальные — боковые и угловые. Имеются двойные резцы — двухконцевые или комбинированные резцы-скребки. Из других эпипалеолитических находок представляют интерес отщепы с твердой ретушью по краям и небольшие изделия с ретушированными остриями. Нуклеусы маленькие, неправильные, напоминающие пирамиду.

Еще севернее — стоянка на торфянике у реки Яра, близ места впадения ее в оз. Яра, неподалеку от с. Сведасай (Аникшчайский р-н). В 1934 г., после того как воды озера были спущены, при прокладке мелиоративной канавы, под толстым слоем ила, в голубоватом песке были найдены изделия из рога и кости. Не останавливаясь на поздних находках (позднего неолита и даже бронзового века), мы отметим лишь эпипалеолитические типы (рис. 100,

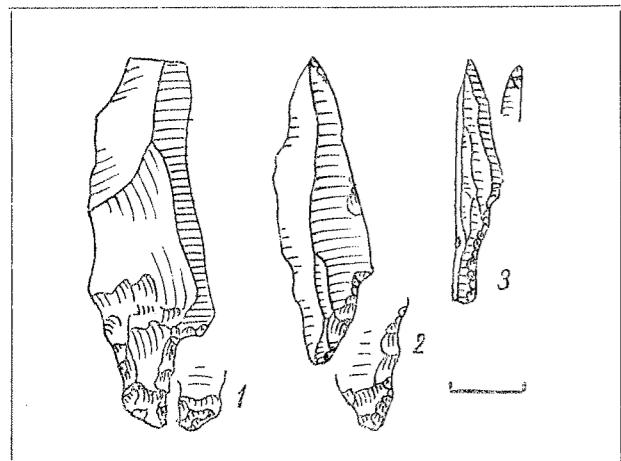

Рис. 98. Наконечники стоянки Салянинкай 3

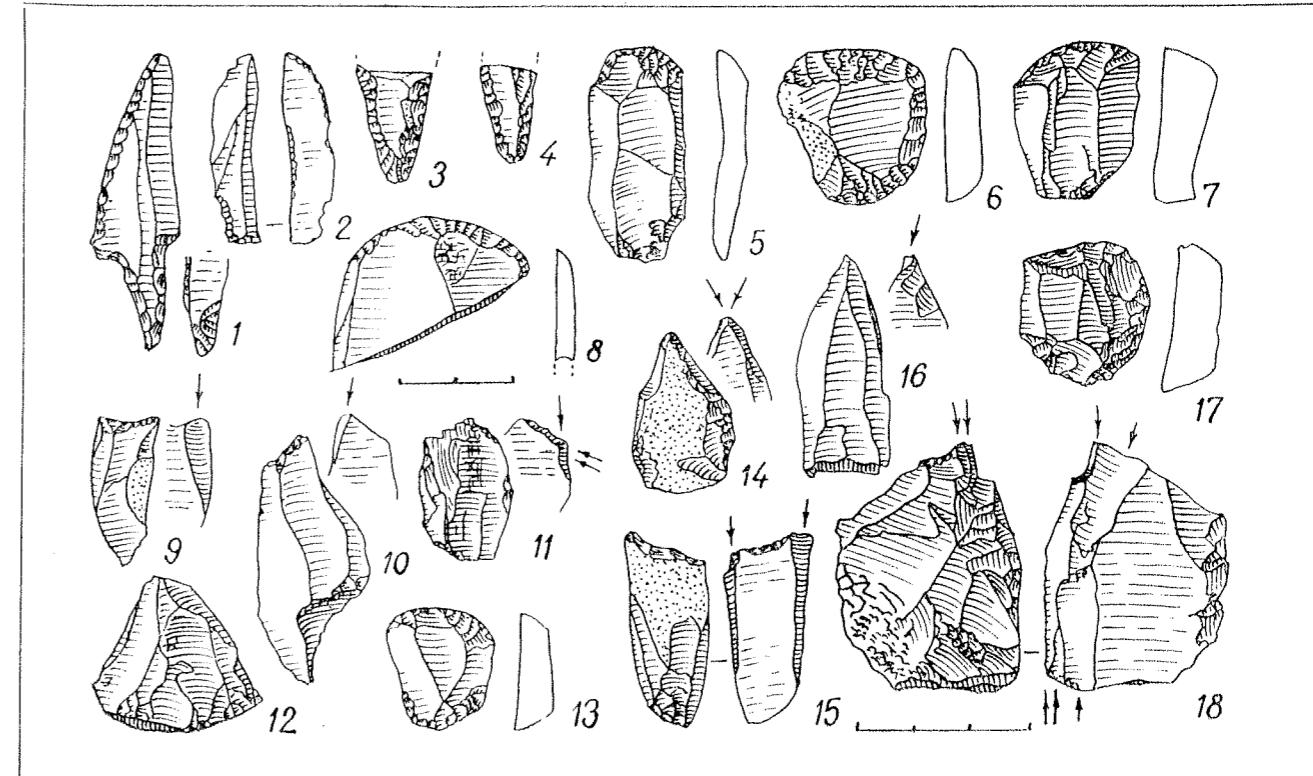

Рис. 99. Самантонис. Орудия эпипалеолитической стоянки

4; 102, 2): односторонний гарпун с крупными зубцами и кинжал (или пешню) из расколотой кости. Оба орудия очень близки к палеолитическим.

Еще меньше мы знаем об эпипалеолитической стоянке, которая, по-видимому, находилась в окрестностях с. Пумпенай (Пасвальский р-н), у речки Истра. В 1936 г. там во время мелиоративных работ, в иле, на глубине 1—1,5 м были обнаружены два веретенообразных наконечника (рис. 101, 3).

б) Общие черты эпипалеолитических стоянок Литвы со стоянками соседних территорий

Основные типы изделий эпипалеолита унаследовал от палеолита. Эпипалеолитические наконечники стрел очень разнообразны и связаны с известными в восточной Прибалтике свидерскими и мадленскими типами. Однако, среди них уже не встречаются самые ранние свидерские типы с неретушированными остриями, какие мы видели в стоянках Эйгуляй. В эпипалеолите острия наконечников обычно ретушируются по краям. Такая ретушь встречается уже в стоянках периода дриаса. Например, наконечник из стоянки Глинас I (рис.

51, 1) позднего дриаса и эпипалеолитический наконечник из Памяркине (рис. 86, 1) почти одинаковы. Большинство эпипалеолитических наконечников имеют невыделенный черешок и покрыты плоской широкой ретушью. Такую форму (только размер меньше) наконечники сохраняют в течение всего мезолита. Иногда они приобретают почти ромбическую форму. Встречаются также наконечники, очень похожие на свидерские, но обработанные узкой ретушью по краям с лицевой стороны.

Наиболее характерная эпипалеолитическая форма свидерского наконечника — с тонким острым черешком наподобие шила. Такой черешок встречается тоже вплоть до конца мезолита (только наконечники становятся меньше по размеру). Характерны также плоские широкие черешки.

Наконечники мадленского типа бывают листовидные и с выемкой. Обычно они мельче палеолитических, но главная разница заключается даже не в этом, а в ретуши. В палеолите мадленские наконечники очень часто ретушировались крутой вертикальной встречной ретушью, и только в самых поздних стоянках она становится более наклонной. Эпипалеолитические наконечники обычно ретушировались по краям более наклонной, плоской ретушью. Увеличивается количество разных

нетипичных случайных форм наконечников — пластин с заостренными концами.

Следует остановиться еще на одной находке, не имеющей аналогий в других литовских стоянках — трапеции из стоянки Драсейкий (рис. 95, 13). Она покрыта патиной, довольно толстая, круто ретушированная. Это — единственный экземпляр, если не считать маленького,

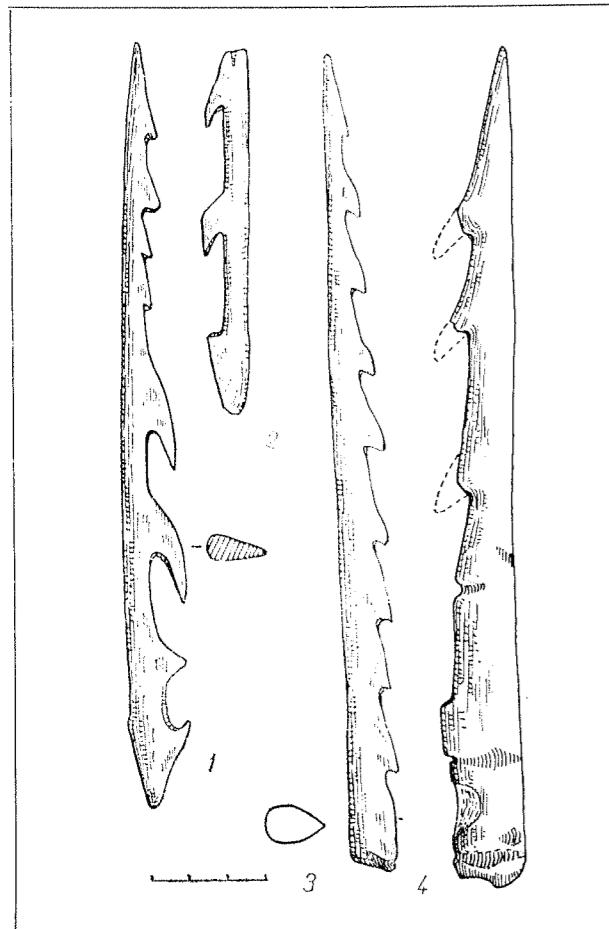

Рис. 100. Гарпуны:

1. Рудникай, 2. Балсупай, 3. Камшай (р. Кирсна), 4. Сведасай (оз. Яра)

похожего на трапецию изделия из микролитомакролитической стоянки Паштува (Каунасский р-н) (рис. 112, 27). По форме трапеция из Драсейкий напоминает трапеции из стоянок типа Песочный Ров, у р. Десна (Воеводский — Формозов, 1950, стр. 42—54). Однако, это вероятнее всего, чисто случайное сходство, поскольку остальной инвентарь стоянки Драсейкий не содержит никаких указаний на связь с группой типа Песочный Ров. Такого рода трапеции вряд ли можно считать наконечниками стрел; они слишком толсты.

Основным скребком эпипалеолита является достаточно крупный, часто даже очень круп-

ный, короткий и широкий тип. Его лезвие довольно крутое, тщательно отретушированное. Несколько реже встречаются удлиненные скребки. Характерно, что скребки в эпипалеолитических стоянках составляли большую часть инвентаря. Все они намного ближе к мадлену, чем к свидерской культуре. То же, кстати, относится и к резцам.

В большинстве резцы — короткие, широкие, принадлежащие к типу угловых или боковых. Рабочий угол их чаще всего оформлен при помощи скола и ретуши. В эпипалеолите большое распространение имели скобли-резцы, а также такие резцы, у которых рабочий угол оформлен коротеньким сколом. К этому периоду увеличилось также число разнообразных ретушированных отщепов и пластин, использовавшихся, по-видимому, для специальных работ.

Нуклеусы эпипалеолита отличаются от палеолитических, становясь одноплощадочными и неправильных очертаний.

Топорики для этого периода не характерны.

Несколько подробнее придется остановиться на изделиях из кости и рога. В Литве они представлены в основном случайными находками. Те из них, которые относятся к эпипалеолиту, были, как и кремневые изделия, продуктом дальнейшего развития палеолитической индустрии. Причем нет основания утверждать, что время их изготовления ограничивается ранним мезолитом-пребореалем; часть их могла сохраняться значительно дольше. Однако по своему типу эти находки должны называться именно эпипалеолитическими, поскольку изготовлены они из рога и костей лося, а не северного оленя.

Основным эпипалеолитическим типом, унаследованным от палеолита, является гарпун с редкими, несколько выгнутыми зубцами, похожий на аренсбургский. К этому типу, по-видимому, относятся и остатки гарпуна (рис. 100, 2) из Балсупай (Antoniewicz, Wł, 1928, стр. 308, илл. IV: 4) — нижняя часть орудия с двумя выгнутыми, несколько напоминающими ромб зубцами и нижним зубцом, направленным в противоположную сторону. Фрагмент второго гарпуна из Балсупай имеет несколько иной вид. В типологическом отношении он должен занимать место где-то между только что рассмотренными гарпунами и мелкозубыми мезолитическими (см. рис. 109). Ввиду того, что остатки второго гарпуна обнаружены в том же торфянике, что и первого, условно мы относим их к одной и той же стоянке — Балсупай (Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 2; 1938^a, илл. 2: 3) (рис. 109, 3).

Вторая находка в Балсупай — это гарпун с маленькими зубцами, целых из которых только три. Вершина и конец черешка обло-

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Вечюней	+	+				+			+	+	+		
Мяльничеле а					+	+	+	+	+	+	+		
Мяльничеле с	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Памяркине	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	
Глинас межозерная	+	+			+	+	+		+	+	+	+	
Зервинос Зв	+					+							
Дудичай 2	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	
Саленинкай 2					+	+	+	+	+	+	+		
Саленинкай 3	+	+	+								+	+	
Якштонис	+					+		+	+	+	+	+	
Самантонис	+	+	+		+	+	+	+	+	+			
Драсейкий	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	

Наличие основных типов изделий некоторых эпипалеолитических стоянок Литвы. Наконечники стрел: свидерские (1), свидро-мадленские (2), мадленские (3), острия и ланцеты (4). Скребки: короткие (5), продолговатые (6). Резцы: серединные (7), боковые-угловые (8). Ретушированные пластинки (9) и отщепы (10). Овальные топорики и клинья (11). Нуклеусы: двухплощадочные (12), одноплощадочные (13)

маны. Сохранившаяся часть имеет 12,3 см в длину. Между зубцами видны явные следы сверления и надрезывания. Поперечное сечение гарпуна почти трехугольное.

На первый гарпун из Балсупай походит и гарпун с оз. Яра (рис. 100, 4)¹ — односторонний, как и все найденные в Литве гарпуны. Длина его 22 см. Все зубцы обломаны, однако по оставшимся основаниям видно, что они были крупными, выгнутыми, расположенными довольно редко. В нижнем конце имеется часть обломленного зубца, направленного в противоположную сторону.

Свообразным является гарпун из Рудникай (Эйшишкский р-н), найденный в болоте Нопайтис (Шакос 1) (рис. 100, 1) на глубине

¹ Хранится в музее пос. Дусетос (Зарасайский р-н); во время второй мировой войны утерян. Сохранился только рисунок.

2,5 м в слое сапропеля. От других он отличается тем, что его зубцы были разными — у вершины два небольших, ниже — два еще меньше, а внизу — два длинных, выгнутых. Это тоже пребореальная форма, что подтверждается и пыльцевым анализом, проведенным в болоте Нопайтис. Слой, где найден гарпун, залегал непосредственно над слоем дриасовой глины и относился к послеледниковой фазе береси-сосны — IV зоне по Х. Гроссу (Gudelis, Kabai-lie, 1958, стр. 108—111).

В типологическом отношении несколько более поздним следует считать роговой гарпун из р. Кирсна (известный в литературе также как гарпун из дер. Камшай или из хутора Якштониса) (Zilinskas, 1931, илл. 5; Puzinas, 1935^a, илл. 1) длиной 21,5 см, темно-коричневого цвета. Поперечное сечение его овальное (рис. 100, 3). В одной стороне имеется 9 довольно

но редких и несколько выгнутых зубцов, между которыми явно заметны следы надрезов. Вершина гарпуна острая и короткая, черешок обломан ($1,2 \text{ см}$ в ширину и $0,8 \text{ см}$ в толщину), однако видны три надреза, служивших для крепления.

Гарпуны с зубцом, повернутым в противоположную сторону (а позже — с сердцевидным утолщением или расширением и, наконец, с надрезами), характерные для палеолита, были широко распространены и в мезолите. Они известны на Датских островах (Brønsted, 1938, илл. 16, 17; Mathiassen, 1941, илл. I), по всей северной Германии (Stimming, 1917), в Польше (Kostrzewski, 1955, илл. 28; Kozłowski, S. K., 1969^a, стр. 141) и Латвии (Лозе, 1966, стр. 110, илл. 2:5, 6).

Поскольку один из гарпунов, найденных в Латвии, имеет на стороне, противоположной зубцам, канавку, в которую вставлялись вкладыши, что характерно для прибалтийской микролито-макролитической культуры, следует думать, что подобная форма гарпунов долго сохранялась и в анциловом периоде.

В Прибалтике чаще всего встречаются гарпуны с одним рядом зубцов. В Литве все они однорядные. В Латвии известны только два двухрядных гарпуна (Лозе, 1966, илл. 2:1, 2). В мезолитических стоянках Эстонии гарпуны тоже однорядные; как и литовские, они часто имеют один зубец, направленный в противоположную сторону, или хотя бы канавку, служившую для крепления (Indreko, 1948, стр. 221—223, илл. 63:1, 64:1, 2).

Гарпуны с редкими крупными зубцами существовали длительное время. На востоке, например, в Олениестровском могильнике, они встречаются в раннем неолите (Гуррина, 1956, стр. 66—68), в Веретье (Фосс, 1941, стр. 21—70, илл. XVI:10, 30) и Горбуновском торфянике (Эдинг, 1940, стр. 56) — в неолите.

Вторым эпипалеолитическим типом костяных и роговых изделий является роговое долото. В Литве оно представлено только одним отчетливо выраженным орудием. Найденное в упомянутом уже нами комплексе Балсупай, оно может быть с уверенностью отнесено к эпипалеолиту. Долото сделано из рога (Antoniewicz, Wł., 1928, стр. 308, илл. IV:5; 1935, стр. 43, илл. X:3), оба конца его заострены (рис. 101, 1), окрашено в умеренно коричневый цвет, как и прочие находки из торфяника Балсупай.

В Паломяне (Кайшядорский р-н), на берегу р. Ломяна, найдено изделие, похожее на долото. Оно узкое ($1,5 \text{ см}$ в ширину, $0,9 \text{ см}$ в толщину и 16 см в длину); по многим признакам близко к веретенообразным наконечникам, однако тупые концы изделия заставляют отнести

его все-таки к долотам (рис. 101, 2). Цвет находки — темно-коричневый.

Как мы видим, обе находки — из Балсупай и Паломяне — отличаются друг от друга. И это неудивительно. Поскольку долота обычно изготавливались из малообработанной кости или рога, то их форма зачастую зависела от случайных обстоятельств и потому была весьма разнообразной.

В культуре Кунда долота чаще всего изготавливались из расколотой кости или рога

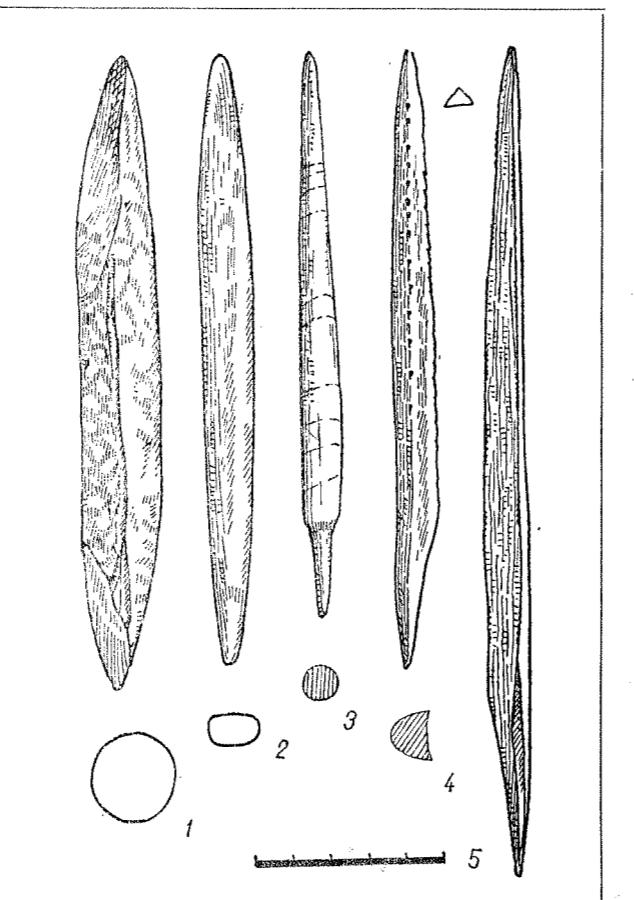

Рис. 101. Роговые долота и наконечники копий:
1. Балсупай, 2. Паломяне, 3. Пумпенай (р. Истра), 4. Платяляй, 5. Юнишкай

(Янитс, 1966, стр. 118), концы некоторых из них в большей или меньшей степени сплющены; изделия часто орнаментированы. Предполагают, что употребляли их при выделке мехов (Indreko, 1948, стр. 333—338).

Для изготовления долот в культуре Маглемозе (Brønsted, 1938, илл. 24c) также использовали часть рога, не подвергавшуюся полировке. Вершины заострялись и уплощались. Такие изделия широко известны в анциловом периоде, и только в неолите на их место пришли долота других форм.

Из палеолита унаследована и веретенообразная форма наконечника дротиков. В Литве ее можно проследить, начиная с палеолитических находок Кальнишкай (см. рис. 20, 1). В эпипалеолите пока известны два наконечника этого типа, оба из окрестностей Пумпенай (Пасвальский р-н), найденные в р. Истра (рис. 101, 3).

Один наконечник беловатого цвета, $14,9 \text{ см}$ в длину и 1 см в толщину (Puzinas, 1938^a, илл. 5:7), утолщенный книзу. Заканчивается он коротким, острым черешком длиной в $2,7 \text{ см}$. Наконечник почти круглый, имеет надрез в виде тонкой спирали. Найден в иле на глубине $1,5 \text{ м}$, что напоминает обстоятельства, при которых обнаружены многие другие ранние мезолитические находки.

Второй наконечник (Puzinas, 1938^a, илл. 5:3) отличается от первого формой и пропорциями. Он короче — $12,3 \text{ см}$, имеет в ширину $1,2 \text{ см}$, в толщину — $0,8 \text{ см}$. Один конец более округлый и острый, второй — плоский. Учитывая форму и темную окраску (по словам лица, поднявшего его, он был обнаружен на глубине 1 м) наконечника, приходится предполагать, что относился он, вероятно, к более позднему периоду, возможно, даже к концу мезолита.

Для палеолита был характерен клинообразный черешок, а для мезолита — округлые наконечники копий с острым черешком. В поперечном сечении они иногда бывают ребристыми. Много таких наконечников происходят из бассейна р. Хавель (Stimming, 1917, илл. 95—6, 98—107, 109—116). Немало их и в Калининградской области (Engel, 1935, илл. 16Bf; Gross, 1939^a, стр. 66; La Baute, 1942, стр. 19, илл. 2). Часть из них при помощи пыльцевого анализа датируется концом мезолита (Gross, 1941, стр. 34—36, илл. 26). Встречаются наконечники и в мезолитических стоянках Эстонии (Indreko, 1948, стр. 275—279). В Литве они, вероятнее всего, тоже сохранялись в течение всего мезолита, поскольку известны из неолитических памятников.

Еще более яркой эпипалеолитической формой является трехгранный наконечник, обнаруженный в Литве в двух экземплярах. Один из них (Puzinas, 1938, илл. 5:6; LAB, 1961, стр. 47, илл. 21:6) найден в Юнишкай (Шакяйский р-н) (рис. 101, 5), в торфянике на глубине около $1,8 \text{ м}$ (вместе с четырьмя другими, не сохранившимися). Он имел $21,5 \text{ см}$ в длину. Черешок острый — $4,8 \text{ см}$. Границы украшены группами поперечных надрезов. Цвет — темно-коричневый.

Второй наконечник, обнаруженный в торфянике Платяляй (Плунгеский р-н), несколько короче: $18,5 \text{ см}$ в длину; цвет тот же — темно-коричневый. Верхняя граница наконечника —

округлая, а боковые — острые, сплошь украшенные неглубокими насечками.

Подобная форма наконечника копья характерна для восточной Прибалтики. В Дании, например, известен только обломок одного такого изделия (Indreko, 1948, стр. 249). Наибольшее число трехгранных эпипалеолитических наконечников известно по Калининградской области и северной Польше (Gaerte, 1927^a, илл. 206). Одни из них имеют ровные острые грани, другие — насечки на ребрах (наподобие упомянутых литовских). В Латвии найдено несколько наконечников с группами насечек на месте пересечения граней (Лозе, 1966, стр. 108—109). Имеются наконечники со сплошными насечками по краям и совершенно ровными острыми ребрами. Точно датировать их пока затруднительно. Некоторые наконечники из Латвии и Эстонии имеют паз для закрепления вкладышей или острую грань, имитирующую вкладыши (Лозе, 1966, стр. 110; Indreko, 1948, илл. 72:2). Большое количество таких наконечников найдено в стоянках Кунда и Пярну. В Кунде они довольно длинные и, несомненно, относятся к раннему мезолиту; в Пярну — короче и грубее, по-видимому, более поздние, возможно, лitorинового периода (Indreko, 1948, стр. 246—249).

Наиболее многочисленную группу изделий составляют костяные кинжалы (пешни?), грубо обработанные орудия довольно случайных форм. В типологическом отношении их датировка представляется затруднительной. Изделие это, унаследованное от палеолита, сохраняется в мезолите и неолите. Можно наметить некоторое типологическое развитие его, однако для хронологии оно мало что значит. Характерной чертой палеолитических кинжалов (пешень?) является (см. стр. 36) выравнивание эпифиза, тогда как в неолите обычно обходились без этого. Следовательно, имеется некоторое основание считать более ранними кинжалы, у которых эпифиз удален. Это в известной мере подтверждается обстоятельствами, при которых эти орудия найдены.

К раннему мезолиту должен относиться кинжал, обнаруженный у озера Яра, там же, где и упомянутый нами эпипалеолитический гарпун¹. Кинжал сделан (рис. 102, 2) из расколотой кости. Суставная головка срезана и выровнена дугообразно, совсем как у палеолитических кинжалов из Калининградской области. Длина орудия — 16 см , ширина — $2,8 \text{ см}$. Острие обломано, края во многих местах повреждены.

В остальных экземплярах найденных в Литве кинжалов мы уже не видим столь тщатель-

¹ Кинжал хранился в музее пос. Дусетос. Утерян во время второй мировой войны. Сохранился рисунок.

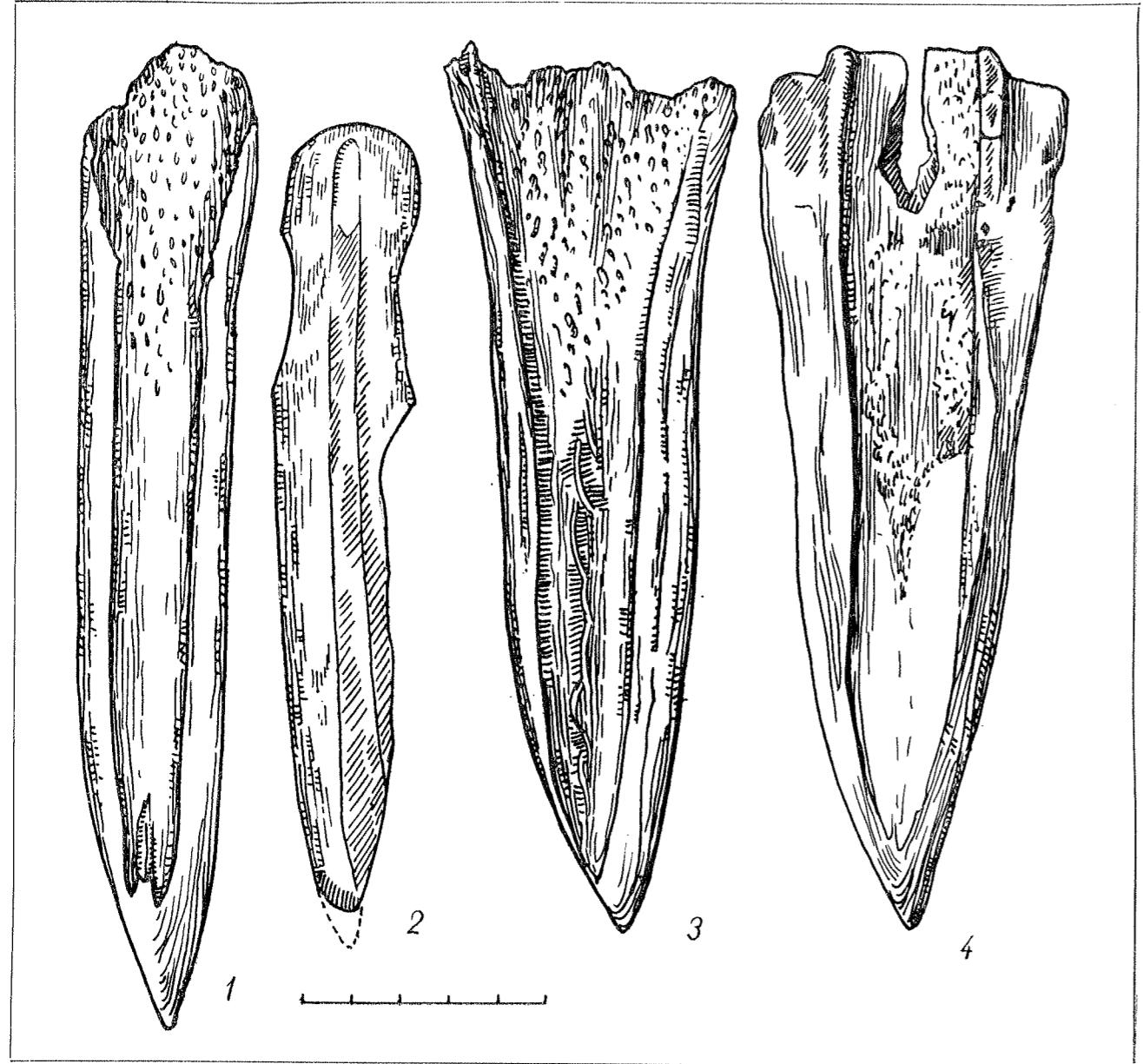

Рис. 102. Костяные пешни (?):
1. Альседжай, 2. Сведасай (оз. Яра), 3. Букаучишкес, 4. Утиляй

но обработанного эпифиза, хотя он и срезан, как, например, у кинжала из Альседжай (Плунгеский р-н) (рис. 102, 1) (Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 15; 1938^a, илл. 3:1). Обстоятельства обнаружения этого орудия неизвестны, только светло-коричневый цвет его говорит о том, что оно лежало, скорее всего, ниже слоя торфа. Кинжал изготовлен из расколотой пополам кости, вершина косо заострена и тщательно зашлифована. Длина его — 20,2 см, наибольшая ширина — 3,9 см. На широком конце видны остатки эпифиза, отрубленного и не подвергавшегося выравниванию.

С кинжалом из Альседжай сходно орудие, найденное в Букаучишкес II (Алитусский р-н) (рис. 102, 3). Вершина его заострена, а головка обрублена (Puzinas, 1935^a, стр. 285, илл. 14; 1938^a, илл. 3:2).

Тот факт, что кинжалы с обрублеными эпифизами изготавливались до конца мезолита, подтверждает комплекс находок в Шарняле (Плунгеский р-н) (см. стр. 167), среди которых есть два кинжала (рис. 146, 3, 4), один длиной в 19,2 см, другой — в 18,5 см. Аналогичная находка в Янаполе (Тельшайский р-н)

также, несомненно, относится к концу мезолита. Наряду с этим встречаются кинжалы с сохраненным эпифизом, например, найденный в Утиляй (Расейнский р-н) (рис. 102, 4) (Puzinas, 1938^a, илл. 3:3). Он светлого цвета, залегал под слоем торфа на глубине 3 м (судя по словам человека, его обнаружившего).

Рассматриваемые орудия были довольно широко распространены только в северных областях — в южной и восточной Прибалтике и лесной полосе СССР (Indreko, 1948, илл. 85, 86). Наиболее ранние из них известны из области, занятой аренсбургской культурой — бассейна р. Хавель, где их обычно изготавливали из рога. Костяные кинжалы с нетронутыми эпифизами известны в культуре Маглемозе, в древнейшей культуре датского побережья и стоянках культуры Эртебёлле (Mathiassen, 1948, стр. 38). Кинжалы (пешни?) из расколотой кости, зачастую с нетронутым суставом, известны и по мезолитическим стоянкам типа Куанды (Indreko, 1948, стр. 297—314). К востоку от Прибалтики изделия подобного типа встречаются обычно уже в неолите.

Не имея под рукой сопровождающего инвентаря, группировать эти изделия в хронологическом или культурно-типологическом отношении невозможно. Приведенные выше замечания по поводу техники обработки эпифизов нельзя принимать за хронологический признак, поскольку орудия с нетронутыми обработкой эпифизами встречаются и в очень древних палеолитических культурах (Пшедмосте или Пекарне — в Моравии).

в) Характерные особенности эпипалеолита Литвы

Наиболее характерной чертой эпипалеолита служит исчезновение различий между отдельными культурными группами. В некотором отношении эта черта стала просматриваться уже в позднем дриасе, когда образовалась группа восточно-прибалтийского мадлена, отмеченного свидерскими влияниями, а также группа свидерских культур со следами воздействия мадлена. В палеолите эти группы существовали по соседству, но отдельно. В эпипалеолите же происходило их слияние.

Эпипалеолит, как мы уже отметили, рассматривая типы изделий, является не только суммой поздних культурных групп, но и носителем элементов из древнейших культур, существовавших на данной территории в конце аллера. Есть основания полагать, что в эпипалеолите мадленская культура в восточной Прибалтике окончательно слилась со свидерской и растворилась в ней. Такое формирова-

ние местных культур характерно и для эпипалеолита других стран.

Эпипалеолит мы должны понимать не только как термин, означающий определенный промежуток времени, но и как своеобразную культурную группу. Это подтверждается тем, что мезолитические культуры (маглемозе, микролито-макролитическая) не являются прямым продолжением эпипалеолитической. Надо полагать, что в мезолите в культурную жизнь на территории Литвы влилась новая волна населения, ассимилировавшего часть аборигенов. Кроме того, здесь некоторое время должны были существовать по соседству как эпипалеолитические, так и мезолитические культуры¹. Это заставляет думать, что культурная группа, сформировавшаяся в палеолите, была в известном смысле и группой этнической.

Сравнив карты европейского палеолита и эпипалеолита, мы находим, что для палеолита были характерны различия между отдельными, существовавшими рядом стоянками, а в эпипалеолите различия проявляются уже между большими группами стоянок, занимавших значительные территории. Так как подобное явление наблюдается в широком масштабе, есть основание предполагать, что на грани палеолита — эпипалеолита в истории человечества проходили крупные этнические перемены.

Существование эпипалеолитической культуры характерно и для других областей бывшей приледниковой Европы. В западной Прибалтике мадленские группы тоже пережили переходный период от палеолита к мезолиту. С помощью радиоуглеродного и других методов многие стоянки там были датированы преобразием, но основные черты их культур оставались в этот период палеолитическими, т. е. наблюдалась тот же характерный признак эпипалеолита, что и в Литве.

Западно-прибалтийский эпипалеолит формировался на основе разнообразных мадленских культур. Иногда даже в самых поздних стоянках встречаются признаки очень раннего мадлена, например, в таких стоянках, как Калленгард (Andree, 1932) или Борнек (Rust, 1958), которые по фауне относятся к преобразию.

¹ Относительную хронологию эпипалеолитической и мезолитической культур иногда удается определить и с помощью стратиграфии. В этом смысле очень важны исследования, проведенные на юге Польши, в местностях Корин и Витуве. В Витуве были обнаружены два слоя с находками свидерской культуры, из которых более поздний стратиграфически идентичен тарденузскому слою. В других местностях Польши свидерские находки обнаружены под слоями, содержащими геометрические микролиты. Это явное свидетельство одновременного существования в Польше двух отличных друг от друга культурных групп (Chmielewska, Chmielewski, 1961, стр. 187).

Как уже упоминалось, в Польше в эпипалеолите свидерская культура существовала до тех пор, пока рядом не сложилась микролитическая. К востоку от основной свидерской области, у рек Сожь и Горынь, в начале мезолита образовался своеобразный центр эпипалеолитической культуры, в котором наблюдается местное развитие наряду с сильным влиянием юга (Будько, 1966).

Литва и часть Западной Белоруссии составили в эпипалеолите единую контактную зону, которая на юге, у Припяти, соприкасалась с областью южных культур, а на востоке заканчивалась где-то около современной центральной Белоруссии; у Днепра и Сожи размещалась уже другая культурная группа.

Какова же была дальнейшая судьба эпипалеолитической культуры в Литве? Носители этой культуры частью остались на месте и со временем слились с носителями новой мезолитической культуры (маглемозе), а частью ушли к северо-востоку. Главной причиной, вызвавшей эти передвижения, было дальнейшее потепление климата. Отступающий к северу

олень увлекал за собой охотников, сохранивших прежние привычки, обычай и весь старый образ жизни. Кроме того, можно предполагать воздействие и некоторых факторов этнического порядка. В эпипалеолите культура, отмеченная свидерскими элементами, распространялась очень широко. Переносилась она переселявшимися все дальше на восток людьми. Только этим можно объяснить появление столь удаленных от основного центра эпипалеолитических свидерских очагов, какими являются стоянки между речью Волги — Оки (Боеводский, 1941, стр. 142—148; 1950, стр. 96—119; Колцов, 1965, 1966), Скаун в Румынии (Nikolaescu — Plopșor, 1961, стр. 614) или Сюрень II в Крыму (Векилова, 1961), между которыми лежат огромные пространства, лишенные следов свидерской культуры.

Отсюда можно заключить, что и в хронологическом и в культурном отношении ранние свидерские стоянки па вновь заселяемых территориях являются релятивно одновременными со стоянками основной эпипалеолитической области распространения свидерской культуры.

3. ПАМЯТНИКИ МАГЛЕМОЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАННЕМ МЕЗОЛИТЕ ЛИТВЫ

В то время как климат последникового периода становился суще, и потомки аборигенов стали обосновываться все ближе к берегу первой надпойменной террасы, в Прибалтике появились представители новой культурной группы, кремневый инвентарь которой в корне отличался от инвентаря старых местных культур. Эта новая группа по всем элементам совпадает с ранними стоянками типа маглемозе, какими мы знаем их по Ютландии.

В Северной Европе культура маглемозе появилась уже в пре boreале и распространилась в бореале. Характернейшими находками, составляющими ранний комплекс маглемозской культуры, являются — при отсутствии микролитов — геометрические ланцетовидные наконечники, овальные топорики, крупные скребки и резцы. Вторая характерная группа находок — это изделия из рога и кости, которые кое-где, в особенности на Датских островах, преобладают над каменными. Следует, однако, отметить, что известно немало и таких маглемозских стоянок, в частности, ранних, где костяных и роговых изделий нет вообще (или они просто не сохранились)¹.

¹ Маглемозская культура не везде одинакова. Различия наблюдаются даже на отдельных островах. И сейчас в Дании различают по крайней мере две основные группы — Гюдене (Gudenaar) в Ютландии (Mathiassen, 1937, стр. 15; Brønsted, 1938, стр. 77—83) и Маглемозе на островах (Brønsted, 1938, стр. 48—52). В настоящей книге термин «Маглемозе» употребляется применительно ко всей данной мезолитической группе южной Прибалтики.

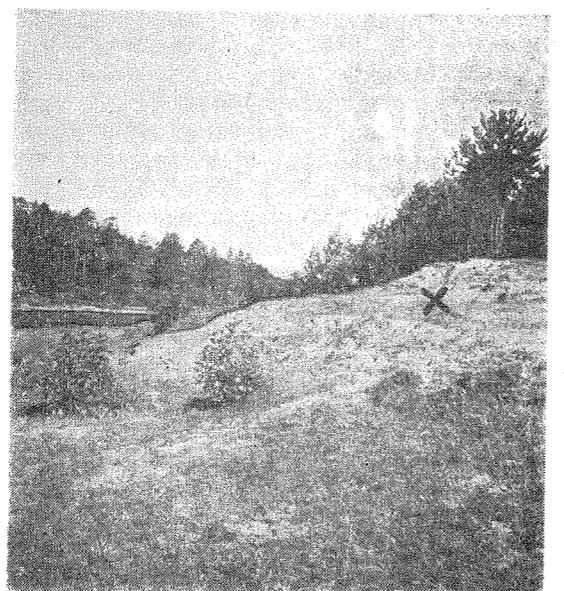

Рис. 103. Вид стоянки Максимонис 4

жению находок (рис. 104) можно судить, что стоянка была небольшой и кратковременной.

Культурный слой каменного века (рис. 105) — незначительно ортштейнированный песок толщиной до 15 см лежал на слое темно-красного железистого песка мощностью в 1 м. Над ортштейнированным песком залегал культурный слой, относящийся к началу нашей эры, толщиной в 30 см, почти черного цвета. Его, в свою очередь, покрывали прослойки песка, лишенные каких-либо находок. Сверху лежал темно-серый культурный слой с гончарной керамикой.

В культурном слое каменного века найдены следы небольшого очага (рис. 106) около 25 см в диаметре и 12 см глубиной. Рядом с ним располагались обгоревшие кремни. Все найденные здесь наконечники принадлежат к ланцетовидным (рис. 107, 1—15), хотя по форме и несколько различаются между собой. Изделия невелики по размеру (3—5,5 см), но микролитами не являются. Обнаружено значительное число довольно широких ретушированных пластин (рис. 107, 18—26). Вкладышами для гарпунов или наконечников они по своим размерам служить не могли. Скребки (рис. 107, 31—34; 108, 6, 7, 10—12) чаще всего сделаны из довольно крупных, неправильных, случайных отщепов, реже — из пластин. Один из них имеет незаконченную ретушь на лезвии. Встречаются крупные скребки (рис. 108, 8, 11). Резцы (рис. 108, 1—5) большей частью изготовлены из крупных пластин или их частей. Они — боковые, изготовлены при помощи скальвания и ретуши; есть один скобель-резец (рис. 108, 5). Небольшую группу составляют маленькие изделия специального назначения, почти кругом ретушированные (рис. 107, 37, 38).

Несмотря на то, что изделия сравнительно крупные, для стоянки характерен способ разделения пластин, аналогичный скальванию резца. В этом случае остаются отщепы, называемые по традиции «микрорезцами» (рис. 107, 16, 17, 29, 30, 35, 36), хотя в данной стоянке они довольно велики.

Характерную часть инвентаря составляют обитые, почти овальной формы топорики, чуть ретушированные по краям (рис. 108, 9, 13, 14). Все нуклеусы одноплощадочные, обычно неправильные, конусовидные или лодкообразные.

Стоянок типа Максимонис 4 в Литве, как и по всему западному побережью Балтийского моря, известно немного. Можно упомянуть лишь стоянку Гиряжярис 3 (Варенский р-н), инвентарь которой похож на описанный выше, а топографическое положение на первой надпойменной террасе полностью соответствует расположению стоянки Максимонис 4.

Стоянка находилась на вершине склона I надпойменной террасы восточного берега оз. Гиряжярис, ныне почти целиком заросшего, на высоте 7 м от уровня воды. Культурный слой не сохранился. Находки относятся к стоянке, заселенной только однажды. Инвентарь составляет ланцетовидные наконечники стрел (однако имеются и крупные острия), скребки — короткие, один — продолговатый, изготовленный из случайного бокового отщепа. Рабочий угол резцов сделан при помощи скальвания и ретуши. Обнаружены «микрорезец» и неправильное изделие типа топорика. Геометрические микролиты отсутствуют.

В чистом виде подобные стоянки существовали весьма непродолжительное время. Инвентарь их, как видно, не является результатом развития одной из известных нам палеолитических культур (свидерской или мадленской) и не представляет связывающего звена между палеолитом и комплексами микролито-макролитической культуры, позднее распространившейся на территории Литвы. Последнее обстоятельство указывает на то, что рассматриваемая культура сформировалась вне Литвы и попала сюда уже в готовом виде.

В целом культура, о которой идет речь, тождественна культуре маглемозе, стоянки которой в самом начале мезолита существовали на западном и южном побережье Балтийского моря. Среди них следует назвать стоянки пре-бoreального периода Стар Карр в Британии (Clarke, 1954) и Клостерлунд в северной Ютландии (Mathiassen, 1937, стр. 132; Brønsted, 1938, стр. 41—43, илл. 12—15; Petersen, 1966, стр. 78—185). Типы изделий, найденных там, почти совпадают с находками Максимонис 4. Наконечники стрел ланцетовидного типа, вытянутые в форме треугольника, с прямой (или выгнутой) спинкой и вместе с ними — ланцетовидный наконечник со слегка суженным черешком. Микролиты не встречаются.

Правда, наконечники со склоненной спинкой, близкие к ланцетовидным, встречались в Литве еще в мадленских стоянках, однако там они имели случайную форму и служили лишь дополнением к остальному инвентарю.

Как уже отмечалось, в конце палеолита и в эпипалеолите скребки и резцы в Литве становятся короче и меньше по размеру. В литовских стоянках типа маглемозе скребки обычно довольно крупные, удлиненные, широкие. Наряду с ними встречаются крупные скребки, сделанные из толстых отщепов или даже нуклеусов, каких не было в эпипалеолитических стоянках. Резцы — большей частью боковые, изготовленные из крупных широких пластин, — тоже не имеют связи с находками эпипалеолита. Характерно, что овальные топорики встречаются во всех таких стоянках, а не только

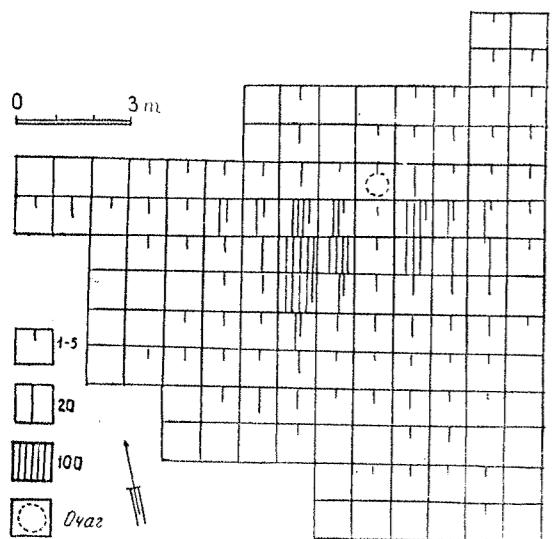

Рис. 104. Расположение находок в раскопе стоянки Максимонов 4

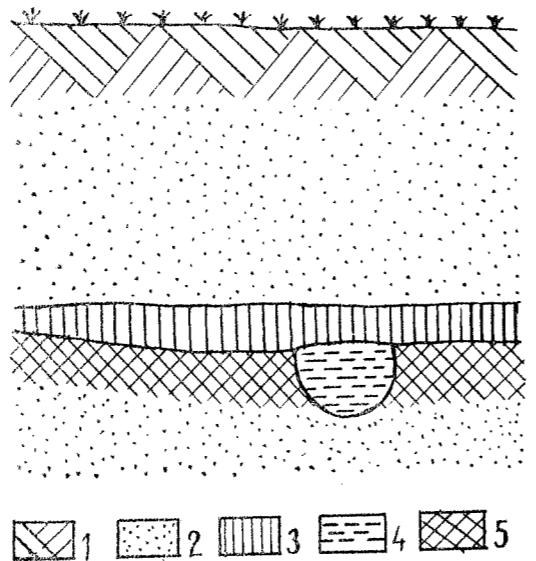

Рис. 106. Очаг стоянки Максимонов 4

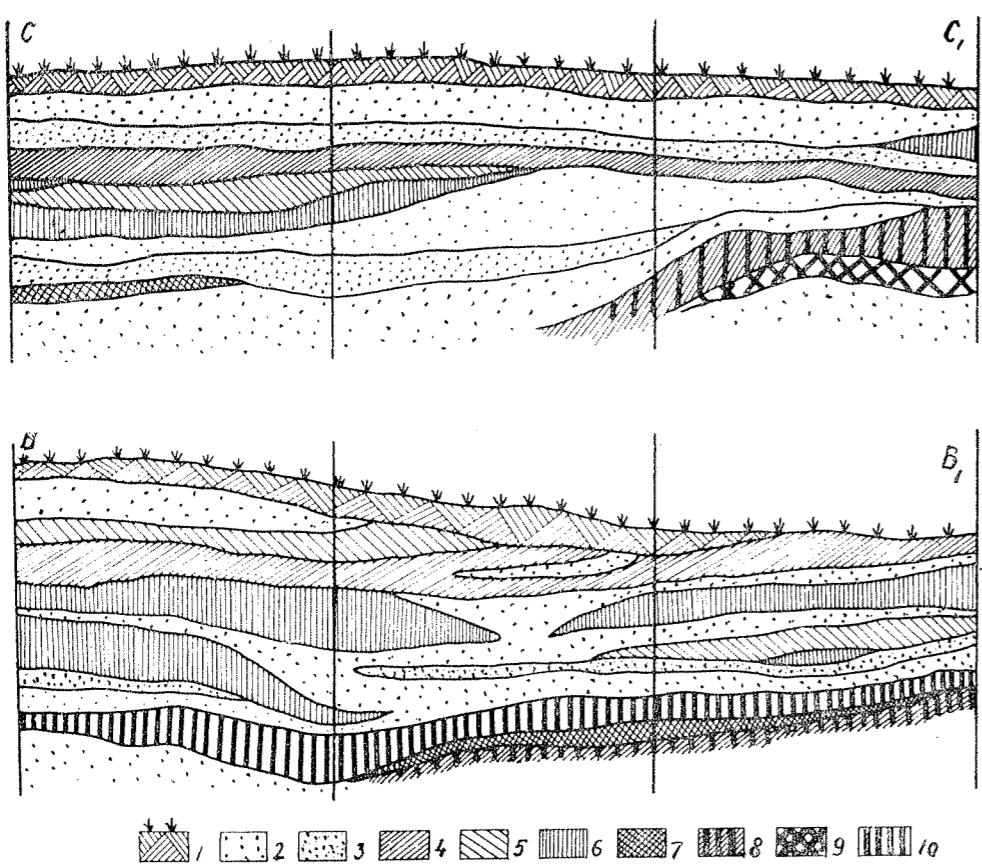

Рис. 105. Разрезы стоянки Максимонов 4:

1 — дерн, 2 — мелкозернистый светлый песок, 3 — желтый песок, 4 — ископаемая почва (культурный слой времен раннего феодализма), 5 — светло-серый песок, 6 — белый песок, 7 — подзол — слабожелезистый песок (культурный слой каменного века), 8 — песок с железистыми прослойками, 9 — железистый слой, 10 — черный песок (культурный слой начала н. э.)

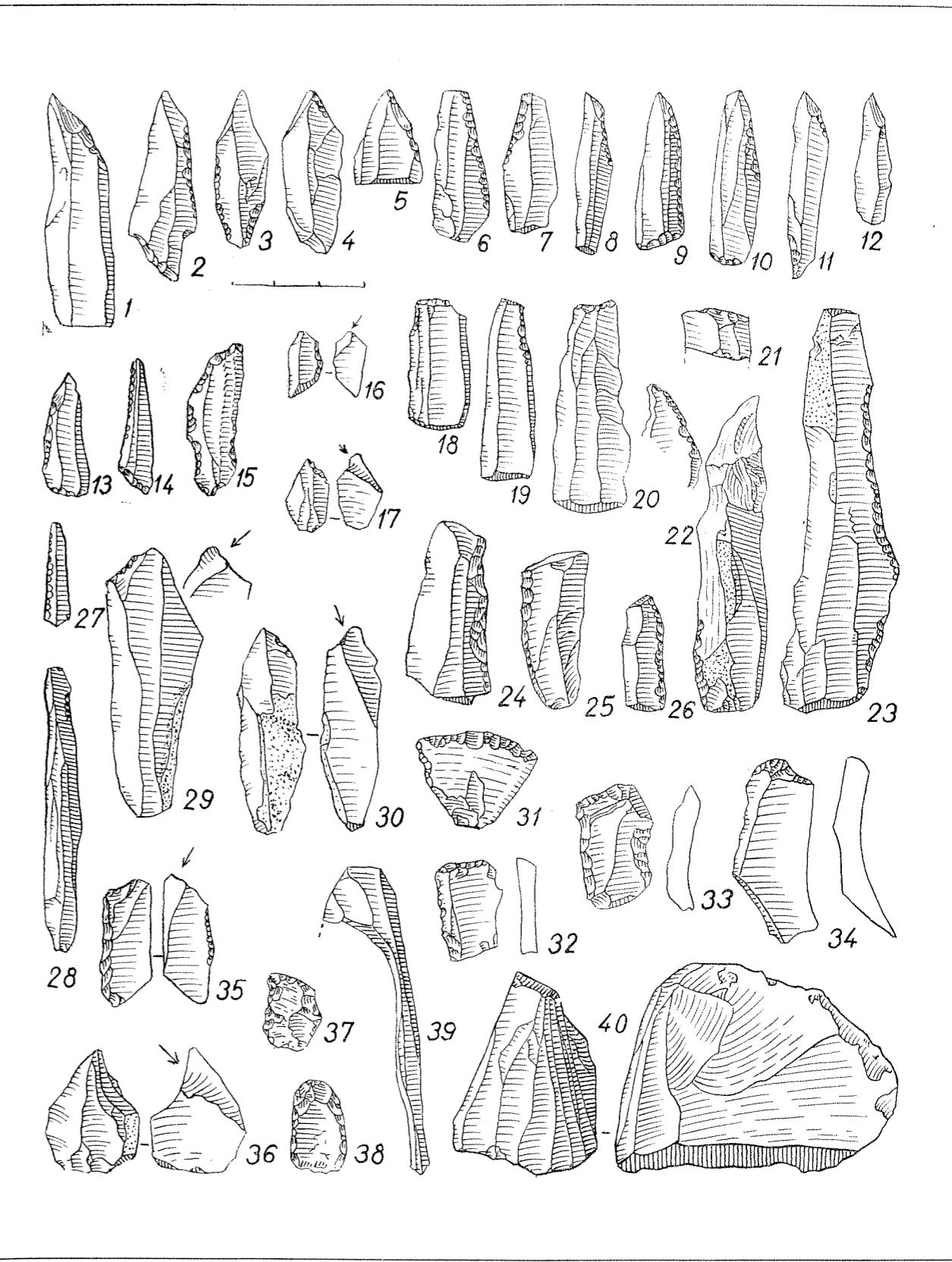

Рис. 107. Наконечники, пластинки, «микрорезцы» и нуклеусы стоянки Максимонов 4

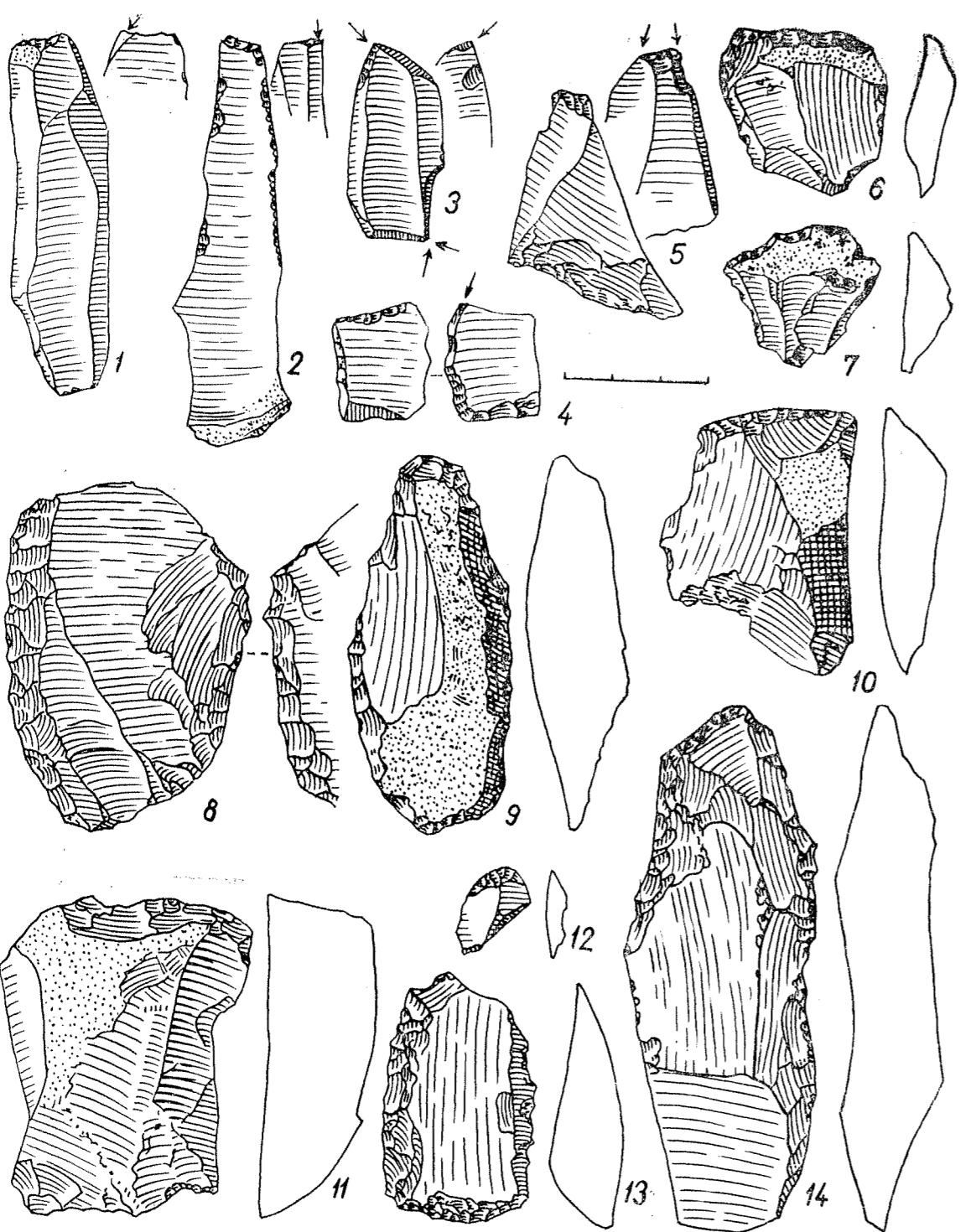

Рис. 108. Резцы, скребки и крупные орудия стоянки Максимонис 4

в мастерских, как это было в литовском палеолите.

И все-таки в инвентаре стоянок типа Максимонис 4 можно усмотреть связь с прибалтийским мадленом, однако лишь с более ранней его фазой — палеолитической. Эта общность создавалась, как мы уже говорили, не здесь, не в восточной Прибалтике.

Но и в Ютландии эта культура тоже не была местной. Та, которую мы знаем по стоянке Клостерлунд, вероятно, отделилась от мадлена в то время, когда в нем еще не было элементов микролитизации, отчетливо проявляющихся в Средней Европе с конца аллера, и в особенности в позднем дриасе. Где именно происходило это отделение, сказать трудно, но ясно, что это могло случиться в западной области ее распространения (так как волна микролитизации на Востоке проявила раньше). Продвинувшись на север, эта часть мадленской культуры и послужила основой для культуры маглемозе, какую мы знаем в Литве по стоянке Максимонис 4 и др. или Клостерлунд в Ютландии¹. Эта культура, по-видимому, принадлежала некой кочующей этнической группе. Распространялась она скорее всего только по побережью, потому что пространства, лежащие южнее, занимали группы, имевшие инвентарь с более выраженным микролитическим формами. Потому, например, считается, что микролитическая культура маглемозе пришла на Датские острова с юга, а не из Ютландии (Bronsted, 1938, стр. 85—87).

Культура без микролитов существовала непродолжительное время. Уже в бореальном периоде ее захлестнула волна микролитизации (хотя и не везде). Группа, избегнувшая микролитизации, так называемая культура побережья Ютландии (Jørgensen, 1961, стр. 440—447), была вытеснена сюда из глубины страны; большинство ее стоянок затопило Литориновое море. Остались ли в Литве представители этой ранней группы наряду с другими, которые уже знали микролитические изделия? Думается, что да.

Одним из характерных признаков культуры маглемозе обычно считают изделия из рога и кости. К сожалению, в Литве пока не удалось найти маглемозских стоянок, где бы наряду с кремневыми были обнаружены и костяные-роговые орудия². Зато известно значительное

¹ Стоянку Клостерлунд одни считают праобразом культуры Маглемозе (Mathiassen), другие — типичной представительницей культуры Гюдено (Bronsted).

² Кстати, в Ютландии (ни в Клостерлунде, ни в других стоянках типа Гюдено) так и не удалось обнаружить кремневых и костяных-роговых изделий вместе. Известный нам комплекс кремневых орудий лишь дополняется отдельными находками в торфяниках. Связать их в одно целое помогают маглемозские стоянки Датских островов.

количество отдельных изделий из рога и кости, обнаруженных в торфяниках, которые типологически соответствуют маглемозской культуре.

Найденные в Литве изделия из рога и кости не могут быть целиком отнесены к раннему мезолиту, но типы их, несомненно, были занесены сюда пришельцами — носителями культуры маглемозе — и приняты затем племенами микролито-макролитической культуры. Возможно, что некоторые из них (в особенности в атлантическом периоде) попали в Литву и не с основной культурной волной, но опять-таки из той же области маглемозской культуры.

Костяные и роговые находки важны и в другом отношении. Если мы, опираясь на кремневый инвентарь, пока не можем проследить явной связи между западной и восточной Прибалтикой, то костяные находки помогают обнаружить эту связь. Зона их распространения отчетливой лентой опоясывает западную, южную и значительную часть восточной Прибалтики.

Характерным изделием маглемозской культуры является однорядный гарпун с множеством мелких зубцов. В Литве известны два таких гарпуна. Один, с 29 зубцами, обнаружен в Янаполе (Тельшайский р-н) (рис. 109, 1), в торфянике, слева от дороги Янаполе-Павандяне (примерно 2 км от Янаполе). Длина его 28 см, ширина — 1,7 см. Это случайная находка, потому трудно с уверенностью сказать, связана она с мезолитической стоянкой Янаполе или не связана.

Второй экземпляр найден неподалеку от комплекса стоянок каменного века Маргай (Варенский р-н), в местности «Сала» у зарастающего озера Дуба (Szukiewicz, 1907, стр. 29, илл. XIII : 30; Kozłowski, L., 1924, илл. 1 : 6; Antoniewicz, WI, 1935, стр. 43, илл. X : 4). Гарпун этот (рис. 109, 2) темно-коричневого цвета; в сохранившейся части видны 9 коротких зубцов. «Сала» была неоднократно и подолгу обжита людьми каменного века. Позже ее распахивали, и культурные слои перемешались. Можно предполагать, что гарпун относится к местной мезолитической стоянке.

Незначительное число таких же не поддающихся точной датировке гарпунов было обнаружено в Калининградской области (Gaerte, 1927, илл. 106), немало — в Латвии, у озера Лубана (Šturmis, 1939, стр. 31—44; Лозе, 1966, стр. 110), и особенно много в Эстонии (Indreko, 1948, стр. 244). Там, в Эстонии, они относятся к анциловому периоду. В Западной Европе в неолите гарпуны такого рода уже исчезли; на востоке же (например, в Шигирском торфянике) еще сохранялись.

Хорошо датированные гарпуны этого типа происходят из Ютландии и ее островов. Они относятся там к маглемозским стоянкам (Bøg-

sted, 1938, стр. 68—69). Этот тип гарпуна был характерен для позднего бореала и существовал в первой половине атлантического периода (Toerferg, 1958, стр. 167, илл. 12), т. е. в течение всего мезолита, а в Восточной Европе и в неолите (Левенок, 1962, стр. 79).

К более позднему типу относятся гарпуны с редкими вытянутыми зарубками. Таких ору-

20,5 см, из которых на долю черешка, лишенного зарубок, приходится 8,7 см. Цвет гарпуна коричневый.

Такой же гарпун был обнаружен в Бябринникай, вымытый рекой Шяшупе (Вилкавишкский р-н) (рис. 109, 5). Длина его — 17,2 см, из которых 5,2 см падает на долю черешка. На вершине имеется три редких зарубки.

О том, что указанный тип гарпуна является более поздним, свидетельствует тот факт, что в стоянке Кунда он уже не встречается. Параллели гарпуну из Бябринникай имеются лишь в Пирну (Indreko, 1926, илл. II:13). Значит, его следует относить уже к литориновому периоду.

Темный цвет гарпунов указывает на то, что они лежали в торфе.

Свообразный тип представляет гарпун из Каравишикес (Варенский р-н) (рис. 109, 6). Эта находка тоже случайная. Гарпун обнаружен на глубине 3 м, в 600 м от русла р. Ула. Изготовлен из рога желтоватого цвета. Длина — 22 см, ширина 0,7 см, толщина — 1,1 см. Поперечное сечение — плоский овал. Поверхность тщательно отшлифована. У вершины три неглубокие зарубки. К какому периоду относится этот гарпун, сказать трудно. Озера в этой местности стали заростать довольно поздно, так что светлый цвет гарпуна еще ни о чем не говорит. Известно, что похожие гарпуны с 1—3 зазубринами встречаются в стоянках типа Кунды и Маглемозе вместе с мелкозубчатыми гарпунами. По некоторым признакам, гарпун из Каравишикес можно сравнивать с однозубыми эстонскими гарпунами Кунды, Сийвертси, Тырвала и др., имеющими длинную вершину и датированными радиоуглеродным методом VII—V тысячелетиями до н. э. (Янитс, 1966, стр. 118 и 123). Гарпуны этого типа в большом количестве встречаются в Дании, где датируются бореальным периодом, как и находки из Хое Фихельн (Schuld, 1961).

Кроме перечисленных, есть еще однозубый гарпун, уже давно известный в литературе (Antoniewicz, WL, 1928, стр. 308, илл. IV:3; 1935, стр. 43, илл. X:I). Это — плоское широкое орудие, изготовленное из расколотой полой кости, с вырезанной у вершины небольшой зазубриной. Длина гарпуна — 19,4 см, ширина — 3,4 см (рис. 109, 7).

В мезолите однозубые гарпуны известны в Ютландии (Mathiasen, 1948, стр. 35) и других странах, однако это в основном случайная форма, встречающаяся в инвентаре маглемозской культуры. Крупные экземпляры таких гарпунов очень похожи на те, которые встречаются у нас в ранних городищах.

Кроме того, для маглемозской культуры характерны различные роговые топорики, часто с отверстием для вставки более прочных

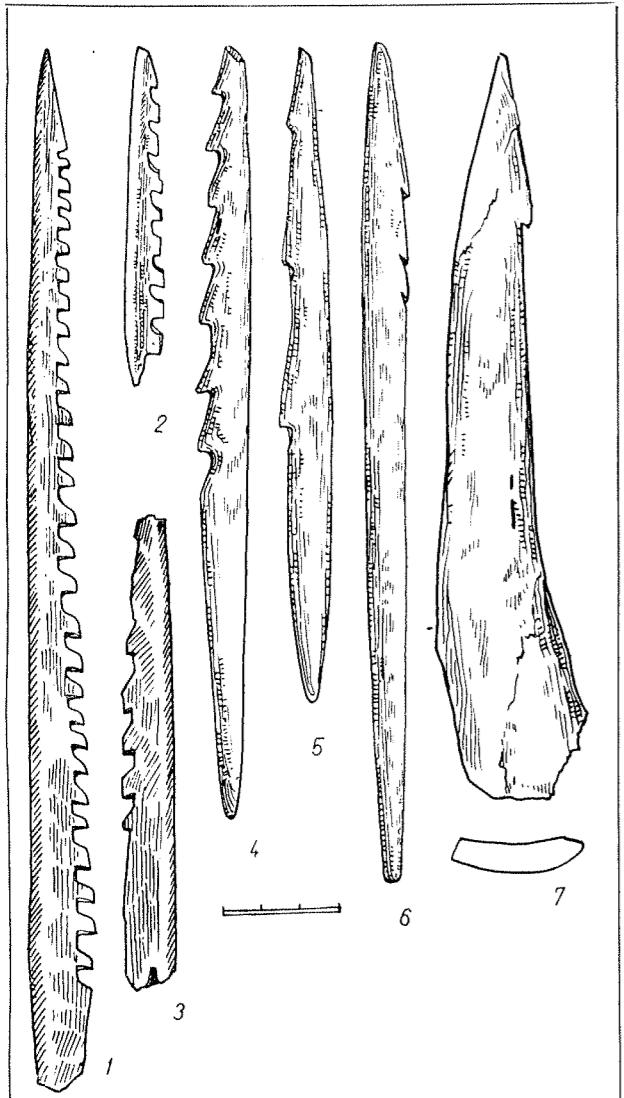

Рис. 109. Мелкозубые гарпуны:

1. Янаполе, 2. Маргай, 3. Балсупай, 4. Ужнямуне, 5. Бябринникай, 6. Каравишикес, 7. Вилкавишкис

дий найдено в Литве 2 экземпляра. Зарубки идут не по всей длине гарпуна, а сконцентрированы у острия. Нижняя часть несколько утолщена. Один гарпун происходит из Ужнямуне (Занеманья) (рис. 109, 4), точное место его обнаружения неизвестно. У него 7 острых, чуть загнутых зарубок. Верхушка обломана. Поперечное сечение — острый овал. Длина —

лезвий (см. рис. 145), но они очень трудно поддаются датировке, так же как пешни, проколки и др.

Эпипалеолитические изделия из кости сохранялись в течение всего мезолита. То же самое можно сказать и о маглемозе. Но прямо отождествлять с маглемозской культурой мы можем лишь те типы изделий, которые попали в Литву в раннем мезолите с основной маглемозской волной. К межкультурным элементам, попавшим сюда позже, часто относятся южные типы изделий.

Важным хронологическим признаком маглемозских стоянок в Литве является их расположение на первой надпойменной террасе, чаще всего на ее крае. Но такое положение стоянки занимали недолго. Как только сформировались и стали сухие поймы, люди продвинулись ближе к воде. В основном заселение края первой надпойменной террасы может быть связано только с анциловым периодом, т. е. VII тысячелетием до н. э. и, возможно, концом VIII тысячелетия. Геоморфологические

4. МИКРОЛИТО-МАКРОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЛИТВЕ

В конце бореала и в начале атлантического периода в Литве формируется местная мезолитическая культура. У нее три основных черты, каждая из которых характерна для определенных областей Европы. Первыми двумя чертами являются изделия микролитической и макролитической техники. (Поэтому стоянки данного типа, существовавшие в Литве и на соседних территориях, мы будем называть микролито-макролитическими.) Третьей чертой служат сохранившиеся элементы свидерской культуры.

Надо отметить, что все мезолитические стоянки, известные в Литве, представляются более или менее однотипными по характеру и укладываются в единую цепь развития. С наступлением бореала исчезает разнообразие культурных групп. Правда, остаются некоторые различия, объяснимые не только разновременностью стоянок. ТERRITORIALНЫЕ различия выражались в том, что в большей или меньшей степени чувствовалось влияние тех или иных соседних мезолитических культур. А северная Литва, вероятно, уже входит в ареал распространения кундской культуры. В отдельных стоянках на одной территории можно наблюдать преобладание элементов, унаследованных от предшествовавших культур. К примеру, в одних стоянках юго-восточной Литвы более сильны элементы свидерского происхождения, а в других — мадленского.

Расположение микролито-макролитических стоянок по отношению к современному уровню воды значительно отличается от местонахож-

данные литовских стоянок подтверждаются результатами радиоуглеродных исследований и пыльцевого анализа ранних стоянок маглемозе. Например, стоянку Клостерлунд пыльцевой анализ относит к пребореалю (Iversen, 1937, стр. 184). Такие же данные получены по стоянке Стар Карр, которая, кроме того, радиоуглеродным методом датирована 10167 ± 560 гг. от нашего времени (Gross, 1958, стр. 92).

Что касается характера распространения культуры маглемозе в восточной Прибалтике, то о нем до сих пор судили только по случайным находкам костяных и роговых изделий (см. следующий раздел). Однако отдельные находки, естественно, не могли ответить на вопрос: является ли распространение маглемозе только результатом культурного влияния или же обусловлено приходом нового населения? Решить эту проблему позволяют маглемозские стоянки, о которых мы говорили выше. Они свидетельствуют в пользу версии о распространении особой этнической группы по всей южной и восточной Прибалтике.

а) I этап (стоянки бореального — начала атлантического периода)

Поскольку уровень воды в конце бореального и в начале атлантического периодов почти не изменился, для всех стоянок I группы характерно одинаковое месторасположение — на пойме.

Основные отличия их кремневого инвентаря заключаются в появлении и распространении микролитов геометрических форм. Наряду